

ISSN 2079-1003
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1(12) 2014

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (12) 2014

Established in 2009
Published four times a year

Editor-in-Chief

Anna Dybo

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

Editorial Board

Polina Dambueva, Zarema Ekba, Valentin Gusev, Ariadna Kuznecova, Oleg Mudrak, Sergey Myznikov, Irina Nikolaeva (Great Britain),
Fanuza Nurieva, Grigoriy Pyurbeev, Martine Robbeets (Belgium / Germany), Irina Selyutina, Roza Tadinova

Advisory Board

Vladimir Alpatov, Alexandr Anikin, Rinat Ahmet'yanov, Marianne Bakró-Nagy (Hungary), Václav Blažek (Czech Republic),
Nikolay Egorov, Marcel Erdal (Germany), Talmas Garipov, Firdaus Hisamitdinova, László Honti (Hungary), Igor Kormushin,
Igor Kyzlasov, Johanna Laakso (Austria), Kenesbay Musaev, Dmitriy Nasilov, Irina Nevskaya (Germany), Timothy Riese (Austria),
Klaus Schönig (Germany), Natalia Shirobokova, Elena Skribnik (Germany), Piotr Slepcev, Marek Stachowski (Poland)

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2014

Co-published with

ISSN 2079-1003
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (12) 2014

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Главный редактор
А. В. Дыбо
Институт языкознания РАН

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев, П. П. Дамбуева, А. И. Кузнецова, О. А. Мудрак, С. А. Мызников, И. Николаева (Великобритания),
Ф. Ш. Нуриева, Г. Ц. Пюрбеев, М. Роббеетс (Бельгия / Германия), И. Я. Селютина, Р. А. Тадинова, З. Н. Экба

Редакционный совет

В. М. Алпатов, А. Е. Аникин, Р. Г. Ахметьянов, М. Бакро-Надь (Венгрия), В. Блажек (Чехия), Т. М. Гарипов, Н. И. Егоров,
И. В. Кормушин, И. Л. Кызласов, Й. Лааксо (Австрия), К. М. Мусаев, Д. М. Насилов, И. А. Невская (Германия),
Т. Ризе (Австрия), Е. К. Скрибник (Германия), П. А. Слепцов, М. Стаховски (Польша), Ф. Г. Хисамитдинова,
Л. Хонти (Венгрия), К. Шониг (Германия), Н. Н. Широбокова, М. Эрдал (Германия)

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2014

Совместно с

CONTENTS

No 1 (12) 2014

Viktoriya Bakula. The names of the Sami clothes	7
Maria Bezenova (Kaysina). Phonetic features of the Udmurt religious texts of the first half of the XIX century in comparison with the modern dialects.....	22
Natalia Dubrovskaya. The peculiarities of semantic derivation of noun structure in Selkup	44
Fedor Dyachkovski, Natalia Popova. <i>Alaas</i> as a concept of the Yakut (Sakha) linguoculture	58
Elena Napolnova. Demonstrative pronouns in Turkish	67
Maria Chertykova. Antonymous and synonymous correlation in the structure of the lexico-semantic group of the emotion verbs in Khakas (on the example of the verb groups of laughter and crying)	75

PERSONALIA

Lyubov Kara-ool. Igor V. Kormushin as a leading researcher of the Old Turkic runic texts of Siberia and Mongolia (to his 75 th anniversary)	86
Radion Sunchugashev. Mikhail I. Borgoyakov (1930—1983). To the 30 th anniversary of his death	90

FIELD AND ARCHIVE MATERIALS

Maria Bezenova (Kaysina). Dictionary of the Udmurt middle dialect.....	92
Style sheet	107
How to subscribe	110

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (12) 2014

В. Б. Бакула. Названия саамской одежды	7
М. П. Безенова (Кайсина). Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века в сопоставлении с современными диалектами	22
Н. В. Дубровская. Особенности семантической деривации существительных селькупского языка	44
Ф. Н. Дьячковский, Н. И. Попова. <i>Алаас</i> как концепт якутской лингвокультуры	58
Е. М. Напольнова. Указательные местоимения в турецком языке	67
М. Д. Чертыкова. Антонимические и синонимические корреляции в структуре лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке (на примере глаголов мимико-звуковых групп смеха и плача)	75

ПЕРСОНАЛИИ

Л. С. Кара-оол. И. В. Кормушин — ведущий исследователь древнетюркских рунических памятников Сибири и Монголии (к 75-летию ученого)	86
Р. Д. Сунчугашев. Михаил Иванович Боргояков (1930—1983). К 30-летию кончины	90

ПОЛЕВЫЕ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

М. П. Безенова (Кайсина). Словарь срединного говора удмуртского языка	92
Требования к оформлению статей	107
Как подписаться	110

Названия саамской одежды

Саамы — народ самобытной арктической культуры, однако «культура их не образует круга явлений, присущих лишь саамам» [Волков 2007: 43]. Этнографическая самобытность коренного народа явилась результатом проживания с незапамятных времен в суровых арктических условиях Севера, разнообразных культурных связей, которые исторически уходят в глубокую древность [Гурина, Хлобыстин 1975: 410; Мосолова, Вагинова 2006: 19], соседства с карелами, русскими, коми-ижемцами и скандинавами, о чем неоднократно встречаются замечания в этнографической литературе [Бухаров 1885: 89; Энгельгардт 1897: 64; Золотарев 1928: 142, 146; Лукьянченко 1971: 132, 136, 144; Волков 1996: 43; Хомич 1999: 34—35; Лукьянченко 2003: 89]. Все эти процессы оставили свой след в названиях одежды саамов Кольского полуострова, изменения в которой вызваны были также развитием социальных отношений и новыми эстетическими вкусами.

Русский ученый-этнограф Н. Н. Волков в истории саамской одежды выделил три этапа. Рамки первого он обозначил процессами этнического обособления и племенной организации саамов. Уже в XVI—XVII вв. родовые отличия саамов в одежде незаметны, встречаются наносные элементы, что явилось следствием меновых отношений с соседями. В изображениях костюмов западных и восточных саамов XVII в., представленных И. Шеффером и П. М. Ламартиньером, много общего: женские и мужские «каньги», мужские и женские «яры» с «огузеньем» и остатки малоизменившегося саамского древнего костюма.

Второй этап отмечен процессами государственного разграничения саамских племен, христианизацией и, как следствие, севернорусским влиянием на кольских саамов, которое особенно заметно на женских и мужских головных уборах. Характерной приметой этого этапа является сочетание древнейших элементов самобытной саамской одежды и длительное сохранение черт старинного севернорусского костюма.

Третий период в развитии саамской одежды связан с приходом ижемцев. Зимний костюм саамов вытесняется более практичной ижемской «малицей», все чаще появляется европейское платье, «типы одежды первого и второго периода встречаются лишь как пережитки и вновь не изготавливаются» [Волков 1996: 43].

1. Зимняя одежда саамов

К верхней зимней наплечной одежде саамов относятся *пѣццк*, *тѳррк*, *мѳлець* и *совехь*.

1) Национальным саамским костюмом считается *пѣццк* — в русском произношении [печок], в диалектах патсйоки, нотозерском, кильдинском и йоканьгском в значении ‘peski, rukka / pelz aus renntierfell mit den haaren nach aus sen’ ‘лопарская шуба, бедная / шуба из оленьих шкур, вылинявшая, облезшая’ [Itkonen 1958: 371] (здесь и далее перевод наш. — В. Б.). Ср. ‘beaska, -skk’ у западных саамов ~ *пѣццк* ‘печок’ у кольских саамов [Sammallahti 1991: 63].

Длинная, спускающаяся далеко ниже колен одежда с прорезом для головы и рук, «печок» делается из оленьей шкуры шерстью наружу, с довольно широкими рукавами [Харузин 1890: 93]. Как женщины, так и мужчины зимой носили «печек» («пекк»), сшитый из шкур годовалого оленьего теленка (неблюя) шерстью наружу. Особенностью печка было отсутствие каких-либо других разрезов, кроме ворота, служившего для просовывания головы; надевался печок так же, как рубаха, т. е. через голову. Широкие рукава оканчивались узким шерстяным обшлагом, позволявшим втягивать руку и пользоваться карманами внутренней, надетой под печек одежды. В длину печек опускался ниже колен, но при ношении длина регулировалась подпояской, позволявшей подбирать и опускать подол. Единственным украшением женского печка служили две кисти из красных суконных треугольников, пришитых к вороту и ниспадавших на грудь [Волков 1996: 45].

«В XIX в. сохранялась старинная наплечная одежда саамов, одинаковая для женщин и мужчин, надеваемая через голову (...). Стан сшивали из двух шкур, в бока ниже пройм вставляли клинья трапециевидной формы. На плечах шкуры соединялись полосами меха, расположенными горизонтально. Рукава заканчивались обшлагами из цветного сукна. Сукном отделявали и стоячий воротник, который имел завязки с кистями. Женский печок украшали полосками цветного сукна, мелкими перламутровыми пуговками. Носили с поясом. Подпоясывали печок так, чтобы образовывался напуск и зимой можно было бы использовать пазуху для хранения мелких вещей, которые всегда должны быть под рукой» [Хомич 1999: 31].

«Основной вид верхней плечевой одежды кольских саамов, как мужчин, так и женщин, в конце XIX в. (...) Обычно темно-коричневого цвета. (...) Широкие рукава с ластовицами заканчивались узкими обшлагами из цветного сукна. Низкий стоячий воротник стягивался завязками с кистями на концах. Основное отличие женского печка от мужского заключалось в наличии у первого украшений — главным образом на груди, у ворота, а также по подолу и обшлагам. Украшения состояли из кистей (на груди) и из узких полосок цветного сукна, пропущенных в швы. Мужской печок почти не имел украшений, иногда только делали ворот из белого меха. Печок, как правило, не различался на праздничный и повседневный. Его шили всегда одинаково. В праздничных случаях при обычном печке надевали лишь более красивую шапку. Печок саамы надевали обычно на рубаху прямого покроя из белого (у женщин) и серого (у мужчин) сукна, называемого юпой» [Лукьянченко 1971: 126; Лукьянченко 2003: 85—86].

Значение слова, зафиксированное Т. Итконеном, говорит, скорее всего, о том, что печок уже выходил из употребления.

Исходя из этнографических описаний, можно выделить следующие дифференциальные признаки одежды, обозначаемой словом *пѣццк*: 1) эта одежда глухая (без разреза спереди, надеваемая через голову); 2) из оленьих шкур; 3) сшита мехом наружу; 4) длиной ниже колена; 5) одинакового покроя для женщин и мужчин; 6) без рукавиц; 7) эту одежду носили с поясом. Главное предназначение узких обшлагов на широких рукавах и пояса — сохранять тепло в суровых условиях Севера. Дифференциация этого вида одежды по полу выражена слабо (только длина и украшения), что «свидетельствует о ее архаичности» [Лукьянченко 2003: 92].

2) Одним из старинных видов зимней саамской женской одежды, давно вышедшей из употребления и не сохранившейся до наших дней, являлась *тѳррк* ‘шуба’ [СРС 1985: 358; ССРПС 1986: 95], ‘шкура’ (в переводе с йоканьгского) [Лукьянченко 1971: 126]; ср. *тѳлл тѳррк* ‘медвежья шуба’ [СРС 1985: 358]. В современном саамском словаре приводится пример производного слова, образованного от этого имени существительного по продуктивной модели с помощью типичного суффикса, — *тѳрркѳнч* ‘шубка’, — а также словосочетание *нарна тѳрркѳнч* ‘детская шубка’ [СРС 1985: 358].

Ср.: саам. *torrk* (тлм., баб.), *toŕrk* (врз., лвз.), *toŕrke* (йкг.) [СОСД 2007: 166]. По данным Т. Итконена, слово присутствовало во всех кольских диалектах в значении ‘turkki (lammasnahkainen, vars. naisten käyttämä) / pelz (aus schaffellen, bes. von den frauen getragen)’ ‘шуба (из овечьей шкуры, носится преимущественно женщинами)’ [Itkonen 1958: 607]. Ср. родственные слова в северной группе прибалтийско-финских языков: карел. ск. *turkki* (кль., кнж., кст., вкн., тнг., онд., рбл., влд.), *turki* (пдн., юст., слщ., всг., тлч.), *tuŕk* (држ.), люд. *turkki* (ккр., свт.), ливв. *turke* (прк., клт., влз., вдл., олн., кнд.); фин. *turkki* ‘шуба’ [СОСД 2007: 166].

В этнографической литературе встречаются противоречивые и далеко не полные сведения об этом виде одежды: 1) «распашная короткая одежда до бедра из овчины, оленьих шкур, шкурок лебедя мехом (пухом) внутрь» [СК 2009: 19]; 2) «глухая одежда из оленьих шкур мехом внутрь, короче печка (выше колен)» [СК 2009: 19; Лукьянченко 1971: 126]; 3) «есть сведения, что ее длина доходила до щиколотки» [Лукьянченко 1971: 126].

«В некоторых описаниях говорится о том, что саамы покупали торрку в Коле у русских. Вероятно, позднее саамские женщины стали шить эту одежду сами» [СК 2009: 19]. В холодное время ее надевали под печок [Лукьянченко 1971: 126; Хомич 1999: 33; СК 2009: 19]. «Торку делали очень нарядной, опушали заячьим, а иногда и песцовым мехом и использовали как верхнюю праздничную одежду» [Лукьянченко 1971: 125]. Т. В. Лукьянченко отмечает, что происхождение этого вида одежды остается невыясненным [Лукьянченко 1971: 127].

Исходя из этнографических описаний и данных словарей, можно выделить следующие дифференциальные признаки одежды, обозначаемой словом *тѳррк*: 1) эта одежда глухая или распашная; 2) шилась из меха и шкурок различных животных и водоплавающих птиц; 3) мехом внутрь; 4) выше колен (или до бедра); 5) эта одежда женская; 6) эта одежда без пояса; 7) эта одежда без рукавиц; 8) надевалась под печок в холодное время. Нет данных об украшении и особенностях покроя этой одежды.

В этнографической литературе есть указания на то, что под печок надевали «ракан, дубленный полушубок из того же меха» [Немирович-Данченко 1913: 60]; ср.: «в большие морозы под печок надевается меховая рубашка из пыжачьих шкур (молодых оленей)» [Козьмин 1915: 4]. Вероятно, в этих описаниях имеется в виду одежда, обозначаемая словом *тѳррк*.

К концу XIX в. одежда кольских саамов стала дополняться, а в ряде случаев и вытесняться одеждой русских, ненцев и коми [Немирович-Данченко 1913: 61; Львов 1903: 28; Розонов 1903: 93; Дурьлин 1913: 74; Золотарев 1927: 40; Волков 1996: 43; Хомич 1999: 34; Лукьянченко 2003: 89; СК 2009: 7].

3) К заимствованной зимней одежде относится *мәлець* ‘малица’ [СРС 1985: 181], ‘малица (верхняя одежда из оленьего меха с капюшоном)’ [ССРПС 1986: 55] (Рис. 1). Ср.: коми *малича* ‘малица (верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь)’ [КЭСЯ 1970: 169] < Т ненец. *мальця* ‘малица (мужская меховая одежда с капюшоном)’ [Хомич 1954: 29], ‘малица (верхняя мужская меховая одежда, шьется мехом внутрь)’ [Терещенко 1965, 2008: 225; Терещенко 1989: 49]. Существительное *mālec* в кильдинском и йоканьгском диалектах Т. Итконен производит из коми: ‘*syrtääniläinen päähineellä varustettu peski poronahkaturkki / syrtjänischer renntierpelz mit kapuze*’ ‘коми шуба из оленьего меха с капюшоном, заимствованная лопарская шуба / коми-зырянская шуба из оленьего меха с капюшоном’ (из рус. *малица*) [Itkonen 1958: 235].

Саамское слово *мәлець* ‘малица, коми-ижемская заимствованная одежда вместо печка’ обозначает верхнюю зимнюю одежду глухого покроя, сшитую шерстью внутрь, расширяющуюся к подолу, длиной почти до щиколотки [Лукьянченко 1971: 133; Волков 1996: 43; Хомич 1999: 37; СК 2009: 7]. По вороту этой одежды пришивается двойной пыжиковый капюшон. Рукава заканчиваются пришитыми к ним меховыми рукавицами. Малицу подпоясывают кожаным поясом, оставляя на талии напуск — пазуху, служащую для хранения разных мелких предметов. Повседневная малица украшений не имеет. Праздничная малица украшается меховой опушкой по подолу, над которой пришивают одну или две узких (в два или три сантиметра шириной) полоски красного и синего сукна. Поверх мужской малицы надевается маличная рубаша — обтяжка из прочного материала; поверх женской — из атласного шелка. В холодное время мужчины и женщины надевали поверх малицы совик [СК 2009: 21].

Большое влияние на одежду саамов оказали коми-ижемцы. Заимствовав в свое время одежду у ненцев, они принесли ее на Кольский полуостров. В первую очередь в этом ряду следует назвать глухую (без застежек) одежду из оленьего меха с капюшоном — малицу. Она шьется шерстью внутрь, к нижнему краю подола пришивается двойная широкая полоса из оленьего меха (шерстью внутрь и наружу). В отличие от ненцев, у которых женская одежда существенно отличается от мужской, у саамов и коми малицу носят не только мужчины, но и женщины [Хомич 1999: 37].

Исходя из анализа этнографической литературы и данных словарей, дифференциальными признаками одежды, обозначаемой словом *мәлець*, можно считать следующие: 1) эта одежда глухого покроя; 2) из оленьего меха; 3) шьется шерстью внутрь; 4) длинная, почти до щиколотки; 5) эту одежду носили мужчины и женщины; 6) эта одежда с поясом; 7) с пришитыми к рукавам меховыми рукавицами; 8) с капюшоном. Дифференциация этого вида одежды по полу также выражена слабо: поверх мужской малицы — маличная рубаша из прочного материала, поверх женской — из атласного шелка. В то же время следует отметить различие в повседневной и праздничной одежде (украшение меховой опушкой и цветным сукном по подолу).

4) Еще одним видом заимствованной у коми-ижемцев одежды считается *совехь*, который заменил собой печок [Лукьянченко 1971: 134—135; СК 2009: 7] (Рис. 2). *Совехь* ‘совик (верхняя зимняя меховая одежда ворсом наружу, шьется из оленьих шкур, надевается поверх малицы, украшается цветным сукном или контрастным мехом)’ [СРС 1985: 325], возможно, из к.-з. *сөвик* (вым., иж., нв., печ., уд.) ‘верхняя одежда (шуба, доха) из оленьей шкуры (мехом наружу)’ [ССКЗД 1961] < ненец. *сәвәк* ‘верхняя меховая одежда, надеваемая в сильные морозы поверх малицы’ (коми слово могло быть усвоено через посредство русского языка: ненец. *сәвәк* > рус. сев. (мез.) *совик* > к.-з. *сөвик*) [КЭСЯ 1970: 262]; ср. Т ненец. б.-з., зап. *сәвәк* ‘совик (верхняя меховая одежда мужчины, надеваемая в сильные морозы поверх малицы, шьется мехом наверх)’ [Терещенко 1965, 2008: 518] = тайм. *сок* [там же: 566] = ямал. *сөк* [там же: 566].

Совик — верхняя меховая одежда с капюшоном, но без рукавиц, сшитая шерстью наружу. Формой он напоминает малицу, но значительно длиннее и шире. Саамы надевали совик поверх малицы и печка, носили его без пояса. Совик удлинялся за счет широкой меховой «панды»¹, пришитой к нижнему краю подола. На подол и рукава нашивались по три узких орнаментальных полоски. В поселках и саамские, и коми женщины носили белые нарядные совики и надевали их на тканевую одежду [СК 2009: 21].

Исходя из анализа этнографической литературы и данных словарей, дифференциальными признаками одежды, называемой словом *совехь*, являются следующие: 1) эта одежда глухого покроя; 2) из оленьего меха; 3) шьется шерстью наружу; 4) длиннее малицы; 5) одинакового покроя для мужчин и женщин; 6) эта одежда без пояса; 7) без рукавиц; 8) с капюшоном. Отличительной особенностью совика является то, что он носится поверх малицы и печка в сильный мороз или дождь. Дифференциация этого вида одежды по полу выражена слабо.

¹ Панда (от Т ненец. *панд*”(д) ‘нижняя часть мужской меховой одежды; обшивка (подола)’ [Терещенко 1965, 2008: 441]) — полоса меха шириной 17—20 см, пришитая по подолу мехом наружу.

Таким образом, полностью совпадает только первый признак верхней зимней плечевой саамской одежды — глухой покрой. Скорее всего, более европеизирован вид одежды *тõррк*, т. к. эта одежда дифференцирована по полу; кроме того, есть указания на заимствование ее у русских. Малица (*мәлець*) совместила в себе самые практичные признаки зимней одежды: длину, пояс, рукавицы, капюшон, шилась мехом внутрь. «Преимущество малицы перед печками в том, что она надевается мехом внутрь и лучше сохраняет тепло; при малице не требуется шапки, т. к. она снабжена меховым капюшоном; при необходимости его можно затянуть до таких пределов, что останется лишь небольшое отверстие для дыхания. Наконец, рукава малицы оканчиваются рукавицами, обогреваемыми теплом всего тела» [Волков 1996: 46] (эти данные подтверждает и Т. В. Лукьянченко [Лукьянченко 1971: 134]). Все это, вероятно, послужило причиной долговечности данного вида одежды. В то же время появляются некоторые отличия в женской и мужской одежде, которые касаются не покроя, а ее украшения, цвета и длины.

2. Летняя одежда саамов

1) К летней наплечной одежде саамов относится *мәцэх* 'юпа (верхняя одежда из сукна типа малицы)' [СРС 1985: 185] (*Рис. 3, 19*), *сәррәк мәцэх* 'юпа из грубого сукна' [СРС 1985: 316]; во всех кольских диалектах это слово употребляется в значении '«lapintakki», sarkainen (G. <т. е. [Genetz 1891]) myös: parkkinahkainen mekko / ein hemdförmiges äusseres kleid aus grobem wollstoff od. auch (G. <т. е. [Genetz 1891]) aus leder' ('«лопарская куртка», пальто, рабочая одежда, халат из сермяжной ткани или кожи / верхняя одежда в форме рубашки из грубого шерстяного материала, из кожи)' [Itkonen 1958: 243].

Одежду *мәцэх* (юпу) надевали под печок, это была рубаха прямого покроя из сукна. Юпа имела небольшой разрез с планкой и невысокий стоячий воротник с закругленными краями, которые по краю обшивались цветной тесьмой. По вороту, обшлагам и подолу размещали украшения [СК 2009: 5].

«Летняя одежда мужчин и женщин состояла из юпы (*мәцэх*), изготавливаемой для первых из грубого серого сукна, для вторых — из белого, более тонкого, покупавшегося у русских или норвежских торговцев. Покрой юпы аналогичен покрою печка, но несколько короче. Ворот и обшлага женской и мужской юпы обшиты красным сукном и расшиты бисерными узорами. (...) Женщины подпоясывали юпу вязаными поясами, мужчины — кожаным ремнем с подвешенным в футляре ножом и — в качестве оберегов — двумя, тремя и более медвежьими когтями» [Волков 1996: 45].

Саамы надевали зимний печок на рубаху из белого (у женщин) и серого (у мужчин) довольно грубого сукна, прямого покроя, называемую юпой. Юпу шили по покрою печка, длиной до щиколоток у женщин и до колен у мужчин. Невысокий воротник-стойка переходил спереди в планку, которая прикрывала небольшой разрез в мужской юпе и длинный, до пояса, в женской. Юпа отличалась по цвету и расшивалась бисером. Вокруг планки нашивались маленькие треугольники из разноцветного сукна. Край подола обшивался однотонным ситцем, или сатином, или же свитым из шерстяных ниток шнуром. Иногда для украшения вставлялись полоски цветного сукна. Летом юпа часто служила верхней одеждой. В конце XIX в. в некоторых саамских погостах юпа более всего была распространена среди женского населения, в других, в основном в восточных погостах Кольского полуострова, — среди мужского [СК 2009: 39].

«Лопари летом носят юпу — одежду такого же покроя, как и печок, только суконную (юпа теперь почти исключительно женская одежда); на ней преимущественно проявляется изящный вкус лопаря, ибо около ворота юпы нашиваются маленькие кусочки разноцветных сукон. Юпу как одежду мужчины мне встречать не приходилось: она даже в отдаленных погостах вытеснена, по-видимому, кяхтаном и сделана теперь исключительно принадлежностью женской одежды» [Харузин 1890: 93].

В XIX в. сохранялась старинная наплечная одежда саамов, одинаковая для женщин и мужчин и надеваемая через голову (без разреза спереди). Летнюю одежду (юпу) шили из сукна или иной плотной ткани, носили с поясом. Зимой юпу иногда надевали под печок. Юпу кроили из целого куска ткани, сложенной вдвое. Она имела два шва по бокам и вшитые цельнокроенные рукава, суживающиеся к запястью. Иногда подол юпы делали слегка расклешенным. К разрезу ворота пришивали планку из того же материала, а небольшой стоячий, с закругленными углами воротник обшивали по краям цветной тесьмой. Застегивался ворот с помощью самодельных или покупных пуговиц. Ворот, подол и рукава украшали аппликациями из цветного сукна в форме ромбов и треугольников, бисером, цветной тесьмой [Хомич 1999: 30]. Зимой юпу носили под печок, а летом она служила верхней, иногда промысловой, одеждой, которую использовали на рыболовном и охотничьем промыслах [Лукьянченко 1971: 127].

Исходя из анализа этнографической литературы и данных словарей, можно выделить следующие дифференциальные признаки одежды, обозначаемой словом *мәцэх*: 1) эта одежда из сукна; 2) прямого покроя; 3) с невысоким воротником-стойкой, переходящим в планку; 4) с разрезом спереди; 5) носилась

с поясом; 6) надевалась через голову. В разное время и в разных погостах эта одежда становилась преимущественно женской или мужской. Мужская и женская юпы были одного покроя, отличались только качеством сукна (мужская — из грубого), цветом (мужская — серая, женская — белая) и длиной (мужская — до колен, женская — до щиколоток). Однако со временем одежда все больше дифференцируется по полу, наряднее и разнообразнее украшается.

2) К летней саамской одежде относился сарафан, который вошел в быт саамов к концу XIX в. Для названия данного вида одежды имелось две разных лексемы — *коххт* и *сарафан*. «Сарафаны могли быть заимствованы либо у коми, либо у русских. Сарафан, заимствованный у русских, назывался *коххт*» [Хомич 1999: 34, 37]. Современные саамские словари отражают только одно название этого вида одежды — *с̄арфан* ‘сарафан’ [СРС 1985: 316].

Ср.: саам. *saarfan* (тлм., лвз., баб.), *sarfan* (врз.), *saravan* (йкг.) [СОСД 2007: 165]. Т. Итконен указывает на разные ареалы распространения названий данного вида одежды: в патсьйоки и кильдинском диалектах — *коххт* ‘«kohto», hartuushame, sarafaani / sarafan’ ‘кофта’ (R *kapte, kopto* < skand.; *кофта*) [Itkonen 1958: 141]; в йоканьгском — *сарафан* ‘sarafaani, olkainhame / sarafan, russischer frauenrock’ ‘сарафан, русская женская одежда, юбка’ (из рус. *сарафан*) [Itkonen 1958: 474]. Возможно, это связано с тем, что в разных погостах был распространен тот или иной вид сарафана. Ср. со словами из северной группы прибалтийско-финских языков: карел. ск. *sarafana* (кль., кст., вкн., тнг., рбл., юст., вдл., тлч.), *saraaffana* (слщ.), *sarapana* (всг.), *sarfan* (држ.), люд. *sarahpana* (свт., мхл., ккр.), *saraffan* (глз.), ливв. *sarafan* (прк., клт., влз., вдл., олн.); вепс. сев. *sarafon* (шлт., ксп.), срд. *sarafon* (ошт., влх., озр.), южн. *sarafan* (сдр.). Ср. рус. *сарафан* [СОСД 2007: 165].

Одежда *с̄арфан* — высокая юбка на узких лямках, сшитая из четырех или пяти прямых полос ткани яркого однотонного (часто красного, голубого, желтого) или пестрого сатина, тика, ситца, собранных наверху в частую сборку [Лукьянченко 1971: 128; СК 2009: 41]. Сарафан заканчивался широким поясом, к которому пришивали лямки из ситца другого цвета. На левом боку была застежка. Иногда пояс был намного шире и имел разрез спереди от груди до талии, который застегивался на пуговицы. Подол юбки обычно обшивали кружевом или двумя рядами лент. Зажиточные саамы использовали для пошива сарафанов более дорогие ткани: сукно, шелк и парчу. Саамский сарафан был заимствован у русских в конце XVIII в. С начала XX в. саамскими женщинами был также заимствован покрой коми-ижемского сарафана, у которого встречные складки располагались сзади, а спереди они отсутствовали [СК 2009: 41]. «Летом женский костюм состоит из платья, покроем своим напоминающего сарафан, это лопарский *коххт*, который шьется из ситца разных цветов, нередко красного, с широкими рукавами, подвязанными у кисти рук; рукава иногда делают и из другой материи, чем все платье» [Харузин 1890: 93—94].

Исходя из описаний, встречающихся в этнографической литературе, и данных словарей, дифференциальными признаками одежды, обозначаемой словом *с̄арфан*, являются следующие: 1) эта одежда женская; 2) яркая однотонная (часто красная, голубая, желтая) или пестрая; 3) из сатина, тика или ситца (у богатых — из сукна, шелка, парчи); 4) состоит из юбки, собранной в сборку, и лямок. В то же время сарафан мог быть разного покроя — с рукавами или без них. Русский сарафан был заимствован раньше коми-ижемского и назывался «лопарский *коххт*». Его отличительной особенностью были широкие рукава, подвязанные у кистей рук. У коми-ижемского сарафана встречные складки располагались сзади, он представлял собой юбку на узких лямках.

Поверх сарафана саамы носили передник (*ф̄артэк* ‘фартук’ [СРС 1985: 374]), сшитый из такого же, как сарафан, материала. Сзади передник завязывали тесемками.

Под сарафан надевалась *кофта* (в йоканьгском диалекте — *kurta* [Лукьянченко 1971: 128]), приталенная, ситцевая или шерстяная на ситцевой подкладке [СК 2009: 6]. Поверх сарафана надевали короткую пеструю кофту из ситца, шерстяной или шелковой ткани ярких оттенков на сатиновой подкладке. Кофту шили в талию и украшали оборками, она имела невысокий стоячий воротник, спереди — застежку. Рукава были длинные, собранные у плечей в сборку и суживающиеся к обшлагоу [СК 2009: 43].

На примере сарафана можно увидеть, как качество одежды отражает социальный достаток ее владелицы: зажиточные саамы используют дорогие ткани. Одежда приобретает разнообразие покроя.

3) К летней саамской одежде относится и *н̄аййт* ‘нательная рубашка’ [СРС 1985: 246], *n̄aiyit* ‘рубашка, сорочка’ [ССРПС 1986: 69], ‘*paita / hemd*’ ‘рубашка’ (во всех кольских диалектах) [Itkonen 1958: 328], *найд* [Лукьянченко 1971: 128] (Рус. 4). Ср.: саам. *pajjt* (тлм., врз., йкг., баб.), *pajjd* (лвз.).

Ср. родственные слова в северной группе прибалтийско-финских языков: карел. ск. *paita* (кль., кжн., кст., вкн.), *paida* (тнг., онд., рбл., пдн., юст., слщ., всг., тлч.), *paid* (држ.), люд. *paidu* (ккр.), люд. *paide* (свт.), люд. *paid* (глз., мхл.), ливв. *paidu* (прк., клт., влз., вдл., олн.), ливв. *paido* (кнд.); вепс. сев. *paid*

(шлт., ксп.), срд. *paít* (ошт., влх.), срд. *peid* (озр.), южн. *peid* (сдр.) ‘рубашка (мужская)’; фин. *paita* ‘рубашка, сорочка’ [СОСД 2007: 164].

Летом саамы носят рубахи, обыкновенно ситцевые, разных цветов [Харузин 1890: 92]. К нижней плечевой одежде саамов конца XIX в. относится полотняная (у женщин) и ситцевая (у мужчин) рубаха туникообразного покроя, длиной до колен, с прямым воротом и длинными прямыми рукавами с ластовицами. Стан рубахи состоит из двух прямых полотнищ и двух небольших боковых клиньев [СК 2009: 43].

Исходя из описаний, встречающихся в этнографической литературе, и данных словарей, дифференциальными признаками одежды, обозначаемой словом *náiyit*, являются следующие: 1) эта одежда полотняная или ситцевая; 2) туникообразного покроя; 3) длиной до колен; 4) с прямым воротом; 5) разных цветов; 6) имеет разрез спереди. Данный вид одежды слабо дифференцировался по полу (отличие мужской и женской рубах только в ткани), о чем свидетельствует одинаковый покрой и отсутствие отдельных слов для обозначения мужской и женской одежды в кольских диалектах.

3. Головные уборы саамов

3.1. Зимние головные уборы

В саамском языке наличествует общая лексема для обозначения всех видов зимних головных уборов — *кабнерь* ‘шапка’ (Рис. 5, 20): *коаннйт кабнерь* ‘меховая шапка’ [СРС 1985: 93], ‘шапка’ [ССРПС 1986: 34], ‘суконная шапка’ [Лукьянченко 1971: 130; СК 2009: 6]; *олм бллма кабнерь* ‘мужская зимняя шапка’; *нызан кабнерь* ‘женская зимняя шапка’; *нййт кабнерь* ‘девичья зимняя шапка’; *парна кабнерь* ‘зимняя шапка для новорожденного ребенка’ [СК 2009: 15]. Во всех кольских диалектах это слово имело значение ‘lakki (vars. miehen) / mütze (bes. des mannes)’ ‘шапка (преимущественно мужская)’ [Itkonen 1958: 107].

Ср.: саам. *kahpper* (тлм., баб.), *каВпер* (врз., йкг.), *каВпер* (лвз.). Ср. родственные слова в северной группе прибалтийско-финских языков: карел. ск. *küpärä* (кст.) ‘маленькая шапка из толстой ткани’; фин. *küpärä* ‘шлем, каска’ [СОСД 2007: 166].

Мужская саамская шапка состояла из околыша красного или синего цвета, высокой четырехугольной тульи из материала другого цвета и наушников с тесемками. Шапки шили на меховой подкладке с опушкой. Женские суконные шапки, в отличие от мужских, имели высокую круглую тулью [СК 2009: 6]. «У мужчин это суконная шапка (*каппер*), состоявшая из околыша (нижней части) красного или синего цвета, высокой четырехугольной тульи (верхней части) другого цвета (красного, синего или черного) и наушников, имевших на концах тесемки, которые завязывались под подбородком. Иногда околыш и наушники делали из лисьего меха. В швы вставляли канты из сукна другого цвета. Шапка имела подклад из оленьего меха. Капперы украшали цветным сукном, бисером, иногда даже жемчугом. Женские зимние шапки сходны с мужскими, только тулья делалась не четырехугольной, а круглой» [Хомич 1999: 33]. «Зимняя шапка резко отличается от летнего колпака: она с четырехугольным дном, разноцветная, украшена подчас также треугольниками из разноцветного сукна и опушенная мехом (оленьим, лисьим и т. д.), к затылку она спускается и закрывает шею от воздействия холода» [Харузин 1890: 93].

Исходя из описаний, встречающихся в этнографической литературе, и данных словарей, дифференциальными признаками головного убора, обозначаемого словом *кабнерь*, являются следующие: 1) это зимний головной убор; 2) на меховой подкладке; 3) с опушкой и наушниками; 3) для его изготовления использовался мех разных животных; 4) этот головной убор на завязках; 5) закрывает шею от воздействия холода. На данном типе головного убора хорошо прослеживается дифференциация по полу: женская шапка имеет более высокую и круглую тулью, мужская — четырехугольную.

3.2. Летние головные уборы

Известны саамские женские и девичьи летние головные уборы.

1) Девичий головной убор назывался *пёрвевесск* ‘девичий головной убор (круглой формы без верха, высотой около 10 см; шьется из красного сукна, расшивается бисером; поверх него обычно надевают шелковый платок)’ [Лукьянченко 1971: 131; СРС 1985: 254] (Рис. 6, 7), ‘*timppi, leveän vanteen muotoinen tytönpräähine / kopfbedeckung des mädchens in form eines breiten reifens*’ ‘головной убор девочки / девушки в форме широкого ободка’ (из рус. *перевязка*) [Itkonen 1958: 357].

Перевязки делались из бересты, обтягивались красным сукном и расшивались бисером, различались по форме [СК 2009: 6]. Берестяной или картонный обод (шириной от 10 до 15 см) обшит красным сукном; спереди и по бокам орнаментирован бисерной вышивкой, обычного у саамов геометрического сти-

ля [Волков 1996: 45]. Девичий головной убор представлял собой цилиндр из бересты без донышка, обтянутый красным сукном и расшитый бисером [Лукьянченко 2003: 89]. Девичий головной убор — перевязка. Под нее, в отличие от «шамшуры» (см. ниже), не заправляли спереди волосы [Хомич 1999: 33; Лукьянченко 2003: 89].

Дифференциальными признаками головного убора, обозначаемого словом *пёрвесськ*, являются следующие: 1) это летний головной убор; 2) это девичий головной убор; 3) круглой формы без верха; 4) его основанием служила береста; 5) под него не заправляли волосы спереди. Перевязка была заимствована у русских (ср. название и покроя) и широко распространилась у саамов в конце XIX в.

2) Другой летний саамский головной убор — *шәмми* ‘шамшура (праздничный головной убор замужней женщины из красного тонкого сукна, расшитого бисером)’ (завязывается на голове красной лентой или тонкой косынкой; уплотненная передняя верхняя часть шапочки нависает козырьком надо лбом; поверх шапочки надевается однотонный шелковый платок, чаще с длинными кистями), *рүптьсесь руэсск шәмми* ‘шамшура из красного сукна’ [СРС 1985: 409]; *шәмми* ‘шамшура (национальный женский головной убор, кокошник)’ [Лукьянченко 1971: 131; ССРПС 1986: 110], ‘tano, vaimonlakki / frauenmütze’ (‘женский головной убор’) (из рус. *шамшура*) [Itkonen 1958: 544] (Рис. 8, 9, 18).

Головной убор саамской замужней женщины, называемый *шамшура* (*шамшед*), изготовлялся из красного сукна, натягиваемого на бересту или картонный каркас. Основание этого убора представлял повойник с присоединением изогнутого надо лбом поперечного гребня и тыльной части, закрывающей шею. Обычно по красной поверхности шамшуры нанесены семи- или шестицветные бисерные узоры стилизованного геометрического характера [Волков 1996: 45]. «Праздничный женский головной убор; надевается на голову так, чтобы волосы надо лбом не были видны; состоит из низкого цилиндра, плавно переходящего в полуэллипсное возвышение, нагнутое вперед; на задней нижней части — козырек-противовес с пришитыми к краю свинцовыми подвесками или бусинами; украшается бисером и жемчугом, по форме напоминает шлем Афины. Считается, что шамшура заимствована от русских, некоторые детали этого головного убора и его украшения в течение времени несколько видоизменились. Делалась из бересты, обтягивалась красным сукном и расшивалась бисером» [СК 2009: 6, 35].

Узоры из бисера на женских шамшурах представляют значительный интерес, для них характерны свои приемы орнаментации. Саамские шамшуры привлекали к себе внимание исследователей и путешественников еще в XIX в. Так, В. И. Немирович-Данченко писал: «Женщины носят на голове головной убор с торчком стоящим языком, кои (...) пуговицами, бусами, галунами, стеклышками, кусочками зеркал, металлическими шариками усаженные. У одной старушки я видел его украшенным сплошь старинными рублями» [Немирович-Данченко 1913: 61]. Данное описание интересно тем, что автор отметил одну из наиболее древних разновидностей декорирования шамшур монетами, которая позднее уже не фиксировалась. Бисерными узорами шамшуры украшались по лицевой и задней части возвышающейся надо лбом «короны», а также по боковым крыльям и «подзатыльнику». Узкими полосами бисера подчеркивались конструктивные швы, не декорировался лишь прикрывающий макушку мягкий чепчик. Каждый «участок» шамшуры был украшен своими композициями и мотивами [Косменко 2002: 46]. Вероятно, не без влияния русских у саамов появились головной убор типа кокошника [Хомич 1999: 34].

Исходя из описаний в этнографической литературе и данных словарей, дифференциальными признаками головного убора, обозначаемого словом *шәмми*, считаются следующие: 1) это летний головной убор; 2) это головной убор замужней женщины; 3) это головной убор круглой формы; 4) его основанием служила береста; 5) под него заправляли волосы.

4. Зимняя обувь саамов

К зимним видам обуви относятся *ёррь*, *тубэрк*, *пима*, *бурка*, *коаммэ* и др.

1) Слово *ёррь* ‘яры’ обозначает «длинные меховые сапоги, сшитые из темных или белых койб², с подошвами из оленьих лбов» [ААА]. Лексема наличествует во всех кольских диалектах [Itkonen 1958: 63]. Яры шили из оленьих шкур мехом наружу, с длинными голенищами [Лукьянченко 1971: 132; СК 2009: 6].

«Яры чрезвычайно красивы, они сшиты из шкур молодых оленей и состоят из ряда узких продольных полосок, причем полосы из темной шкуры чередуются с полосами из шкуры белого цвета. Иногда на швах, соединяющих эти полоски, пришиты треугольники из сукна черного, красного и желтого цвета. Носки у яров, как и у нюреньков, острые, длинные, приподнятые вверх» [Харузин 1890: 93].

² Койба (или камыс) — шкура с ног оленя [СРС 1985: 116; ССРПС 1986: 40].

«При переездах на оленях одевали яры (*иерь*) — сапоги с длинными голенищами, верха которых оканчивались пришитыми к ним замшевыми штанами (огузенье). Головки таких сапог с загнутыми вверх острыми носами и голенищами изготовлялись из наиболее прочной оленьей шкуры, содранной с нижних конечностей оленьих ног (койб), шерстью наружу. (...) Женские яры изготовлялись преимущественно из белых койб, мужские — попеременно: из белых продольных полос с черными или коричневыми» [Волков 1996: 45].

«Длинные меховые сапоги, сшитые из темных или белых койб (шкур с ног оленя), с подошвами из оленьих лбов. Иногда темные полосы койб чередовались с белыми. В швы, соединяющие эти полоски, мастерицы вшивали треугольники из сукна черного, красного и желтого цветов. Носки у этой обуви были слегка подняты вверх. Яры пришивались к огузенью (*цегь*) из замши с застежкой сбоку. Яры с огузеньем надевались поверх узких суконных или меховых штанов. Внутрь вставлялись короткие меховые чулки или мягкие каньги. В холодную погоду поверх яров саамы надевали меховую короткую (до колен) обувь (тобры)» [Лукьянченко 2003: 25].

«Зимняя обувь (яры) с голенищами выше колен украшалась цветным сукном, вставленным в швы и нашитым сверху. Их носили мужчины и женщины во время перекочевок по тундре» [Хомич 1999: 33].

Исходя из приведенных этнографических материалов, можно выделить следующие дифференциальные признаки обуви, обозначаемой словом *ērrь*: 1) эта обувь с высокими голенищами; 2) мехом наружу; 3) шилась из шкур с ног оленя и оленьих лбов; 4) эта обувь с слегка загнутыми вверх острыми носами; 5) пришивалась к замшевым штанам. Дифференциация этого вида одежды по полу выражена слабо: женские и мужские яры отличались цветом (женские яры изготовлялись из белых койб, мужские шились из койб разного цвета попеременно).

Слово *цѣгь* имеет значение 'короткие штаны из дубленой кожи (к которым пришиваются меховые чулки)' [СРС 1985: 378] (ср. 'огузенье, верхняя часть яров и тоборок, изготовлялась из дубленой оленьей кожи' [СК 2009: 29]).

2) Слово *тубэрк* обозначает «тоборки», повседневную обувь высотой до бедер, которая шьется в основном из темного меха ворсом наружу, носится поверх меховых чулок и привязывается к поясу завязками [СРС 1985: 359]. Ср. коми диал. *тѳбек* 'обувь из просмоленной кожи', к.-з. иж. *тѳбек* 'рабочие пимы' [ССКЗД 1961] < Т ненец. б.-з. *тобак*'' 'тобаки (меховая обувь без швов и суконной отделки, надеваемая в зимнее время)', ямал. *тобак*'' 'чулки из оленьей шкуры', Т ненец. *тобак* 'тобак', 'чулок из оленьей шкуры' [Терещенко 1965, 2008: 664]. Рус. (мез.) *тобоки*, *топаки* также заимствованы из ненецкого языка [КЭСКЯ 1970: 283].

«Весной и осенью (саамы) носят тобурки, голенища которых делают из старых выносившихся пимов или яров, а оголовье из тюленьей просмоленной кожи, подвергнутой этой обработке уже в сшитом готовом виде. Для просмаливания тобурки ставят в таз, наполненный смоляной водой, внутрь также наливают эту жидкость. Просмоленная таким способом в течение полутора суток обувь уже не боится сырости» [Иванов-Дятлов 1928: 67].

«Тоборки — заимствованная коми-ижемская обувь вместо яров. Рабочая обувь с длинными голенищами из старых выносившихся пимов или яров, с оголовьем из тюленьей просмоленной кожи. Заимствована у коми. Тоборки надевали на каньги, сшитые из мягкой, хорошо выделанной кожи, или же вставляли внутрь липты» [СК 2009: 7, 28].

«Тоборки стали у саамов основным видом промысловой одежды, которая полностью сохраняет значение и в настоящее время. Головки промысловых тоборков делают из шкуры нерпы, а голенища — из кожи или брезента. Эту обувь носят летом и осенью на оленеводческом и рыболовном промыслах» [Лукьянченко 1971: 136].

Таким образом, в качестве дифференциальных признаков этого вида обуви можно выделить следующие: 1) эта обувь высокая (до бедер); 2) из меха наружу (зимняя) или из кожи (осенняя и весенняя); на изготовление этой обуви идет мех оленя или кожа морского зверя (тюленья, нерпичья); эта обувь из комбинированного материала; 3) привязывается к поясу завязками.

Исходя из того, что обувь *тубэрк* носилась на каньги (см. ниже), можно предположить, что она повторяла форму канег, т. е. была со слегка загнутыми носами. Отличительной особенностью этого вида обуви является то, что она рабочая, поэтому ее делали из непромокаемой тюленьей или нерпичьей просмоленной кожи, обработанной специальным способом, что значительно увеличивало ее практичность [Лукьянченко 1971: 136]. Для рабочей обуви неактуальны были украшения, поэтому никакой дифференциации по полу не было. Кроме того, изготовление этого вида обуви говорит о практичности и хозяйственной смекалке саамов, которые умело сочетали старые детали обуви (от пимов или яров) с прочными новыми (оголовьем). «Совершенно бесспорны преимущества тоборков с непромокаемыми головками из шкуры нерпы перед пропускающими воду каньгами» [Волков 1996: 46].

3) К заимствованной зимней обуви относятся *пима*, которые стали употребляться вместо яров (Рис. 10, 11): *пима* ‘пимы (праздничная зимняя национальная обувь до бедер, шьется из белых койб, украшается орнаментом из койб контрастного цвета и цветного сукна)’ [СРС 1985: 256]. Это высокая (до паха) обувь из оленьих шкур мехом наружу, с мягкой подошвой и круглым тупым носком. Чтобы пимы не спускались, их прикрепляют к поясу особыми ремешками, пришитыми спереди к верхним краям пимов [Лукьянченко 1971: 135].

Ср. к.-з. иж. *тим* ‘пимы’ [КЭСКЯ 1970: 221] < Т ненец. *пи́ва* ‘пимы (обувь из оленьего меха, шьется мехом наружу)’, *пи́ва* ‘пим’ [Терещенко 1965, 2008: 461]. Т. Итконен ограничивает ареал распространения данного слова кильдинским диалектом — в значении ‘*samojedilaiset poronahkaiset varsikengät, koipisaappaat / samojedische stiefel aus renntierfell*’ (‘самоедские сапоги из шкуры (меха) оленя’) (из рус. *тимы*) [Itkonen 1958: 378].

Пимы — «это нарядная обувь с длинными голенищами, заимствованная саамами у коми в конце XIX — начале XX в., сшитая из темных (для мужчин) или чередующихся темных и белых койб (для женщин), с подошвами из оленьих щеток (грубый волос с нижней части ног оленя). В пимы саами, как и коми, надевают липты, меховые чулки, сшитые из оленьих шкур мехом внутрь, длиной выше колен. Чтобы пимы не сползали с ног, их привязывали к поясу узкими кожаными ремешками, а под коленями подвязывали вязанными, плетеными или ткаными из овечьей шерсти оборами (подвязками). В XX в. яры были полностью вытеснены пимами» [СК 2009: 7, 27]. «Заимствована и обувь выше колен, сшитая из камусов шерстью наружу, — пимы» [Хомич 1999: 37].

Нередко пимы украшались белыми полосками [Волков 1996: 49]. На современных пимах они превращены в самостоятельный орнамент. На передней части обуви делаются многорядные поперечные и продольные надрезы, куда затем вшиваются узкие полоски цветного сукна. Женские пимы украшаются зональными полосками у стопы обуви, мужские — у голени [Косменко 2002: 35].

Исходя из этнографических сведений, можно выделить следующие дифференциальные признаки вида обуви, обозначаемого словом *пима*: 1) эта обувь высокая; 2) сшита из меха наружу; 3) сшита из оленьего меха (с ног и подошвы); 4) привязывается к поясу кожаными ремешками и под коленями — вязаными или плетеными оборами. Мужские и женские пимы одинаковы по покрою, отличаются только цветом меха и расположением полосок из цветного сукна. «Представляется спорным — более ли приспособлены для севера пимы с липтами, нежели саамские яры с огузениями, но и здесь яры должны были уступить дорогу пима, украшенным разноцветным сукном» [Волков 1996: 46].

4) Саамское слово *бурка* имеет значение ‘бурки (до колен, женские или детские, шьются из койб, украшаются по швам цветным сукном, передняя часть украшается койбами контрастного цвета с орнаментом, например, головы оленя с рогами)’ [СРС 1985: 31] (Рис. 12—14). Бурки — «это короткая (ниже колен) меховая обувь из оленьих койб с подошвой из оленьих щеток, спереди украшенная полосками сукна и меховой мозаикой. Заимствована саамами у коми в конце XIX — начале XX в. Позднее саамы стали вставлять на переднюю часть бурок расшитые бисером прямоугольники из разноцветного сукна» [СК 2009: 28].

Дифференциальными признаками этого вида обуви являются следующие: 1) эта обувь короткая (до колен); 2) сшита из меха наружу; 3) из оленьего меха (с ног и подошвы). Дифференциация по полу выражена слабо — только в цвете меха (у мужской обуви темнее) и наличии украшений (у мужской обуви их меньше).

5) Распространенным видом летней и зимней обуви в кольских саамских погостах были *коаммэ* ‘каньги’ и *нюрену́к* ‘нюренки’. Иногда и летнюю, и зимнюю обувь этого типа называли одинаково: *коаммэ* ‘каньги (кожаная летняя обувь со шнуровкой впереди и острыми высоко загнутыми носками, обычно украшалась цветным сукном, белой кожей)’ [СРС 1985: 117]. Это слово присутствует во всех кольских саамских диалектах в значении ‘*kenkä* (G. *talvikenkä, lapikas* ([Genetz 1891])) / *schun* (G. *winterschun* ([Genetz 1891]))’ (‘обувь, зимняя обувь’) [Itkonen 1958: 87].

Каньги (Рис. 15) надевали вместо яров. «Это те же нюренки, сделанные лишь из оленьей шкуры шерстью вверх и иногда украшенные, как и яры, разноцветными полосками» [Харузин 1890: 93]. В погостах носили каньги, по покрою и материалу схожие с ярами, но низкие, чуть повыше щиколотки [Лукьянченко 1971: 130; Хомич 1999: 33]. «При ношении канег надевали сшитые из койб штаны с огузением, узкие концы которых, наставленные красным сукном, заправлялись в каньги и плотно обматывались оборами. Преимущества канег заключались в большой легкости и возможности их сушить, не снимая штанов. Вследствие этого каньги носились преимущественно летом, осенью и весной; зимой их надевали лишь при необходимости длительных переходов на лыжах. Как мужские, так и женские каньги были одинакового покрою; изготовлялись чаще из белых койб. Женские каньги украшались на сгибе и на

заднике вышитыми из красного сукна треугольниками, орнаментированными бисером. Женские оборы также украшались бисером, голубыми и черными бусами и красным сукном» [Волков 1996: 45].

«Спереди к каньгам пришивали две длинные, плетенные (или вязанные) из шерсти завязки — оборы. Их обматывали вокруг ноги, и тем самым они закрепляли каньги. Женские каньги делали обычно из выбеленных на солнце оленьих шкур и украшали бисером и нашитыми кусочками цветного сукна. Каньги носили как зимой, так и летом. Для большего сохранения тепла в яры и каньги клали сено. Под каньги и яры на ноги надевали вязанные из овечьей шерсти чулки без ступни (кильд. *suk*), длиной выше колен, или носки» [Лукиянченко 2003: 88].

На основе проанализированного этнографического материала и данных словарей выделены следующие дифференциальные признаки зимней обуви, обозначаемой словом *коаммэ*: 1) эта обувь низкая, чуть выше щиколотки; 2) мехом наружу; 3) из оленьей шкуры; 4) с острыми, высоко загнутыми носками; 5) эта обувь закреплялась при помощи шерстяных обор. Дифференциация этого вида одежды по полу выражена слабо: женские каньги украшались сукном и бусинами, орнаментировались бисером, изготовлялись из выбеленных на солнце оленьих шкур.

б) Слово *липта* имеет значение ‘липты (длинные меховые чулки шерстью внутрь, привязываются завязками к поясу, поверх надеваются тоборки или пимы)’ [СРС 1985: 160]; ср. *липта* ‘липты, меховые чулки, изготовлены из шкур молодого оленя, надеваются под пимы или тоборки’ [Лукиянченко 1971: 135; СК 2009: 28—29]. «Внутрь пимов надевают “лепты” (sic!) — меховые чулки, сшитые из обыкновенной оленьей шкуры шерстью внутрь. Под “лепты” для предохранения ног от пота подкладывается сено» [Иванов-Дятлов 1928: 67]. «Липты, меховые чулки, шились из оленьих шкур мехом внутрь, длиной были выше колен» [СК 2009: 27].

5. Летняя обувь саамов

Летнюю обувь называли *нюреньк* (Рис. 16, 17). На ногах летом носят нюреньки, туфли из оленьей или другой кожи, без каблуков, в них набивают траву, носки заострены и приподняты кверху [Харузин 1890: 92; СК 2009: 26]. Летние каньги (рус. *нюреньки*) делали из выделанной, дубленой оленьей кожи, а также из нерпичьей или тюленьей шкуры, обладающей способностью не пропускать влагу [Лукиянченко 1971: 130].

Исходя из этнографических материалов и данных словарей, можно выделить следующие дифференциальные признаки летней обуви, обозначаемой словом *нюреньк*: 1) эта обувь низкая, чуть выше щиколотки; 2) кожаная; 3) из дубленой оленьей кожи, а также из нерпичьей или тюленьей шкуры; 4) с загнутыми вверх носками; 5) эта обувь закреплялась на ноге при помощи обор. Дифференциация этого вида обуви по полу выражена слабо: женские и мужские нюреньки были одинакового покроя, женские украшались бисером; летом для рыбной ловли и домашнего обихода мужчины носили каньги с длинными голенищами из твердой кожи, похожие на тоборки [СК 2009: 26].

Таким образом, до начала XX в. можно говорить о существовании традиционного для кольских саамов костюма (*пёцик, кабперь, ёрь, цёгкь, коамме*), который в первые десятилетия XX в. постепенно выходит из употребления и заменяется одеждой коми-ненецкого типа, состоящей из малицы, совика, пимов, бурок и других предметов. Большое разнообразие зимней обуви у саамов связано, вероятно, с продолжительным зимним, а также холодным осенне-весенним периодом. Одежда саамов сохраняет архаичные черты довольно долго, что выражено в отсутствии дифференциации этого вида одежды по полу. Глухая одежда могла быть известна еще неолитическим морским охотникам и рыбакам [Лукиянченко 2003: 92]. Традиционным материалом для саамского костюма был мех оленя и морского зверя.

Со временем саамы все чаще одеваются в русскую одежду (сапоги, картуз, кафтан), саамская одежда утрачивает национальные особенности (загнутый нос). Однако саамы не слепо заимствуют одежду у соседних народов, а приспосабливают ее к своим условиям, отбирая самое практичное. В одежде кольских лопарей конца XIX — начала XX в. выявляются черты, общие с народами Восточной Европы: острый, загнутый кверху носок — у карелов, эстонцев, финнов; название туникообразной рубахи *paid* — карелы, людики, ливвики. От русских саамы переняли платки, шамшуру и перевязку (женские головные уборы). С конца XIX в. получает распространение одежда ижемско-самодейского типа (малица, маличная рубаха, пимы, тоборки, липты) [Лукиянченко 1971: 136, 142—144].

В настоящее время можно говорить о четвертом периоде в истории саамского костюма — о периоде возрождения старинных традиций его изготовления и использования во время праздников и значимых событий. Саамский костюм становится символом своеобразных культурных особенностей народа.

Анализ этнографических источников и данных словарей показали недостаточность и противоречивость сведений о том или ином виде саамской одежды. Изучение названий саамского костюма представляется перспективным и важным с точки зрения этногенеза, поскольку история изменения саамского костюма отражает периоды этнической истории северного народа, а вопрос о происхождении саамов, несмотря на множество гипотез, остается открытым.

Рис. 1. Малица и яры.
Фото Большаковой Н. П.

Рис. 2. Совик.
Фото Большаковой Н. П.

Рис. 3. Женская юпа и мужская рубаша из сукна, мужская и женская шапки.
Фото Большаковой Н. П.

Рис. 4. Мужская рубашка из сукна и зимняя шапка.
Фото Бакулы В. Б.

Рис. 5. Женская зимняя шапка (из Мурманского областного краеведческого музея). Фото Бакулы В. Б.

Рис. 6. Перевязка (из Мурманского областного краеведческого музея).
Фото Бакулы В. Б.

Рис. 7. Перевязка (из Мурманского областного краеведческого музея). Фото Бакулы В. Б.

Рис. 8. Шамшура (из Мурманского областного краеведческого музея). Фото Бакулы В. Б.

Рис. 9. Шамшура (из Мурманского областного краеведческого музея). Фото Бакулы В. Б.

Рис. 10. Пимы. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 11. Пимы. Фото Большаковой Н. П.

Рис. 12. Бурки. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 13. Бурки. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 14. Бурки. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 15. Каньги. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 16. Нюреньки. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 17. Нюреньки. Фото Большаковой Н. П.

Рис. 18. М. Г. Медведева и А. А. Антонова в шамшурах и национальном костюме. Фото Бакулы В. Б.

Рис. 19. Мужская рубаша из замши, женская юпа, печок. Фото Большаковой Н. П.

Рис. 20. Мужская рубашка из замши и зимняя шапка. Фото Бакулы В. Б.

Сокращения

Языки и диалекты

- вепс. — вепсский
 сев. — северновепсский диалект
 кср. — говор д. Каскесручей Прионежского района Республики Карелия
 шлт. — говор п. Шелтозеро Прионежского района Республики Карелия
 срд. — средневепсский диалект
 влх. — говор д. Войлахта Бабаевского района Вологодской области
 озр. — говор д. Озера Подпорожского района Ленинградской области
 ошт. — говор с. Ошта Вытегорского района Вологодской области
 южн. — южновепсский диалект
 сдр. — говор д. Сидорово Бокситогорского района Ленинградской области
- карел. — карельский
 ливв. — ливвиковское наречие карельского языка
 вдл. — говор с. Видлица Олонецкого района Республики Карелия
 влз. — говор с. Ведлозеро Пряжинского района Республики Карелия
 клт. — говор с. Колатсельга Пряжинского района Республики Карелия
 кнд. — говор д. Кондуши Лодейнопольского района Ленинградской области
 олн. — говор г. Олонец Олонецкого района Республики Карелия
 прк. — говор д. Проккойла Пряжинского района Республики Карелия
 люд. — людиковское наречие карельского языка
 глз. — говор д. Галлезеро Кондопожского района Республики Карелия
 ккр. — говор д. Койкары Кондопожского района Республики Карелия
 мхл. — говор с. Михайловское Олонецкого района Республики Карелия
 свт. — говор с. Святозеро Пряжинского района Республики Карелия
- ск. — собственно карельское наречие карельского языка
 вкн. — говор д. Вокнаволок Калевальского района Республики Карелия
 влд. — говор г. Валдай Валдайского района Новгородской области
 всг. — говор г. Велье Вельекого района Тверской области
 држ. — говор д. Держа Зубцовского района Тверской области
 клв. — говор пгт. Калевала Калевальского района Республики Карелия
 кнж. — говор с. Княжая Кандалакшского района Мурманской области
 кст. — говор п. Кестеньга Лоухского района Республики Карелия
 онд. — говор п. Ондозеро Муезерского района Республики Карелия
 пдн. — говор с. Паданы Медвежьегорского района Республики Карелия
 рбл. — говор с. Реболы Муезерского района Республики Карелия
 слщ. — говор д. Селище Бокситогорского района Ленинградской области
 тлч. — говор с. Толмачи Лихославльского района Тверской области
 тнг. — говор п. Тунгуда Беломорского района Республики Карелия
 юст. — говор д. Юстозеро Кондопожского района Республики Карелия
- к.-з. — коми-зырянский
 вым. — вымский диалект
 иж. — ижемский диалект
 нв. — нижневычегодский диалект
 печ. — печорский диалект
 уд. — удорский диалект
- ненец. — ненецкий
 Т — тундровый ненецкий
 б.-з. — большеземельский диалект
 зап. — западные диалекты
 тайм. — таймырский диалект
 ямал. — ямальский диалект
- рус. — русский
 сев. — севернорусское наречие
 мез. — мезенский говор

саам. — саамский

баб. — говор Бабино Апатитского района Мурманской области

йкг. — говор п. Иоканга (Йоканьга) Ловозерского района Мурманской области

кильд. — кильдинский диалект

врз. — говор д. Варзино Ловозерского района Мурманской области

лвз. — говор с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области

тлм. — говор с. Тулома Кольского района Мурманской области

R — шведско-саамский по [Itkonen 1958]

фин. — финский

skand. — скандинавские по [Itkonen 1958]

И н ф о р м а н т ы

ААА — Антонова Александра Андреевна, 1932 г. р., род. в пгт. Териберка Кольского района Мурманской области, проживает в с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области; носитель кильдинского диалекта саамского языка.

О б щ и е

диал. — диалект, диалектный

Л и т е р а т у р а

Бухаров 1885 — *Бухаров Д. Н.* Поездка по Лапландии осенью 1883 года. СПб., 1885. {*Buxarov D. N. Pоеzdka po Laplandii osen'ju 1883 goda.* SPb., 1885.}

Волков 1996 — *Волков Н. Н.* Российские саамы: Историко-этнографические очерки. Каутокейно — СПб., 1996. {*Volkov N. N. Rossijskie saamy: Istoriko-etnografičeskie očerki. Kautokejno* — SPb., 1996.}

Волков 2007 — *Волков Н. Н.* Вопросы этнической принадлежности и происхождения саамов // Наука и бизнес на Мурмане. 2007, 4. С. 43—48. {*Volkov N. N. Voprosy etničeskoj prinadležnosti i proischoždenija saamov // Nauka i biznes na Murmane.* 2007, 4. P. 43—48.}

Гурина, Хлобыстин 1975 — *Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П.* Заселение Арктики // Памятники культуры. Новые открытия: письменность, искусство, археология. М., 1975. С. 404—411. {*Gurina N. N., Xlobystin L. P. Zaselenie Arktiki // Pam'atniki kul'tury. Novye otkrytija: pis'mennost', iskusstvo, arheologija.* М., 1975. P. 404—411.}

Дурьин 1913 — *Дурьин С. Н.* За полуденным солнцем: По Лапландии пешком и на лодке. М., 1913. {*Durylin S. N. Za poludennym solncem: Po Laplandii peškom i na lodke.* М., 1913.}

Золотарев 1927 — *Золотарев Д. А.* Лопарская экспедиция 11 января — 11 мая 1927 г. Л., 1927. {*Zolotarev D. A. Loparskaja ekspedicija 11 janvar'a — 11 maja 1927 g.* L., 1927.}

Золотарев 1928 — *Золотарев Д. А.* Кольские лопари: Труды лопарской экспедиции Русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. (= Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 9.) Л., 1928. {*Zolotarev D. A. Kol'skie lopari: Trudy loparskoj ekspedicii Russkogo geografičeskogo obščestva po antropologii loparej i velikorusov Kol'skogo poluostrova.* (= Materialy Komissii ekspedicionnyx issledovanij. Vol. 9.) L., 1928.}

Иванов-Дятлов 1928 — *Иванов-Дятлов Ф. Г.* Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января — 11 мая 1927 г.). Л., 1928. {*Ivanov-D'atlov F. G. Nabl'udenija vrača na Kol'skom poluostrove (11 janvar'a — 11 maja 1927 g.)*. L., 1928.}

Козьмин 1915 — *Козьмин К. В.* Лапландия и лапландцы: Из жизни Архангельского севера. Архангельск, 1915. {*Koz'min K. V. Laplandija i laplandcy: Iz žizni Arxangel'skogo severa.* Arxangel'sk, 1915.}

Косменко 2002 — *Косменко А. П.* Традиционный орнамент финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск, 2002. {*Kosmenko A. P. Tradicionnyj ornament finnojazyčnyx narodov severo-zapadnoj Rossii.* Petrozavodsk, 2002.}

КЭСЯК 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев В. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gul'ajev V. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka.* М., 1970.}

Лукьянченко 1971 — *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX в. М., 1971. {*Luk'jančenko T. V. Material'naja kul'tura saamov (loparej) Kol'skogo poluostrova v konce XIX—XX v.* М., 1971.}

Лукьянченко 2003 — *Лукьянченко Т. В.* Саамы. Гл. 6. Материальная культура. Одежда // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. *Клементьев Е. И., Шлыгина Н. В.* М., 2003. С. 85—91. {*Luk'jančenko T. V. Saamy. Ch. 6. Material'naja kul'tura. Odežda // Pribaltijsko-finskie narody Rossii / Ed. Klement'ev E. I., Šlygina N. V.* М., 2003. P. 85—91.}

Львов 1903 — *Львов В. Н.* Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. М., 1903. {*L'von V. N. Russkaja Laplandija i russkie lopari: Geografičeskij i etnografičeskij očerk.* М., 1903.}

- Мосолова, Вагинова 2006 — *Мосолова Л. М., Вагинова Л. С.* История культуры Кольского Заполярья: Курс лекций. СПб., 2006. {*Mosolova L. M., Vaginova L. S. Istorija kul'tury Kol'skogo Zapol'ar'ja: Kurs lekcij. SPb., 2006.*}
- Немирович-Данченко 1913 — *Немирович-Данченко В. И.* Лопь белоглазая: Из поездки в полярный край. М., 1913. {*Nemirovič-Dančenko V. I. Lop' beloglazaja: Iz poezdki v pol'arnyj kraj. M., 1913.*}
- Розонов 1903 — Лапландия и лапландцы: Обзор / Сост. *Розонов А. С.* СПб., 1903. {*Laplandija i laplandcy: Obzor / Sost. Rozonov A. S. SPb., 1903.*}
- СК 2009 — Саамский костюм / Сост. *Кулинченко Г. А., Мозолева А. Е.* Мурманск, 2009. {*Saamskij kost'um / Sost. Kulinčenko G. A., Mozolevskaja A. E. Murmansk, 2009.*}
- СОСД 2007 — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков / Под общ. ред. *Елисеева Ю. С., Зайцевой Н. Г.* Петрозаводск, 2007. {*Sopostavitel'no-onomasiologičeskij slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo jazykov / Ed. Eliseev Ju. S., Zajceva N. G. Petrozavodsk, 2007.*}
- СРС 1985 — *Афанасьева Н. Е., Куруч Р. Д., Мечкина Е. И.* и др. Саамско-русский словарь / Под ред. *Куруч Р. Д.* М., 1985. {*Afanas'eva N. E., Kuruč R. D., Mečkina E. I. et al. Saamsko-russkij slovar' / Ed. Kuruč R. D. M., 1985.*}
- ССКЗД 1961 — *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. {*Žilina T. I., Saxarova M. A., Sorvačeva V. A. Sravnitel'nyj slovar' komi-zyr'anskix dialektov. Syktyvkar, 1961.*}
- ССРС 1986 — *Керт Г. М.* Словарь саамско-русский и русско-саамский: Пособие для учащихся начальной школы. Л., 1986. {*Kert G. M. Slovar' saamsko-russkij i russko-saamskij: Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. L., 1986.*}
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М.—Л., 1965. {*Tereščenko N. M. Nenecko-russkij slovar'. M.—L., 1965.*}
- Терещенко 1989 — *Терещенко Н. М.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий: Около 4000 слов. Пособие для учащихся начальной школы. 2-е изд. Л., 1989. {*Tereščenko N. M. Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. 2nd ed. L., 1989.*}
- Терещенко 2008 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. СПб., 2008. {*Tereščenko N. M. Nenecko-russkij slovar'. SPb., 2008.*}
- Харузин 1890 — *Харузин Н. Н.* Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М., 1890. {*Haruzin N. N. Russkie lopari: Očerki prošlago i sovremennago byta. M., 1890.*}
- Хомич 1954 — *Хомич Л. В.* Ненецко-русский словарь для ненецкой начальной школы. Л., 1954. {*Xomič L. V. Nenecko-russkij slovar' dl'a neneckoj načal'noj školy. L., 1954.*}
- Хомич 1999 — *Хомич Л. В.* Саамы. СПб., 1999. {*Xomič L. V. Saamy. SPb., 1999.*}
- Энгельгардт 1897 — *Энгельгардт А. П.* Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897. {*Engel'gardt A. P. Russkij Sever: Putevyje zapiski. SPb., 1897.*}
- Genetz 1891 — *Genetz A.* Kuollan lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäyteitä — Wörterbuch der Kola-lappischen Dialekte nebst Sprachproben. Helsinki, 1891.
- Itkonen 1958 — *Itkonen T. I.* Koltan-ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.
- Sammallahti 1991 — *Sammallahti P., Xvorostuxina A. (Xvorostuxina A.)* Unna sámí-cāmь sátnegirjjáš. Ohcejoka, 1991. {*Sammallahti P., Xvorostuxina A. Unna sámí-sám' sátnegirjjáš. Ohcejoka, 1991.*}

РЕЗЮМЕ

В данной статье приводится описание традиционной саамской зимней и летней одежды, головных уборов и обуви, выделяются три этапа в истории саамского костюма. На основании анализа этнографических и лингвистических материалов выделяются дифференциальные признаки разных видов традиционной саамской одежды, головных уборов и обуви.

SUMMARY

The author describes traditional Sami winter and summer clothes, headwear and footwear and deals with three historical stages of the Sami costume. The author describes differential features of different types of traditional Sami clothes, headwear and footwear with the basis on the analysis of ethnographic and linguistic data.

Ключевые слова: саамский язык, кольские диалекты, саамы, традиционная одежда, традиционные головные уборы, традиционная обувь

Keywords: the Sami language, the Peninsular Sami dialects (the Kola dialects), Sami, traditional clothes, traditional headwear, traditional footwear

Фонетические особенности памятников удмуртской письменности религиозного характера первой половины XIX века в сопоставлении с современными диалектами

В первой половине XIX в. появляется переводная литература на разных наречиях удмуртского языка. В основном она носила религиозный характер, в том числе была сделана попытка переложить текст Четвероевангелия на удмуртский язык, но, к сожалению, не все переводы были впоследствии напечатаны, некоторые из них дошли до нас лишь в рукописном варианте, в частности, это переводы Евангелий от Иоанна и от Луки. По данным Б. И. Каракулова, рукописи этих Евангелий хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ф. 808, оп. 1, 1821 г., ед. хр. 177) [Каракулов 2006: 127].

Преимущественно вся эта литература, судя по историческим данным, была написана на глазовском или сарапульском диалекте удмуртского языка. Цель данной работы заключается в том, чтобы, опираясь на данные этих переводных памятников, описать фонетические особенности глазовского и сарапульского диалектов и представить их состояние в первой половине XIX в. Для этого нами были рассмотрены шесть памятников письменности данного периода: это четыре перевода Евангелий [Иоанн; Марк; Матфей Глаз.; Матфей Сар.]¹ и две Азбуки [Азбука Глаз.; Азбука Сар.] на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка.

Основу двух Азбук составляют сокращенные переводы Священной истории и Катехизиса. Обе Азбуки были напечатаны и вышли в свет в Казани в 1847 г. Азбука на глазовском наречии была составлена священником Иваном Анисимовым, о чем сообщается в конце Азбуки: «Азбуку составил и Священную Историю съ Катихизисомъ переложилъ на вотякскій языкъ Миссіонеръ Малмыжскаго округа уканскій священникъ Іоаннъ Анисимовъ» [Азбука Глаз.: 168]. Азбука на сарапульском наречии была составлена священником Григорием Решетниковым, об этом также имеется сноска в конце Азбуки: «Священную Историю и Катихизисъ переложилъ на Вотякскій языкъ Сарапульской округи села Нылгижикья Христорождественской церкви священникъ Григорій Рѣшетниковъ» [Азбука Сар.: 190]. На последней странице каждой Азбуки также упоминается имя корректора: «Корректовалъ и опечатки сія выбиралъ Вятскаго Успенскаго Трифонова Монастыря Казначей Іеромонахъ Климентъ» [Азбука Глаз.: 174; Азбука Сар.: 192].

В этом же году в Казани появились еще два издания с переводами Евангелий от Матфея и Марка на глазовском и сарапульском диалектах: «Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія» (1847 г.), «Господа нашего Іисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія» (1847 г.). Стоит отметить, что работа над их переводом началась еще в 1818 г. — с открытием Вятского комитета Российского Библейского общества. Судя по публикациям «Известий о Библейских Обществах» (1824 г.), переводить данные Евангелия поручили целому коллективу: «протоірею с. Святицкаго А. Шкляеву, протоірею г. Глазова П. Платунову, священникам с. Уканскаго Н. Невоструеву и Н. Утробину, с. Балезинскаго — С. Анисимову, с. Еловскаго — З. Кротову и Глазовскому 2-й гильдії купцу (изъ вотяковъ) Ивану Волкову» [Луппов 1911: 17].

Однако публикация переводов данных Евангелий по тем или иным причинам откладывалась из года в год. Вопрос о печатании переводов Евангелий на удмуртском языке был поднят вновь в 1838 г. Вятским епархиальным ведомством. По предписанию Синода данные переводы должны были пройти тщательную проверку. Эта работа была поручена священнику с. Балезино Глазовского уезда Петру Редникову. Тот в свою очередь «нашелъ его согласнымъ со славянскимъ текстомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрѣлъ, что Евангеліе Матѳея переведено на сарапульское нарѣчіе, а Евангеліе Марка на глазовское. Для единства перевода Редниковъ перевелъ и Евангеліе Матѳея по глазовскому нарѣчію» [Луппов 1905: 15]. Свой вариант перевода и «Евангелие от Марка» он прочитал в Глазовском уезде, а вариант «Евангелия от Матфея» на сарапульском наречии отправил сарапульскому миссионеру. При прочтении переводов Евангелий перед удмуртскими прихожанами оба варианта оказались понятными для них, но, несмотря на это, печатать их начали только с 1847 г.

¹ К сожалению, у нас пока не было возможности рассмотреть перевод «Евангелия от Луки» на удмуртский язык.

В отличие от вышеперечисленных изданий, как уже было упомянуто ранее, перевод «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык так и остался ненапечатанным. По поводу диалектной основы данного перевода П. Н. Луппов отмечает, что его переводили «священник с. Дебесь Павелъ Тронинъ и священникъ с. Базезинскаго Стефанъ Анисимовъ», т. е. Евангелие было «переведено по глазовскому нарѣчію» [Луппов 1905: 11]. Однако анализ графико-фонетических особенностей данного перевода, описанный в статье «Диалектная основа первого “Евангелия от Иоанна” на удмуртском языке» [Кайсина 2013], и сопоставление его с Азбуками [Азбука Глаз.; Азбука Сар.] показывает, что перевод «Евангелия от Иоанна» ближе к Азбуке на сарапульском наречии как по фонетическим особенностям, которые присутствуют в современных диалектах удмуртского языка, так и по тем признакам, которые отсутствуют в современных диалектах, но могли быть характерны для сарапульского диалекта того периода или могли относиться к орфографическим приемам, используемым переводчиками и писцами первой половины XIX в.; поэтому далее мы будем считать диалектной основой данного перевода не глазовское, а сарапульское наречие.

Итак, приступая к анализу диалектных особенностей памятников удмуртской письменности, необходимо четко оговорить метод выявления этих диалектных изоглосс. Проблема заключается в том, что диалектными изоглоссами или особенностями, характеризующими тот или иной говор, можно считать как фонетические, морфологические, синтаксические или лексические инновации, возникшие именно в рассматриваемой диалектной зоне, так и сохранившиеся архаизмы. Но относительно последних важно понимать, что хотя они являются характеристикой той или иной диалектной зоны, но при рассмотрении нового памятника или говора и обнаружении в нем тех или иных архаичных праудмуртских черт, свойственных в настоящее время только, например, северным удмуртским говорам, на основании них мы не можем постулировать принадлежность идиома анализируемого памятника к северным диалектам. Это связано с тем, что принадлежность говоров памятников к одному и тому же диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому когда мы приступаем к разбору фонетических особенностей тех или иных памятников удмуртской письменности важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие — архаизмами, сохранившимися от праудмуртского языка. Очевидно, что эта задача для удмуртского языкознания в настоящее время не может быть решена в полном объеме, поскольку отсутствует реконструкция праудмуртской фонологической и морфологической систем и нет этимологического словаря удмуртских говоров, в котором эта реконструкция была бы последовательно зафиксирована для всей исконной удмуртской лексики.

Единственным диалектным словарем является [Wichmann 1987]. К сожалению, с точки зрения использования этого словаря для решения поставленной нами задачи — выявления диалектных особенностей памятников удмуртской письменности — у этого словаря есть ряд недостатков. Главное, что в нем отсутствует праудмуртская реконструкция, и она не приведена не потому, что легко восстанавливается из диалектного материала, но, напротив, анализ соответствий гласных первого слога в формах, данных в [Wichmann 1987], показывает, что построение системной и убедительной реконструкции вокализма на этом материале вряд ли возможно, т. к. между диалектами выявляется весьма много соответствий, для которых не удается найти правила распределения. В этом случае речь может идти либо о большом количестве спорадических изменений гласных звуков в отдельных словах в определенных диалектах, либо о не очень точной фиксации крайне сложного диалектного материала. Нам представляется, что указать причину столь большого количества междиалектных соответствий гласных в словаре [Wichmann 1987], возможно, удастся лишь после проведения аналогичной работы и создания нового словаря на материале современных удмуртских диалектов, принадлежащих к разным группам. Если на этом материале получится сделать аккуратную и системную реконструкцию вокализма, то, скорее всего, гласные первого слога в словаре [Wichmann 1987] зафиксированы не очень точно. Если же нет и на новом материале, точно затранскрибированном с использованием программ-анализаторов звучащей речи, будет много соответствий, свойственных лишь нескольким основам, то, вероятно, и в словаре [Wichmann 1987] была дана хорошая транскрипция, а для реконструкции необходимо привлечение еще каких-то дополнительных данных, позволяющих системно описать процессы, которые привели к существующей ситуации. Но в любом случае в настоящее время, используя словарь [Wichmann 1987], мы можем считать надежными только записи по консонантизму, которые фактически позволяют реконструировать систему праудмуртских согласных.

Получается, что при анализе особенностей памятников нам предстоит разделять их на несколько групп и по-разному их оценивать.

I. Изоглоссы, касающиеся **консонантизма**, необходимо соотносить со словарем [Wichmann 1987]. Это целесообразно делать для каждой конкретной лексемы. Далее в зависимости от представленности той или иной изоглоссы в удмуртских диалектах, по данным [Wichmann 1987], могут возникнуть следующие случаи.

1) **Особенность**, представленная в памятнике/ах, зафиксирована в нескольких группах удмуртских диалектов, по данным словаря [Wichmann 1987]; тогда она в любом случае является архаизмом. Интересно проверить уровень архаизма, т. е. наличие особой рефлексии в этимонах рассматриваемых слов в других финно-угорских языках, в любом случае для определения диалектной принадлежности памятника она не будет релевантна.

2) **Особенность**, представленная в памятнике/ах, зафиксирована только в одной группе удмуртских диалектов, по данным словаря [Wichmann 1987]. Тогда ее следует проверить и в аналогичных словах: в первую очередь в коми, во вторую — в других финно-угорских языках. Если там тоже зафиксирована такая особенность, то она является архаизмом, несмотря на слабую представленность ее в удмуртских диалектах. Если она отсутствует в этимологических аналогах рассматриваемых слов за пределами одного удмуртского диалекта, то эта особенность является инновацией и важной характеристикой диалектной принадлежности памятника удмуртской письменности.

3) **Особенность** консонантизма, отмеченная в памятнике/ах, не отражена в словаре [Wichmann 1987]. В этом случае необходимо привлечение описаний современных диалектов. В зависимости от наличия / отсутствия в них той или иной изоглоссы и характера ее представленности в памятнике/ах можно предполагать, имеет ли она статус графического приема или исчезнувшей диалектной черты.

II. **Изоглоссы**, касающиеся **вокализма**, также целесообразно соотносить со словарем [Wichmann 1987]. Однако в настоящее время, как показал проведенный анализ, фактически нет четких изоглосс, объединяющих те или иные конкретные лексемы с особой рефлексией гласных в памятниках письменности и в удмуртских диалектах в словаре [Wichmann 1987]. Поэтому в случае гласных особое значение имеет их соотнесение с материалом современных диалектных исследований. К сожалению, в большинстве случаев отсутствуют полные диалектные словари, и даже, обнаружив аналогичную особенность рефлексии вокализма в том или ином говоре по диалектным описаниям, мы не можем проверить, касается ли она тех же лексем, что и в памятниках письменности, или другого набора слов. Для более качественного осмысления особенностей вокализма памятников необходимы дальнейшие полевые исследования по сбору полных диалектных словарей.

Итак, в результате анализа четырех переводов Евангелий и двух Азбук был выявлен ряд характерных для данных текстовых памятников особенностей, которые можно подразделить на три группы.

1. Особенности консонантизма

1.1. Особенности, свойственные, по данным словаря [Wichmann 1987], нескольким удмуртским диалектам и являющиеся архаизмами

1) **Употребление в анлауте билабиального \ddot{y} перед a** (графически передается буквосочетанием $у\ddot{a}$):

у\ddot{a}р\ddot{ь}-м\ddot{u}м\ddot{y}з\ddot{ь} [Марк: 6] — литер. *вармумиз* ‘его теща’²;

у\ddot{a}л\ddot{e}с\ddot{ь}н\ddot{ь} [Марк: 10] — литер. *вал\ddot{e}с\ddot{e}н* ‘с кровать’; *у\ddot{a}л\ddot{e}с\ddot{ь}-т\ddot{e}* [Матфей Сар.: 54] — литер. *вал\ddot{e}ст\ddot{e}* ‘твою кровать’; *у\ddot{a}л\ddot{e}с\ddot{e}* [Иоанн: 5; 9]³ — литер. *вал\ddot{e}с\ddot{e}* ‘его кровать’; *у\ddot{a}l\ddot{e}s* (G, M, MU, U), *val\ddot{e}s* (B, S, J, MU) ‘постель’ [Wichmann 1987: 306], ср. коми литер. *воль\ddot{o}с*, вс. *ol\ddot{p}as\ddot{’}*, к.-я. *ul\ddot{p}as\ddot{’}*, к.-п. *ol\ddot{p}as\ddot{’}* ‘постель’ [КЭСЯ 1970: 62] < ПУ **adV* (*odV*) ‘место для сна; быть чем-то укрытым’ [UEW: 4];

у\ddot{a}с\ddot{k}и\ddot{т}ы\ddot{з}ы [Марк: 10] — литер. *вас\ddot{k}ы\ddot{т}ы\ddot{з}ы* ‘спустили’; *у\ddot{a}с\ddot{k}и\ddot{з}ь* [Азбука Глаз.: 84] — литер. *вас\ddot{k}из* ‘спустился’; *у\ddot{a}с\ddot{ь}к\ddot{y}з\ddot{ь}* [Матфей Сар.: 46] — литер. *вас\ddot{k}из* ‘спустился’; *у\ddot{a}ч\ddot{ь}к\ddot{y}т\ddot{y}з\ddot{ь}* [Азбука Сар.: 113] — литер. *вас\ddot{k}ы\ddot{т}из* ‘спустил’; *у\ddot{a}š\ddot{k}i\ddot{n}i* (G, U), *u\ddot{a}š\ddot{k}i-* (M), *u\ddot{a}š\ddot{k}-*, *vaš\ddot{k}-* (MU), *vaš\ddot{k}i-* (S), *vaš\ddot{k}i\ddot{n}i* (J) ‘спуститься, слезть’ [Wichmann 1987: 308] < ПУ **wačV* ‘спуститься, слезть’ [UEW: 808];

у\ddot{a}н\ddot{ь} б\ddot{y}р\ddot{ь} [Марк: 24, 78] — литер. *ван\ddot{b}ур* ‘добро, богатство’; *у\ddot{a}n\ddot{-}bur* (G, M, MU, U), *van\ddot{-}bur* (S, J, MU) ‘добро, богатство, имущество’ [Wichmann 1987: 307];

у\ddot{a}з\ddot{y}с\ddot{a} [Матфей Глаз.: 14] — литер. *в\ddot{a}з\ddot{y}с\ddot{a}* ‘обращаясь’ (ср. *эз-в\ddot{a}з\ddot{e}л\ddot{e}* [Марк: 16] — литер. *öz v\ddot{a}z\ddot{e}l\ddot{e}* ‘не отозвались’); *у\ddot{a}ž\ddot{i}n\ddot{i}* (G, U), *u\ddot{a}ž\ddot{i}n\ddot{i}* (B), *v\ddot{a}d\ddot{z}i\ddot{n}i* (S), *u\ddot{a}ž\ddot{i}n\ddot{i}* (M, MU), *v\ddot{a}ž\ddot{i}n\ddot{i}* (J, MU) ‘обратиться’ [Wichmann 1987: 309];

у\ddot{a}к\ddot{y}т\ddot{ь} [Матфей Глаз.: 150] — литер. *в\ddot{a}к\ddot{y}т* ‘время, пора’; *у\ddot{a}к\ddot{y}т\ddot{ь}* [Азбука Глаз.: 45] — литер. *в\ddot{a}к\ddot{y}т* ‘время, пора’; *у\ddot{a}č\ddot{i}t* (U), *v\ddot{a}k\ddot{i}t* (S), *v\ddot{a}k\ddot{i}t* (J), *b\ddot{a}g\ddot{i}t* (MU) ‘время, пора’ [Wichmann 1987: 306];

у\ddot{a}м\ddot{e}нт\ddot{c}к\ddot{y}н\ddot{y} [Матфей Глаз.: 124] — литер. *в\ddot{a}м\ddot{e}нт\ddot{c}к\ddot{y}н\ddot{y}* ‘упрямиться’;

² В примерах сохранена графика и орфография источников. К каждому примеру приводится транскрипционный вариант слова в современном удмуртском литературном языке. Перевод с удмуртского на русский язык дается по электронному словарю [Электрокыллюкам].

³ Здесь и далее ссылка на источник «Отъ Иоанна Святое благовѣствованіе (Ioannnlъсь Святой благовѣствованіе)» будет приводиться в следующем формате: [краткое название книги: номер главы; номер стиха / стихов].

уватыны [Азбука Глаз.: 40] — литер. *ватыны* ‘спрятать’; *уватыны* [Матфей Сар.: 50] — литер. *ватыны* ‘спрятать’; *уватэмь* [Иоанн: 11; 41] — литер. *ватэм* ‘спрятанный’; *уватонь* [Азбука Сар.: 115] — литер. *ватон* ‘сокрытие, захоронение’; *уатĭnĭ* (G, B, U), *уатnĭ* (M), *уатĭnĭ* (MU), *ватĭnĭ* (S, MU) ‘спрятать, прятать’ [Wichmann 1987: 308], ср. к.-я. *ūtəne* ‘спрятать, прятать’ [КЭСНЯ 1970: 90];

увачкала [Азбука Глаз.: 62] — литер. *вашкала* ‘древний, старинный’; *увачкалаіодсь-лы* [Матфей Глаз.: 28] — литер. *вашкалаослы* ‘предкам’; *увачкалаіодсь-лы* [Матфей Сар.: 25, 26, 28] — литер. *вашкалаослы* ‘предкам’; *уаџškăца*, *уаџkăца*, *ваџškăца*, *ваџkăца* (MU), *ваџškala* (S), *vaškala*, *vaškăца* (J) ‘древний, старинный’, *уаџkalajos*, *уаџkalajos* (G) ‘предки’ [Wichmann 1987: 308];

увазь [Иоанн: 1; 1] — литер. *ваз'* ‘рано’; *уаз* (G, B, M, MU, U), *vad'z* (S), *važ* (MU) ‘рано’ [Wichmann 1987: 308], ср. коми литер. *водз*, др.-перм. *уоџ'*, вс. *оџ'*, к.-я. *уџ'* ‘рано’ [КЭСНЯ 1970: 60] < ПУ *acV (*ocV) ‘рано’ [UEW: 605];

увань [Иоанн: 3; 29] — литер. *ван'* ‘есть; весь’; *увань* [Азбука Сар.: 6] — литер. *ван'* ‘есть; весь’; *уанĭ*, *уанĭт-* (G, B, MU), *уанĭ* (M, U), *ванĭ* (S), *ванĭ*, *ванĭт-* (J, MU) ‘есть, имеется’ [Wichmann 1987: 307].

В памятниках данная особенность не встречается в следующих словах:

ваины [Марк: 46] — литер. *вайыны* ‘принести’; *ваĭnĭ* (G, B), *ваĭnĭ* (S, M, J, MU), *ваĭnĭ* (J, MU), *ваĭnĭ* (U) ‘принести’ [Wichmann 1987: 310], ср. коми литер. *вайны*, др.-перм. *уаĭ* ‘принести’ [КЭСНЯ 1970: 47] < ПУ *wiye ‘брать, носить’ [UEW: 573];

ванумь [Матфей Глаз.: 75] — литер. *ванум* ‘век, столетие’; *уа-рѳт* (G, U), *уа-рѳт* (M, MU), *ва-рѳт* (S), *ва-рѳт* (MU) ‘век, столетие’ [Wichmann 1987: 305], ср. коми литер. *ва*, вс. *о*, к.-п. *о*, к.-я. *и* ‘год’ [КЭСНЯ 1970: 59] < ПУ *ode (*ode) ‘год’ [UEW: 335];

уд валаське [Матфей Глаз.: 122] — литер. *уд валас'кэ* ‘не понимаете’; *валанĭ* (G, U), *валанĭ* (S, M, J), *ваĭанĭ* (J, MU) ‘понимать’ [Wichmann 1987: 310], ср. коми литер. *велавны*, др.-перм. *veled*, к.-я. *völetne*, *völatne* ‘усваивать, понимать’ [КЭСНЯ 1970: 51] < ПУ *wELE ‘видеть, трогать’ [UEW: 589];

варьіодсь [Матфей Глаз.: 194] — литер. *варьіодсь* ‘слугам, работникам’;

валсэ [Азбука Глаз.: 99] — литер. *валчэ* ‘вместе’; *valt'se* (G, U), *vält'se* (G), *valt'se* (S), *val'se* (M), *vält'se* (J, M), *vält'se* (J) ‘вместе’ [Wichmann 1987: 311];

валь [Матфей Сар.: 52] — литер. *вал* ‘был’; *val* (G, B, J, U), *vău* (J, M, U) ‘был’ [Wichmann 1987: 310], ср. коми литер. *вöлі*, к.-я. *völi* ‘был’ [КЭСНЯ 1970: 67] < ПУ *wole ‘быть’ [UEW: 580];

вандскемзы [Азбука Сар.: 34] — литер. *вандскэмзы* ‘их порез’; *vandĭnĭ* (G, U), *vand-* (B), *vandĭnĭ* (S, M, J, MU) ‘резать, отрезать’ [Wichmann 1987: 311], ср. коми литер. *вундыны* ‘резать, отрезать’ [КЭСНЯ 1970: 70] < ПУ *wanV ‘бить, резать’ [UEW: 558];

вақи [Азбука Сар.: 47] — *вақи* ‘короткий, краткий’; *vakt'si* (G, B, U), *vakt'si* (S, M, MU) ‘короткий’ [Wichmann 1987: 310].

Итак, материал памятников подтверждает гипотезу, предложенную в статье [Кельмаков 1997], о том, что на прапермском уровне в позиции перед *a различались фонемы *w и *u, которые имеют особые соответствия в бесермянском наречии, некоторых периферийно-южных и северных диалектах. Как отмечал еще В. И. Лыткин [Лыткин 1957: 12], *w восходит к ФУ *w, а *u встречается только в сочетании *ua и восходит к ФУ *o⁴. В памятниках всех групп в случае прапермского *ua- представлено уа-, а в случае *wa- — ва-; исключение составляет лишь слово *ванумь* [Матфей Глаз.: 75] — литер. *ванум* ‘век, столетие’.

Таким образом, эта черта является архаичной и указывает на аккуратную запись фонетики говоров в памятниках, но не свидетельствует об их диалектной принадлежности.

2) Употребление аффрикаты ĉ перед k в инлауте (вместо литер. ш):

пучкысь [Марк: 5, 7, 19, 30, 52, 53, 54, 68, 69] — литер. *пушкыс'* ‘изнутри’ (также и в пяти формах этого слова); *пучкынъ* [Азбука Глаз.: 46] — литер. *пушкын* ‘внутри’; *пучкысь* [Матфей Сар.: 88, 127, 130] — литер. *пушкыс'* ‘изнутри’ (также и в восьми формах этого слова); *пучкăзь* [Иоанн: 2; 25] — литер. *пушказ* ‘внутри него’; *пучкысь* [Азбука Сар.: 20] — литер. *пушкыс'* ‘изнутри’; *риџ* (G, M, MU), *риџ* (U), *риџk-* (M), *риџk-* (J), *риџk-* (U) ‘внутреннее пространство’ [Wichmann 1987: 214], ср. коми литер. *пытшкöс* ‘внутреннее пространство’, *пытшкö* ‘внутри’, *пытшкысь* ‘изнутри’ [КЭСНЯ 1970: 237];

лучкаськыны [Марк: 53] — литер. *лушкас'кыны* ‘воровать, красть’; *лучкă* [Матфей Глаз.: 94] — литер. *лушка* ‘укради’ (также и в семи формах этого слова); *энлушка* [Азбука Глаз.: 48] — литер. *эн лушка* ‘не кради’; *лучкэмь* [Азбука Глаз.: 97] — литер. *лушкэм* ‘тайком, тайно’; *лучкалò* [Матфей Сар.: 94] — литер. *лушкало* ‘крадут’ (также и в шести формах этого слова); *лучкэмь* [Иоанн: 7; 10] — литер. *лушкэм* ‘тайно’;

⁴ Исключение составляет лишь слово *уаškĭnĭ* (G, U), *уаškĭ-* (M), *уаšk-*, *ваšk-* (MU), *ваškĭ-* (S), *ваškĭnĭ* (J) ‘спуститься, слезть’ [Wichmann 1987: 308] < ПУ *wačV ‘спуститься, слезть’ [UEW: 808].

лучкась [Иоанн: 10; 1] — литер. *лушкас'* 'вор'; *лучканы* [Иоанн: 10; 10] — литер. *лушканы* 'воровать, красть'; *лучкэмь* [Азбука Сар.: 39] — литер. *лушкэм* 'тайком, тайно'; *эньлүчкасыкы* [Азбука Сар.: 50] — литер. *эн лушкас'кы* 'не кради'; *luṣṣkànî* (G), *luṣṣkànî* (M), *luṣṣkànî* (MU), *luṣṣkànî* (U) 'красть, украсть' [Wichmann 1987: 149];

бычкалты [Марк: 73] — литер. *бышквалты* 'уколи'; *biṣṣkîñî* (M), *bîṣṣkîñî* (U) 'колоть, тукать', *bîṣṣkaltîñî* (G), *biṣṣkaltîñî* (S, M), *bîṣṣkaltîñî* (MU), *bîṣṣkaltîñî* (U) 'кольнуть' [Wichmann 1987: 24], ср. коми литер. *бытшыкыны* 'колоть, тыкать' [КЭСКЯ 1970: 45];

ычкóмы [Матфей Глаз.: 96] — литер. *ишкóмы* 'мы будем рвать' (также и в трех формах этого слова); *ычкóмы* [Матфей Сар.: 96] — литер. *ишкóмы* 'мы будем рвать' (также и в четырех формах этого слова); *iṣṣkîñî* (M), *iṣṣkîñî* (U), *iṣṣkîñî* (G) 'рвать, дергать' [Wichmann 1987: 71], ср. коми литер. *ытшыкыны* 'рвать, дергать' [КЭСКЯ 1970: 330];

увачкалá [Азбука Глаз.: 62] — литер. *ваишквала* 'древний, старинный'; *увачкалаидсь-лы* [Матфей Глаз.: 28] — литер. *ваишквалаослы* 'предкам' (ср. *уваишкалаидсь-лы* [Матфей Глаз.: 25, 26] — литер. *ваишквалаослы* 'предкам'); *увачкалаидсь-лы* [Матфей Сар.: 25, 26, 28] — литер. *ваишквалаослы* 'предкам'; *uaṣṣkaṣa*, *uaṣṣkaṣa*, *uaṣṣkaṣa* (MU), *uaṣṣkala* (S), *uaṣṣkala*, *uaṣṣkaṣa* (J) 'древний, старинный', *uaṣṣkalajos*, *uaṣṣkalajos* (G) 'предки' [Wichmann 1987: 308];

квачкázь [Азбука Сар.: 56] — литер. *күашказ* 'разрушился'; *вачкала* [Азбука Сар.: 119] — литер. *ваишквала* 'древний, старинный'; *куат'шкánî* (G), *куат'шкánî* (M), *куашкánî* (J, MU), *куашкánî* (U) 'разрушиться, развалиться' [Wichmann 1987: 142], ср. коми литер. *котшыкыны* 'стукнуть, заколоть' [КЭСКЯ 1970: 138].

В инлауте *ш* сохраняется в таких словах, как:

кошкэмь [Матфей Глаз.: 73] — литер. *кошкэм* 'он, оказывается, ушел'; *кошкízь* [Матфей Сар.: 96] — литер. *кошкиз* 'ушел'; *koṣṣkîñî* (G, B, U), *koṣṣkîñî* (M, J, MU) 'уходить' [Wichmann 1987: 123];

кышкázь [Матфей Глаз.: 10] — литер. *кышказ* 'испугался'; *kîṣṣkànî* (G, U), *kîṣṣka-* (B), *kîṣṣkanî* (M, MU) 'бояться, испугаться' [Wichmann 1987: 117].

Анализ материала словаря [Wichmann 1987] указывает на то, что отмеченная в памятниках черта является архаичной, поскольку в словаре также можно проследить употребление в одних словах *ç*, а в других *ш* перед *к*, совпадающее с памятниками. К сожалению, слова, найденные в памятниках с сочетанием *шк*, не имеют параллелей за пределами удмуртского языка. Однако анализ других удмуртских слов с сочетанием *шк* во всех диалектах (например, удм. S *mîṣ* (*mîṣk-*) 'спина', G *mîṣ* (*mîṣk-*) 'задняя сторона' < ФУ **mîṣkV* (**mîṣkV*) 'согнутая часть тела: спина, живот' [UEW: 703]) указывает, что это различие восходит также к ФУ праязыку: удм. *çк* < ФУ **çк*, а удм. *шк* < ФУ **шк*. Так, оказывается, что и в этом случае в памятниках акkuratно отмечена архаичная черта удмуртских диалектов, исчезнувшая в литературном языке.

3) Сочетания согласных типа *-pC-* в соответствии с литер. *-pCC-* в корне:

юбыртысá [Марк: 35] — литер. *йыбырттыса* 'поклоняясь, моля'; *юбыртызь* [Марк: 38, 54] — литер. *йыбырттиз* 'молил, поклонился'; *юбыртынь* [Матфей Глаз.: 6] — литер. *йыбырттыны* 'поклониться, молить' (также и в четырех формах этого слова); *юбыртызы* [Азбука Глаз.: 53] — литер. *йыбырттизы* 'поклонились, молили'; *юбыртызы* [Матфей Сар.: 8, 232, 233] — литер. *йыбырттизы* 'поклонились, молили' (также и в четырех формах этого слова); *jibirttîñî* (S, M, J), *jubirttîñî* (J), *jîbîrtîñî* (G, B) 'преклонить колени, молиться' [Wichmann 1987: 77];

юрты [Марк: 68] — литер. *йуртты* 'помоги'; *медь юртдózь* [Марк: 83] — литер. *мэд йурттоз* 'пусть поможет'; *юртэмэньизь* [Марк: 135] — литер. *йурттэмэньизь* 'своей помощью'; *юртсыкы* [Матфей Сар.: 116] — литер. *йурттис'кы* 'помоги, окажи помощь'; *эмь-но юртскэ* [Матфей Сар.: 204] — литер. *эм но йурттис'кэ* 'мы даже не оказали помощь'; *juirtîñî* (G), *juirt-* (B), *ç'urtîña* (MU) 'помогать' [Wichmann 1987: 84];

кэртызь [Матфей Глаз.: 104] — литер. *кэрттиз* 'завязал, связал' (также и в пяти формах этого слова); *кэртылó* — литер. *кэрттыло* 'завязывают, вяжут' (также и в четырех формах этого слова); *kerttîñî* (G, U), *kerttîñî* (M, J), *kerttîñî* (MU) 'вязать, завязать' [Wichmann 1987: 99];

туртызы [Матфей Глаз.: 94] — литер. *турттизы* 'старались'; *эзь-турты* [Азбука Глаз.: 84] — литер. *өз туртты* 'не старался'; *туртызы* [Матфей Сар.: 94] — литер. *турттизы* 'старались' (также и в пяти формах этого слова); *туртэ* [Азбука Сар.: 79] — литер. *турттэ* 'старается'; *туртысá* [Азбука Сар.: 120] — литер. *турттыса* 'стараясь'; *turtîñî* (MU), *turtskîñî* (G), *turttîñî* (M, J) 'стараться' [Wichmann 1987: 269];

мэртэмьинь [Азбука Глаз.: 20] — литер. *мэрттэмын* 'посажено'; *мертызь* [Матфей Сар.: 166] — литер. *мерттиз* 'посадил'; *эзь-кэ-мерты* [Матфей Сар.: 112] — литер. *өз кэ мэртты* 'если не посадит'; *мэртысá* [Азбука Сар.: 20] — литер. *мэрттыса* 'посадив'; *mert-* (MU), *merttîñî* (G, U), *merttîñî* (M) 'сажать, посадить' [Wichmann 1987: 158].

Данный случай спорный. В памятниках нет вариантов с *-pCC-* в корне, написание всех слов единообразно. В словаре [Wichmann 1987] есть диалектные варианты как с *-pC-*, так и с *-pCC-*. В коми языке все эти слова также имеют форму с *-pC-* в корне. Таким образом, с одной стороны, это похоже и на архаичскую черту; с другой стороны, это может быть только графической особенностью.

4) Употребление у (ү) в соответствии с литер. л:

даулашёнъ [Марк: 109] — литер. *даллашон* ‘ссора, ругань’; *даулашысь* [Марк: 124] — *даллашис’* ‘ссорющийся, ругающий’; *даулашынъ* [Матфей Глаз.: 29] — литер. *даллашыны* ‘ссориться, ругать’; *даулашынъ* [Матфей Сар.: 29] — литер. *даллашыны* ‘ссориться, ругать’; *даулэшыны* [Иоанн: 6; 52] — литер. *даллашыны* ‘ссориться, ругать’; *даулэшэмъ* [Иоанн: 7; 43] — литер. *даллашэм* ‘оказывается, поссорился, ругался’; *даулашисà* [Азбука Сар.: 90] — литер. *даллашыса* ‘ссорясь, ругая’; *daulaşinj* (M), *dallašinj* (G), *dâulašinj* (J, MU), *dâulašinj* (U) ‘ссориться, ругаться’ [Wichmann 1987: 31];

юлоу [Азбука Глаз.: 79] — литер. *йылол* ‘обычай, привычка’; *илоуды* [Матфей Сар.: 112] — литер. *йылолды* ‘ваш обычай, привычка’ (также и в трех формах этого слова); *илоуэнызы* [Азбука Сар.: 84] — литер. *йылоуэнызы* ‘их обычаем, привычкой’; *jiloul* (J), *d’jloл*, *d’jšoл* (MU), *d’jloл* (U) ‘обычай’ [Wichmann 1987: 79].

Не встречается в таких словах, как:

нуналь [Марк: 40] — литер. *нунал* ‘день’; *nunal* (G, B, M, J), *nunâл*, *nunâл*, *nunal*, *nĭnal* (J), *nĭnâл* (J, MU), *nĭnal* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173];

нылызь [Марк: 42] — литер. *нылыз* ‘его дочь’; *nĭl* (G, B, U), *nĭl* (M, J, MU), *nĭц* (J, MU) ‘девочка, девушка’ [Wichmann 1987: 169];

кыль [Матфей Глаз.: 44] — литер. *кыл* ‘слово, язык’; *kĭl* (G, U), *kĭl* (S, M, J), *kĭц* (J, MU) ‘язык’ [Wichmann 1987: 110];

тылэно [Матфей Глаз.: 13] — литер. *тылэ но* ‘и в огонь’; *tĭl* (G, U), *tĭl* (M, J, MU), *tĭц* (J, MU) ‘огонь’ [Wichmann 1987: 261];

улонъ [Азбука Глаз.: 32] — литер. *улон* ‘жизнь’; *ulon* (G), *ицлон* (MU) ‘жизнь’ [Wichmann 1987: 296];

калыкълэнь [Азбука Глаз.: 33] — литер. *калыкълэн* ‘у народа, людей’;

сельыкъ [Матфей Сар.: 44] — литер. *с’ольык* ‘грех’;

цылкыть [Матфей Сар.: 56] — литер. *чылкыт* ‘чистый’;

аслэзь [Иоанн: 1; 43] — литер. *аслаз* ‘свой, у самого’;

сюло [Иоанн: 2; 14] — литер. *с’уло* ‘кнут’;

амаль [Азбука Сар.:] — литер. *амал* ‘метод, способ’.

Как видим, в памятниках данное явление отражено только в двух словах. В словаре же [Wichmann 1987] оно встречается в большинстве слов, в которых *л* стоит в инлауте или ауслауте, в качестве диалектных вариантов. Эта особенность встречается и в современных диалектах.

5) Наличие носового согласного м в соответствии с литер. носовым н:

яламъ [Иоанн: 1; 2], [Иоанн: 4; 36], [Иоанн: 5; 39], [Иоанн: 6; 27, 40, 47, 51, 58, 68], [Иоанн: 7; 38], [Иоанн: 8; 29, 51] — литер. *ялан* ‘всегда, все время, постоянно’; *jalam* (G, B), *jalan* (B), *d’âлан* (MU), *d’alan* (U) ‘всегда, постоянно’ [Wichmann 1987: 73];

турыль-эзь [Матфей Сар.: 38] — литер. *турынэз* ‘траву, сено’; *турумъ* [Матфей Сар.: 97] — литер. *турын* ‘траву, сено’; *турумэзь* [Азбука Сар.: 17] — литер. *турынэз* ‘траву, сено’; *turĭn*, *tĭrĭn*, *turĭn* (G), *turĭm* (M, J, MU), *turĭm* (U) ‘траву, сено’ [Wichmann 1987: 269].

Встречается и в Азбуке на глазовском наречии, но с некоторыми исключениями:

зыль [Азбука Глаз.: 95] — литер. *зын* ‘запах’; *zĭm* (G), *zĭn* (B), *zĭn* (S, M, J, MU), *zĭn* (U) ‘запах’ [Wichmann 1987: 330];

турыльыдсынъ [Азбука Глаз.: 43] — литер. *турынйосын* ‘травы, сеном’; *турыл* [Азбука Глаз.: 90] — литер. *турын* ‘траву, сено’ (ср. *турынь* [Азбука Глаз.: 17] — литер. *турын* ‘траву, сено’).

6) Употребление носового н в соответствии с литер. носовым м:

бадзынь [Иоанн: 10; 29] — литер. *бадзым* ‘большой’; *бадзынь* [Азбука Сар.: 4] — литер. *бадзым* ‘большой’ (ср. *бадзымъ* [Азбука Сар.: 16] — литер. *бадзым* ‘большой’); *badzĭm*, *bad’zĭm* (G), *bad’d’zĭn* (M, J, MU), *baddzĭm*, *badzĭm* (J, MU), *bad’zĭm*, *bad’zĭn*, *badzĭn*, *badd’zĭn* (J), *bad’d’zĭm*, *bad’dzĭm*, *bad’dzĭn* (MU), *bad’zĭn*, *bad’d’zĭn*, *bad’d’jĭn* (U) ‘большой’ [Wichmann 1987: 14];

банызь [Иоанн: 11; 44] — литер. *бамыз* ‘его лицо, щека’; *баньтэмъ* [Матфей Сар.: 25] — литер. *бамтэм* ‘без лица, щеки’; *банàдъ* [Матфей Сар.: 29] — литер. *бамад* ‘на твоём лице, щеке’; *бань-дэ* [Матфей Сар.: 35] — литер. *бамдэ* ‘твое лицо, щеку’; *бань-зэ* [Матфей Сар.: 120, 135] — литер. *бамзэ* ‘его лицо, щеку’; *банызь* [Матфей Сар.: 127] — литер. *бамыз* ‘его лицо, щеку’; *банò* [Азбука Сар.: 61] —

литер. *бамо* ‘с лицом, щекой’; *баньызь* [Азбука Сар.: 100] — литер. *бамыз* ‘его лицо, щеку’; *baŋ* (M, J, MU, U), *bat* (G), *ban* (B) ‘щека; лицо’ [Wichmann 1987: 14], ср. коми литер. *бан* ‘щека, лицо’ [КЭСКЯ 1970: 37].

В памятниках на глазовском наречии подобный пример только один: *баньтэмь* [Матфей Глаз.: 25] — литер. *бамтэм* ‘без лица, щеки’. В данном случае это, скорее всего, исключение, поскольку написание всех остальных слов совпадает с литературным: *бамъад* [Матфей Глаз.: 29] — литер. *бамад* ‘на твоём лице, щеке’; *бамь-дэ* [Матфей Глаз.: 35] — литер. *бамдэ* ‘твое лицо, щеку’; *бамь-зэ* [Матфей Глаз.: 120] — литер. *бамзэ* ‘его лицо, щеку’; *бамъзэ* [Матфей Глаз.: 135] — литер. *бамзэ* ‘его лицо, щеку’.

7) Употребление в анлауте й в соответствии с литер. л' перед у:

юкызь [Матфей Сар.: 6, 11] — литер. *л'укиз* ‘разделил’; *юкыськыны* [Матфей Сар.: 4, 142, 143] — литер. *л'укис'кыны* ‘разделиться’ (также и в 17-ти формах этого слова); *юкызь* [Иоанн: 6; 11] — литер. *л'укиз* ‘разделил’; *юкызь* [Азбука Сар.: 17, 56] — литер. *л'укиз* ‘разделил’; *юкэтэнь* [Азбука Сар.: 56] — литер. *л'укэтэн* ‘частями’; *юкэмынь* [Азбука Сар.: 137] — литер. *л'укэмын* ‘разделено’; *l'ukîni* (G), *l'ukîni* (S, J, MU), *jukni* (MU), *đ'ukîni* (U) ‘делить, разделить’ [Wichmann 1987: 153], ср. коми литер. *юкны* ‘делить, разделить’ [КЭСКЯ 1970: 334];

юкаськызь [Матфей Сар.: 117] — литер. *л'укас'киз* ‘собрался’ (также и в шести формах этого слова).

Исключения: *люкась-идсь* [Матфей Сар.: 56] — литер. *л'укас'йос* ‘собирающие’; *люкаськыса* [Матфей Сар.: 232] — литер. *л'укас'кыса* ‘собравшись’; *люказы* [Матфей Сар.: 223] — литер. *л'указы* ‘собрали’; *люкаськызы* [Матфей Сар.: 214] — литер. *л'укас'кызы* ‘собрались’; *люкаськыса* [Азбука Сар.: 83] — литер. *л'укас'кыса* ‘собравшись’.

8) Употребление л (л') в соответствии с литер. й: пельмытынь [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймытын* ‘в темноте’; *пельмытынь* [Иоанн: 8; 12] — литер. *пэймытын* ‘в темноте’; *пельмыть* [Иоанн: 1; 5] — литер. *пэймыт* ‘темный’; *пельмытэ* [Иоанн: 3; 19] — литер. *пэймытэ* ‘его темноту’; *пельмытья гòрдь* [Матфей Сар.: 120] — литер. *пэймыт гòрд* ‘темно-красный’ (ср. *пеймыть* [Матфей Сар.: 18, 36, 171, 226] — литер. *пэймыт* ‘темный’); *pel'mit* (G), *pel'mit*, *pen'mit* (J), *peim'it* (G, U), *peim'it* (M, MU), *peim'it* (U) ‘темный; темно’ [Wichmann 1987: 192].

Особый интерес в данном случае представляет последний пример из перевода «Евангелия от Матфея» на сарапульском наречии и его исключения, т. к. тот же самый пример и исключения на тех же самых страницах встречаются и в переводе «Евангелия от Матфея» на глазовском наречии: *пельмытья гòрдь* [Матфей Глаз.: 120] — литер. *пэймыт гòрд* ‘темно-красный’ (ср. *пеймыть* [Матфей Глаз.: 18, 36, 171, 226] — литер. *пэймыт* ‘темный’). При этом такие соответствия в переводах не единичны. Это свидетельствует о наличии в переводе «Евангелия от Матфея» на глазовском наречии сарапульских черт, что объясняется историей работы над переводом данного памятника. Как уже указывалось выше, на глазовский диалект «Евангелие от Матфея» перевел священник с. Балезино Глазовского уезда Петр Редников, посчитав, что первоначальный вариант перевода был составлен не на глазовском, как предполагалось, а на сарапульском наречии. При сопоставлении текстов двух переводов можно предположить, что перевод на глазовский диалект проводился не с оригинала Евангелия, а уже по имевшемуся переводу на сарапульском наречии, поскольку можно заметить схожесть двух текстов от первой и до последней страницы. Естественно, что при этом были внесены изменения в лексический состав первоначального перевода, использованы другие морфологические средства, более характерные для северного наречия удмуртского языка, но написание многих слов, видимо, перешло в новый вариант перевода без изменений.

Данное явление не встречается в словах: *паймызь* [Матфей Сар.: 48, 175] — литер. *паймиз* ‘удивился’; *атай-мэ* [Матфей Сар.: 50] — литер. *атаймэ* ‘моего отца’; *шайтань-лэсь* [Матфей Сар.: 28] — литер. *шайтанлэс'* ‘от лукавого’.

Четыре последних особенности кажутся похожими на архаичные, поскольку в определенной степени коррелируют с материалом, представленным в словаре [Wichmann 1987]. Однако небольшое количество слов, в которых они засвидетельствованы и разноречивы в написании, зафиксированный в ряде случаев для одного и того же слова в разных памятниках, указывает на то, что, вероятно, именно в этих точках системы диалектов того времени находились в стадии перестройки.

2.2. Особенности, свойственные, по данным словаря [Wichmann 1987], одному удмуртскому диалекту

Сохранение твердого характера согласного н после переднерядного и:

Иньмарь [Марк: 1, 10, 21, 32, 42, 62, 64, 77, 80, 86, 94, 97, 98, 99, 105, 120] — литер. *инмар* ‘Бог’ (также и в девяти формах этого слова); *Иньмар-лы* [Матфей Глаз.: 25, 28, 158] — литер. *инмарлы* ‘Богу’ (также

и в четырех формах этого слова); *Инмарь* [Азбука Глаз.: 16] — литер. *инмар* ‘Бог’; *Инмар-лы* [Матфей Сар.: 12, 22, 28, 36, 112, 148, 158, 173, 225] — литер. *инмарлы* ‘Богу’ (также и в восьми формах этого слова); *Инмарлэнъ* [Иоанн: 11; 40] — литер. *инмарлэн* ‘у Бога’; *Инмарь* [Азбука Сар.: 16] — литер. *инмар* ‘Бог’; *инь* [Марк: 3, 55, 58, 78, 90, 97, 106, 107, 120, 135] — литер. *ин* ‘небо, небеса’; *иньлэсь* [Марк: 2] — литер. *инлэс* ‘от неба’; *инь* [Матфей Глаз.: 14, 15, 24, 32, 64, 69, 70, 77, 90, 91, 95, 96, 98, 100, 101, 102, 107, 120, 123, 124, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 141, 145, 147, 149, 179, 191, 192, 193, 196, 215, 230] — литер. *ин* ‘небо, небеса’ (также и в трех формах этого слова); *инь* [Азбука Глаз.: 47] — литер. *ин* ‘небо’; *инь* [Матфей Сар.: 11, 14, 15, 18, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 43, 48, 50, 64, 70, 75, 78, 100, 119, 123, 133, 135, 145, 147, 149, 164, 169, 175, 179, 180, 182, 191, 192, 193, 196, 218, 233] — литер. *ин* ‘небо, небеса’ (также и в двух формах этого слова); *инь* [Иоанн: 1; 32] — литер. *ин* ‘небо, небеса’; *инэзь* [Азбука Сар.: 17] — литер. *инэз* ‘небо, небеса’; *инмысь* [Азбука Сар.: 69] — литер. *инмыс* ‘с неба, с небес’; *интй* [Марк: 3, 9, 45, 126] — литер. *инты* ‘место’; *инти-энь* [Марк: 46] — литер. *интыэн* ‘местом’; *интй* [Матфей Глаз.: 181, 185, 219, 223] — литер. *инты* ‘место’; *интиэнь* [Матфей Глаз.: 182] — литер. *интыэн* ‘местом’; *инти* [Матфей Сар.: 25] — литер. *инты* ‘место’ (также и в четырех формах этого слова); *кинъ* [Марк: 5, 20, 21, 29, 34, 35, 61] — литер. *кин* ‘кто’ (также и в 12-ти формах этого слова); *кинъ* [Матфей Глаз.: 37, 65, 70, 73, 81, 85, 90, 94, 95, 133, 134, 146, 159, 163, 216] — литер. *кин* ‘кто’ (также и в восьми формах этого слова); *кинъ* [Азбука Глаз.: 126] — литер. *кин* ‘кто’; *кинъ* [Матфей Сар.: 12, 24, 26, 27, 37, 52, 65, 70, 73, 90, 134, 159, 163, 168] — литер. *кин* ‘кто’ (также и в 11-ти формах этого слова); *кинъ* [Иоанн: 1; 19] — литер. *кин* ‘кто’; *кинъ* [Азбука Сар.: 136] — литер. *кин* ‘кто’; *синьмáзь* [Марк: 60] — литер. *с’инмаз* ‘в его глазу’ (также и в двух формах этого слова); *с’инь* [Матфей Глаз.: 36, 74] — литер. *с’ин* ‘глаз’ (также и в 20-ти формах этого слова); *с’инь* [Матфей Сар.: 29, 36, 74, 168] — литер. *с’ин* ‘глаз’ (также и в четырех формах этого слова); *с’инь* [Азбука Сар.: 117] — литер. *с’ин* ‘глаз’; *пинальйосълы* [Азбука Глаз.: 44] — литер. *пинальйослы* ‘детям’.

Встречается ряд исключений, большинство из которых относятся к памятникам на сарапульском наречии:

инь [Матфей Сар.: 74, 77, 90] — литер. *ин* ‘небо, небеса’; *инь-вылэ* [Марк: 46] — литер. *ин вылэ* ‘на небо’; *кинъ-ке* [Матфей Сар.: 86, 112] — литер. *кин кэ* ‘кто-то’; *кинъ-лэнь-ке* [Матфей Сар.: 85, 92] — литер. *кинлэн кэ* ‘у кого-то’; *кинъ-лэнь* [Матфей Сар.: 85] — литер. *кинлэн* ‘у кого’; *не нок’инь-но* [Матфей Сар.: 78, 83] — литер. *нок’ин но* ‘никто’; *кинъ* [Матфей Сар.: 81, 85, 90, 94] — литер. *кин* ‘кто’; *кинъ-кэ* [Матфей Сар.: 70, 134] — литер. *кин кэ* ‘кто-то’; *кинъке* [Азбука Сар.: 85] — литер. *кин кэ* ‘кто-то’; *кинъке* [Марк: 62] — литер. *кин кэ* ‘кто-то’; *кинълэнь-кэ* [Марк: 62] — *кинлэн кэ* ‘у кого-то’; *синьмáдь* [Матфей Сар.: 39, 40] — литер. *с’инмад* ‘в твоём глазу’; *синьмысь-тыдь* [Матфей Сар.: 40] — литер. *с’инмыс’тыд* ‘из твоего глаза’; *синьмысь-тызь* [Матфей Сар.: 40] — литер. *с’инмыс’тыз* ‘из его глаза’; *синьмыдь-кэ* [Матфей Сар.: 36] — литер. *с’инмыд кэ*; *синьмыныз* [Азбука Сар.: 85] — литер. *с’инмыныз* ‘его глазом’; *синьтэмьзэ* [Марк: 60] — литер. *с’интэмзэ* ‘слепого’; *синькылиэнь* [Марк: 68] — литер. *с’инкыл’иэн* ‘слезами’; *синьмыдь* [Матфей Глаз.: 26] — литер. *с’инмыд* ‘твой глаз’; *синьмыныды* [Матфей Глаз.: 93] — литер. *с’инмыныды* ‘вашиими глазами’; *синь-зэсь* [Матфей Глаз.: 93] — литер. *с’инзэс* ‘их глаз’; *синьмынызы* [Матфей Глаз.: 93] — литер. *с’инмынызы* ‘их глазами’; *синьмасък’онь* [Матфей Глаз.: 95] — литер. *с’инмас’кон* ‘влюбленность, симпатия’; *иньт’ийнь* [Матфей Сар.: 75] — литер. *интыын* ‘в месте’; *инь-ты-д’осъ-ты* [Матфей Сар.: 89] — литер. *интыосты* ‘места’; *иньтй* [Матфей Глаз.: 106] — литер. *инты* ‘место’.

Наличие в глазовском диалекте в материалах словаря [Wichmann 1987] рефлексации, совпадающей с зафиксированной в памятниках, указывает на возможную архаичность этого явления. К сожалению, отсутствие сарапульских данных в словаре [Wichmann 1987] не позволяет окончательно верифицировать эту гипотезу.

2.3. Особенности, не свойственные, по данным словаря [Wichmann 1987], удмуртским диалектам

1) Наличие сочетаний ква-, кви- в соответствии с литер. *к’уа-*, *к’уи-* в начале слов или в начале второй части сложного слова:

кварà [Марк: 3, 64] — литер. *к’уара* ‘звук, голос’ (также и в трех формах этого слова); *кварà* [Матфей Глаз.: 10, 15, 127, 153, 196] — литер. *к’уара* ‘звук, голос’; *кваразэ* [Матфей Глаз.: 84, 109, 226, 227] — литер. *к’уаразэ* ‘его звук, его голос’; *кварà* [Матфей Сар.: 10, 12, 14, 109, 127, 196, 227] — литер. *к’уара* ‘звук, голос’ (также и в трех формах этого слова); *кварà* [Иоанн: 3; 8] — литер. *к’уара* ‘звук, голос’; *кварà* [Азбука Сар.: 57] — литер. *к’уара* ‘звук, голос’;

квѣнь [Марк: 64, 109, 114, 119, 128] — литер. *кѣин'* 'три' (также и в шести формах этого слова); *квѣнь* [Матфей Глаз.: 88, 98, 118, 127, 137, 138, 150, 210, 215, 218, 229] — литер. *кѣин'* 'три' (также и в трех формах этого слова); *квинь* [Азбука Глаз.: 29] — литер. *кѣин'* 'три'; *квѣнь* [Матфей Сар.: 88, 98, 118, 127, 137, 138, 149, 210, 215, 218, 229] — литер. *кѣин'* 'три' (также и в четырех формах этого слова); *квѣнь* [Иоанн: 2; 19] — литер. *кѣин'* 'три';

квამынь [Марк: 23, 25] — литер. *кѣамын* 'тридцать'; *квамынь* [Матфей Глаз.: 91, 95, 206, 218, 219] — *кѣамын* 'тридцать'; *квамынь* [Матфей Сар.: 92, 94, 206, 218, 219] — *кѣамын* 'тридцать'; *квамынь* [Азбука Сар.: 89] — литер. *кѣамын* 'тридцать';

квасмэмь [Марк: 23] — литер. *кѣас'мэм* 'высохший' (также и в двух формах этого слова); *квасъмизь* [Матфей Глаз.: 91, 161] — литер. *кѣас'миз* 'высох' (также и в трех формах этого слова); *квасъмизь* [Матфей Сар.: 91, 162] — литер. *кѣас'миз* 'высох' (также и в трех формах этого слова); *квасъмозь* [Иоанн: 4; 13] — литер. *кѣас'моз* 'высохнет';

кватъонь [Марк: 23, 25] — литер. *кѣат'тон* 'шестьдесят'; *кватъонь* [Матфей Глаз.: 91, 95] — литер. *кѣат'тон* 'шестьдесят'; *кватъонь* [Матфей Сар.: 92, 94] — литер. *кѣат'тон* 'шестьдесят';

кватъ [Марк: 64] — литер. *кѣат'* 'шесть'; *кватъэти* [Марк: 128, 131] — литер. *кѣат'эти* 'шестой'; *кватъ* [Матфей Глаз.: 126, 149, 226] — *кѣат'* 'шесть'; *кватъэти* [Матфей Глаз.: 31] — литер. *кѣат'эти* 'шестой'; *кватъ* [Азбука Глаз.: 17] — литер. *кѣатъ* 'шесть'; *кватъ* [Матфей Сар.: 126, 150, 226] — *кѣат'* 'шесть'; *кватъэти* [Матфей Сар.: 31] — литер. *кѣат'эти* 'шестой'; *дасъкватэти* [Матфей Сар.: 119] — литер. *дас кѣат'эти* 'шестнадцатый'; *кватъ* [Иоанн: 2; 6] — литер. *кѣат'* 'шесть';

квалекъяло [Марк: 64] — литер. *кѣал'экйало* 'дрожат'; *квалекъянь* [Матфей Глаз.: 230] — литер. *кѣал'экйан* 'дрожь' (также и в четырех формах этого слова); *квалекъянь* [Матфей Сар.: 230] — литер. *кѣал'экйан* 'дрожь' (также и в четырех формах этого слова);

кварь [Марк: 88] — литер. *кѣар* 'лист'; *кварьѳос-лэсь* [Матфей Глаз.: 97, 161] — литер. *кѣарѳослэс'* 'из листьев'; *кварьѳосызь* [Матфей Глаз.: 192] — литер. *кѣарѳосыз* 'его листья'; *кварь-ѳосъ* [Матфей Сар.: 162] — литер. *кѣарѳос* 'листья' (также и в двух формах этого слова);

гидъквâ [Марк: 102] — литер. *гидкѣа* 'двор, дворовые постройки'; *гидъквâѳосъсэ* [Марк: 102] — литер. *гидкѣаѳоссэ* 'свои дворовые постройки';

квâзь [Матфей Глаз.: 53, 120, 151, 207, 230] — литер. *кѣаз'* 'погода'; *квâзь* [Азбука Глаз.: 28] — литер. *кѣаз'* 'погода'; *квâзь* [Матфей Сар.: 52, 106, 119, 151, 207, 230] — литер. *кѣаз'* 'погода'; *квâзь* [Азбука Сар.: 29] — литер. *кѣаз'* 'погода';

квâйтэмынь [Матфей Глаз.: 170] — литер. *кѣайтэмын* 'откормлен'; *квâйтэмынь* [Матфей Сар.: 170] — литер. *кѣайтэмын* 'откормлен';

кванерь [Азбука Глаз.: 76] — литер. *кѣан'эр* 'бедняк, бедный'; *кванерь-ѳосъ-лы-но* [Матфей Сар.: 73] — литер. *кѣан'эрѳослы но* 'и бедным';

кварэтызы [Иоанн: 6; 42] — литер. *кѣарэтизы* 'ругали';

квачкâзь [Азбука Сар.: 56] — литер. *кѣашказ* 'разрушился'.

2) Наличие инлаутного *в* в сочетаниях *ува, уво, увэ, аву* в соответствии с литер. *уа, уо, уэ, ау*:

юваны [Марк: 69] — литер. *ѣуаны* 'спросить' (также и в восьми формах этого слова); *юваны* [Матфей Глаз.: 177] — литер. *ѣуаны* 'спросить' (также и в шести формах этого слова); *ювамъзэ* [Азбука Глаз.: 82] — литер. *ѣуамзэ* 'то, что он спросил'; *ювâмь* [Азбука Глаз.: 101] — литер. *ѣуам* 'спрошенный'; *юванѳ* [Матфей Сар.: 177] — литер. *ѣуаны* 'спросить' (также и в трех формах этого слова); *ювалозы* [Иоанн: 1; 19] — литер. *ѣуалозы* 'спросят'; *ювамыстызы* [Азбука Сар.: 87] — литер. *ѣуамыс'тызы* 'из-за того, что они спросили'; *ювâнь* [Азбука Сар.: 135] — литер. *ѣуан* 'вопрос';

сюванэнь [Марк: 53] — литер. *с'уанэн* 'свадьбой'; *сюванэнь-лэнь-но* [Марк: 53] — литер. *с'уантэмыѳослэн но* 'и у тех, у кого нет свадьбы'; *сювâнь* [Матфей Глаз.: 169, 170, 171] — литер. *с'уан* 'свадьба' (также и в трех формах этого слова); *сювâнь* [Матфей Сар.: 169, 170, 171] — литер. *с'уан* 'свадьба' (также и в трех формах этого слова); *сювâнь* [Иоанн: 2; 1] — литер. *с'уан* 'свадьба';

тыль джуватонь тырлыкѳосъсэ [Матфей Глаз.: 196] — литер. *тыл ѳуатон тырлыкѳоссэ* 'свои светильники' (также и в двух формах этого слова); *джувâнь* [Азбука Глаз.: 49] — литер. *ѳуан* 'горение'; *джувâсь* [Азбука Глаз.: 57] — литер. *ѳуас'* 'горящий'; *тыль-джуватонь-тырлыкѳосъсэ* [Матфей Сар.: 196] — литер. *тыл ѳуатон тырлыкѳоссэ* 'свои светильники' (также и в трех формах этого слова);

таву [Азбука Глаз.: 29] — литер. *таѳ* 'спасибо'; *таву* [Иоанн: 9; 24] — литер. *таѳ* 'спасибо'; *таву* [Азбука Сар.: 29] — литер. *таѳ* 'спасибо';

лувôзь [Иоанн: 10; 16] — литер. *луоз* 'будет'; *лувôзь* [Азбука Сар.: 16, 23] — литер. *луоз* 'будет'; *лувэмзэ* [Азбука Сар.: 23] — литер. *луэмзэ* 'то, что произошло'; *лувэ* [Азбука Сар.: 97] — литер. *луэ* 'есть, бывает';

нуэмынь [Азбука Сар.: 70] — литер. *нуэмын* ‘отнесено’;
шувэмэзь [Азбука Сар.: 96] — литер. *шувэмэз* ‘то, что он сказал’; *шуводь* [Азбука Сар.: 107] — литер. *шуд* ‘скажешь’.

Исключения: *лудзь* [Марк: 24] — литер. *луоз* ‘будет’; *джуатò* [Марк: 25] — литер. *жуато* ‘зажигают’; *тыль-джуатонь-тырлыкь-йосьсэ* [Матфей Глаз.: 196] — литер. *тыл жуатон тырлыкйоссэ* ‘свои светильники’; *лудзь* [Матфей Глаз.: 73] — литер. *луоз* ‘будет’; *луонò* [Матфей Глаз.: 81] — литер. *луоно* ‘нужно быть’; *луóзы* [Матфей Глаз.: 194] — литер. *луозы* ‘будут’; *лудзь* [Азбука Глаз.: 16, 45, 48, 60] — литер. *луоз* ‘будет’; *луóзы* [Азбука Глаз.: 16] — литер. *луозы* ‘будут’; *юáзы* [Матфей Сар.: 81, 129] — литер. *йуазы* ‘спросили’; *юáзь* [Матфей Сар.: 122] — литер. *йуаз* ‘спросил’; *лудзь* [Матфей Сар.: 33] — литер. *луоз* ‘будет’; *джуáмь* [Матфей Сар.: 83] — литер. *жуам* ‘сгоревший’; *луóза* [Матфей Сар.: 81] — литер. *луоз-а* ‘будет ли’; *лудды* [Матфей Сар.: 93] — литер. *луоды* ‘будете’; *лудзь* [Иоанн 1; 30] — литер. *луоз* ‘будет’; *тау* [Иоанн: 11; 41] — литер. *тау* ‘спасибо’; *луóзь* [Азбука Сар.: 81] — литер. *луоз* ‘будет’.

Не встречается в словах: *юонэзь* [Марк: 42] — литер. *йуонэз* ‘питье, напиток’; *юóмы* [Матфей Сар.: 36] — литер. *йуомы* ‘выпьем’; *вудзь* [Матфей Сар.: 65] — литер. *вуоз* ‘придет’.

Первая и, возможно, вторая особенности похожи на приемы орфографии. Вероятно, в связи с этим они и не представлены в материалах словаря [Wichmann 1987].

3) Употребление палатальной аффрикаты ч в соответствии с литер. щелевым с’:

перечьйось-лэнь [Марк: 48] — литер. *пэрэсьйослэн* ‘у старых, пожилых’; *перечьмитдзь* [Азбука Глаз.: 74] — литер. *пэрэсьмитоз* ‘до старости’; *перечьйосьлэнь* [Азбука Глаз.: 77] — литер. *пэрэсьйослэн* ‘у старых, пожилых’.

Данная особенность также дважды встречается и в памятнике на сарапульском наречии: *переч* [Азбука Сар.: 36] — литер. *пэрэс* ‘старый, пожилой’; *увачькытызь* [Азбука Сар.: 113] — литер. *васкытитз* ‘спустил’. Однако параллельно с этим там есть и исключение: *перэсь* [Азбука Сар.: 85] — литер. *пэрэс* ‘старый, пожилой’.

Не встречается в словах: *дискуть* [Марк: 34] — литер. *дискут* ‘одежда’; *лэсты* [Марк: 38] — литер. *лэсты* ‘сделай’; *синь* [Азбука Глаз.: 38] — литер. *син* ‘глаз’; *усёмь* [Азбука Глаз.: 57] — литер. *усэм* ‘упавший’; *весь* [Азбука Сар.: 83] — литер. *вэс* ‘постоянно, все время’; *васкытитзь* [Азбука Сар.: 34] — литер. *васкытитз* ‘спустил’.

Как будет показано ниже, несмотря на отсутствие этого явления в материалах словаря [Wichmann 1987], оно встречается в разных группах современных удмуртских диалектов, поэтому, вероятно, является архаическим.

2. Особенности вокализма

2.1. Особенности вокализма первого слога

1) Употребление у в соответствии с литер. ы:

юбыртызь [Марк: 38, 54] — литер. *йыбырттитз* ‘поклонился, молил’ (также и в двух формах этого слова); *юбырьязы* [Марк: 126] — литер. *йыбырийазы* ‘поклонялись, молили’; *юбыртыны* [Матфей Глаз.: 6] — литер. *йыбырттыны* ‘поклониться, молить’ (также и в четырех формах этого слова); *юбырьямь* [Азбука Глаз.: 16] — литер. *йыбырийам* ‘поклонялись, молили’; *юбыртызы* [Азбука Глаз.: 53] — литер. *йыбырттитзы* ‘поклонились, молили’; *шупыть* [Азбука Глаз.: 59] — литер. *шытым* ‘тихо, молчаливо’; *юбыртызы* [Матфей Сар.: 8, 232, 233] — литер. *йыбырттитзы* ‘поклонились, молили’ (также и в четырех формах этого слова);

пурыкудь [Марк: 85] — литер. *пырыкуд* ‘входя’; *jibirttini* (S, M, J), *jubirttini* (J), *jibirtinî* (G, B) ‘поклониться, молиться’ [Wichmann 1987: 77], ср. коми литер. *юрбитны*, др.-перм. *jurbirt* ‘молиться, кланяться, поклоняться’ [КЭСКЯ 1970: 335];

пудэнь [Матфей Глаз.: 106] — литер. *пыдын* ‘пешком’; *пудэнь* [Матфей Сар.: 106] — *пыдын* ‘пешком’; *puden* (G, M, J, MU, U), *pîdîn* (G) ‘пешком’ [Wichmann 1987: 198], ср. коми литер. *подөн*, к.-я. *пудөн* ‘пешком’ [КЭСКЯ 1970: 223];

нупиэтьйосьсэ [Матфей Глаз.: 178] — литер. *ныпйэтьйоссэ* ‘его бремена (его ноши)’; *nîpî* (G), *nirijet* (J) ‘заплечный мешок; бремя, ноша’ [Wichmann 1987: 169], ср. коми литер. *ноп*, вс. *ноп*, к.-я. *нуп* ‘котомка’ [КЭСКЯ 1970: 194];

юлоу [Азбука Глаз.: 79] — литер. *йылол* ‘обычай, привычка’;

будзймь [Матфей Сар.: 179] — литер. *быдзьым* ‘старший, великий’; *будзймь-эзь* [Матфей Сар.: 174] — литер. *быдзьымэз* ‘старший, великий’;

пулатызъ [Иоанн: 10; 40] — литер. *пылатиз* ‘искупал, умыл’;
бурьиса [Азбука Сар.: 28] — литер. *бырийса* ‘выбирая’; *бурьёмъ* [Азбука Сар.: 58] — литер. *бырийэм* ‘выбранный’;

буризь [Азбука Сар.: 28] — литер. *быриз* ‘закончился’.

Не встречается в таких словах, как: *мылкыдъ* [Марк: 3] — литер. *мылкыд* ‘настроение’; *дышетыны* [Марк: 3] — литер. *дышэтыны* ‘учить, обучать’; *пыжъ* [Марк: 17] — литер. *пыж* ‘лодка’; *выниосызь-но* [Матфей Глаз.: 3] — литер. *выниосыз но* ‘и его младшие братья’; *энь кышка* [Матфей Глаз.: 3] — литер. *эн кышка* ‘не бойся’; *ыжъэзъ* [Матфей Глаз.: 81] — литер. *ыжэз* ‘овцу’; *кыйлэнь* [Матфей Глаз.: 86] — литер. *кыйлэн* ‘у змеи’; *быгатды* [Азбука Глаз.: 16] — литер. *быгатозы* ‘смогут’; *тыль* [Азбука Глаз.: 44] — литер. *тыл* ‘огонь, свет’; *ымысь* [Матфей Сар.: 16] — литер. *ымыс* ‘изо рта’; *кылэнь* [Матфей Сар.: 16] — литер. *кылэн* ‘словом’; *пыдэныдъ* [Матфей Сар.: 16] — литер. *пыдэныд* ‘своей ногой’; *нырысь* [Иоанн: 1; 1] — литер. *нырыс* ‘вначале, сначала’; *дыдыкыюссь-ссэ* [Иоанн: 2; 14] — литер. *дыдык-юссэ* ‘своих голубей’; *тылобурдо* [Азбука Сар.: 18] — литер. *тылобурдо* ‘птица’; *кышно* [Азбука Сар.: 28] — литер. *кышно* ‘жена’; *быдтыны* [Азбука Глаз.: 42] — литер. *быттыны* ‘закончить, окончить’ и т. д.

2) Спорадическое употребление э в соответствии с литер. ы:

кечэ [Марк: 1, 32] — литер. *кычэ* ‘какой’ (также и в двух формах этого слова); *кечэке* [Марк: 26] — литер. *кычэ кэ* ‘какой-то’; *кэчэкэ* [Матфей Глаз.: 13] — литер. *кычэ кэ* ‘какой-то’; *кече-кэ* [Матфей Глаз.: 43] — литер. *кычэ кэ* ‘какой-то’; *кечэке-но* [Матфей Глаз.: 64] — литер. *кычэ кэ но* ‘какой-то’; *кэчэ* [Матфей Глаз.: 126, 187, 189] — литер. *кычэ* ‘какой’; *кэчэ-осызь* [Матфей Глаз.: 146] — литер. *кычэосыз* ‘какие’; *кечэ* [Азбука Глаз.: 124] — литер. *кычэ* ‘какой’; *кэчэкэ* [Азбука Глаз.: 43] — литер. *кычэкэ* ‘какой-то’; *кэчэкэ-но* [Матфей Сар.: 13] — литер. *кычэ кэ но* ‘какой-то’ (также и в двух формах этого слова); *кэчэ* [Матфей Сар.: 87, 187, 190] — литер. *кычэ* ‘какой’ (также и в двух формах этого слова); *кэчэ* [Иоанн: 3; 2] — литер. *кычэ* ‘какой’.

Не встречается в таких словах, как: *кылыкызь* [Марк: 3] — литер. *кылис'кыз* ‘раздалось’; *истыса* [Матфей Глаз.: 7] — литер. *ыстыса* ‘отправив’; *кылэнь* [Матфей Сар.: 172] — литер. *кылын* ‘словом’.

3) Спорадическое употребление о в соответствии с литер. ы:

монэстыль [Марк: 42, 112, 114] — литер. *мынэс'тым* ‘от меня’; *монэстыль* [Марк: 84] — литер. *мынэс'тым* ‘от меня’;

сочэ [Марк: 109] — литер. *сычэ* ‘такой’; *сочэ* [Матфей Глаз.: 41, 55] — литер. *сычэ* ‘такой’; *сочэ* [Матфей Глаз.: 48, 63, 78, 112, 207, 226] — литер. *сычэ* ‘такой’ (ср. *сычэ* [Матфей Глаз.: 80] — литер. *сычэ* ‘такой’; *сычэосъ* [Матфей Глаз.: 144] — литер. *сычэос* ‘такие’); *сочэикъ* [Матфей Глаз.: 57] — литер. *сычэ ик* ‘такой же’; *сочэ* [Азбука Глаз.: 30] — литер. *сычэ* ‘такой’.

Подобные примеры имеются и в переводе «Евангелия от Матфея» на сарапульском наречии: *сочэикъ* [Матфей Сар.: 30] — литер. *сычэ ик* ‘такой же’; *сочэ* [Матфей Сар.: 41] — литер. *сычэ* ‘такой’; *сочэ* [Матфей Сар.: 55, 207, 226] — литер. *сычэ* ‘такой’; *сочэ-икъ* [Матфей Сар.: 30] — литер. *сычэ ик* ‘такой же’. Несмотря на это, данную особенность мы все-таки склонны считать характерной для глазовского наречия, поскольку исключений в переводе на сарапульском наречии встречается даже больше, чем самих примеров, подпадающих под это правило: *сычэ* [Матфей Сар.: 48, 78, 80, 144, 145] — литер. *сычэ* ‘такой’; *сычэ-эзъ* [Матфей Сар.: 112] — литер. *сычээз* ‘такой’; *сычэ-кэ* [Матфей Сар.: 144] — литер. *сычэ кэ* ‘если такой’.

Соответствие *о* — литер. *ы* в первом слоге не встречается в таких словах, как: *кыкьнаизъ* [Марк: 16] — литер. *кыкнаиз* ‘оба’; *тынысьтыдъ* [Матфей Глаз.: 57] — литер. *тыныс'тыд* ‘от тебя’; *мынымъ* [Матфей Глаз.: 57] — литер. *мыным* ‘мне’; *кытынъ* [Матфей Глаз.: 7] — литер. *кытын* ‘где’ и т. д.

4) Употребление гласного ы в соответствии с литер. ъ:

бырдысьюссэ [Марк: 36] — литер. *бърдис'юссэ* ‘плачущих’; *бырдыскóды* [Марк: 36] — литер. *бърдис'кóды* ‘плачете’; *бырдыны* [Марк: 122] — литер. *бърдыны* ‘плакать, рыдать’; *бырдыса* [Марк: 132] — литер. *бърдыса* ‘плача, рыдая’; *бырдонъ* [Матфей Глаз.: 10] — литер. *бърдон* ‘плач, рыдание’; *бырдэ* [Матфей Глаз.: 10] — литер. *бърдэ* ‘плачет, рыдает’; *бырдоно кадъ* [Матфей Глаз.: 34] — литер. *бърдоно кадъ* ‘будто вот-вот заплачет’;

кытьсы [Матфей Глаз.: 79] — литер. *кътсы* ‘их живот’.

Встречается ряд исключений: *бърдонъ* [Матфей Глаз.: 48, 59, 76, 100, 195, 197] — литер. *бърдон* ‘плач, рыдание’; *эдъ бърдэ* [Матфей Глаз.: 76] — литер. *ъд бърдэ* ‘вы не плакали, не ревели’; *бърдóзы* [Матфей Глаз.: 192] — литер. *бърдозы* ‘заплачут, заревут’; *кэтызь* [Матфей Глаз.: 80] — литер. *кътыз* ‘его живот’.

5) Употребление в некоторых словах гласного ы (и) в соответствии с литер. у:

мызонъіосъ [Иоанн: 4; 38] — литер. *музонйос* ‘другие’; *мызѡнь* [Иоанн: 5; 5] — литер. *музон* ‘другой’; *мызѡнь* [Матфей Сар.: 95, 97, 98] — литер. *музон* ‘другой’; *мызонъ-іосызь* [Матфей Сар.: 117] — литер. *музонйосыз* ‘другие’; *мызѡнь-зэ* [Матфей Сар.: 144] — литер. *музонзэ* ‘другой’; *tuzon* (G, U), *mizon* (M, J) ‘другой’ [Wichmann 1987: 164];

шідъ [Азбука Сар.: 37] — литер. *шуд* ‘счастье’.

Исключения: *музѡнь-іосъ* [Матфей Сар.: 122] — литер. *музонйос* ‘другие’; *музонъіосызь* [Матфей Сар.: 150, 185, 225] — литер. *музонйосыз* ‘другие’; *музѡнь-іосъ-лэсъ* [Матфей Сар.: 152] — литер. *музонйослэсъ* ‘от других’; *музонъіосъ* [Матфей Сар.: 170, 226, 233] — литер. *музонйос* ‘другие’.

6) Спорадическое употребление гласного э в соответствии с литер. о:

пэнизы [Иоанн: 2; 7] — литер. *пониэы* ‘положили’; *санэпэнымтэ* [Азбука Сар.: 22] — литер. *санэ понымтэ* ‘не учтено, не принято во внимание’; *пэнса* [Азбука Сар.: 50] — литер. *пониэса* ‘положив’;

пэнна [Иоанн: 2; 17] — литер. *понна* ‘за, ради, для’; *пэнна* [Азбука Сар.: 15, 16] — литер. *понна* ‘за, ради, для’;

пэль [Иоанн: 3; 4] — литер. *пол* ‘раз’; *пэль* [Азбука Сар.: 73] — литер. *пол* ‘раз’.

Исключения: *понна* [Иоанн: 1; 8, 15, 30] — литер. *понна* ‘за, ради, для’; *понна* [Азбука Сар.: 42] — литер. *понна* ‘за, ради, для’; *пѡль* [Азбука Сар.: 95] — литер. *пол* ‘раз’.

Не встречается в таких словах, как: *тодызы* [Иоанн: 2; 9] — литер. *тодизы* ‘узнали’; *ошійостэ* [Иоанн: 2; 9] — литер. *ошійостэ* ‘твоих быков’; *потызы* [Иоанн: 2; 30] — литер. *потизы* ‘вышли’; *гоштэтъ* [Азбука Сар.: 47] — литер. *гоштэт* ‘письмо’ и т. д.

2.2. Особенности вокализма второго слога

1) Спорадическое употребление ы ~ и в соответствии с литер. э:

зарізь [Марк: 17, 22, 33, 47, 54] — литер. *зарэз’* ‘море’ (также и в четырех формах этого слова); *зарідзь* [Матфей Глаз.: 18, 19, 53, 90, 180] — литер. *зарэз’* ‘море’ (также и в пяти формах этого слова); *зарідзыіосъ* [Азбука Глаз.: 28] — литер. *зарэз’йос* ‘моря’; *заризьзэ* [Азбука Глаз.: 42] — литер. *зарэз’э* ‘в море’; *зарідзь* [Матфей Сар.: 18, 19, 90, 180] — литер. *зарэз’* ‘море’ (также и в семи формах этого слова); *заризь* [Иоанн: 6; 9, 18, 22, 25] — литер. *зарэз’* ‘море’ (также и в двух формах этого слова); *заризь* [Азбука Сар.: 44] — литер. *зарэз’* ‘море’; *заризэзь* [Азбука Сар.: 44] — литер. *зарэз’эз* ‘море’; *zariž* (J), *zariž* (U) ‘море’ [Wichmann 1987: 329], ср. коми литер. *саридз* ‘море’ [КЭСКЯ 1970: 249];

дуннй [Марк: 74, 76] — литер. *дун’н’э* ‘мир, свет’ (также и в пяти формах этого слова);

сэрыго [Азбука Глаз.: 28] — литер. *сэрэго* ‘угловатый, с углами’;

пунымэнь [Матфей Сар.: 29] — литер. *пунэмэн* ‘взаимы, в долг’;

толызь [Иоанн: 4; 35] — литер. *толэз’* ‘луна, месяц’; *tolež* (G, B, J, MU, U), *tolîž* (G), *toled’ž* (M), *tojež* (J, MU) ‘луна, месяц’ [Wichmann 1987: 265], ср. коми литер. *тѡлысь*, к.-я. *tôlis’* ‘луна, месяц’ [КЭСКЯ 1970: 283].

Исключения: *толэзь* [Матфей Глаз.: 130] — литер. *толэз’* ‘луна, месяц’; *толэзьзэ* [Азбука Глаз.: 17] — литер. *толэз’эз* ‘его луну, месяц’; *толэзьзэ* [Азбука Сар.: 17] — литер. *толэз’эз* ‘луну, месяц’.

Не встречается в таких словах, как: *кенішь* [Марк: 16] — литер. *кэн’эш* ‘собрание, сходка’; *эскерыса* [Марк: 21] — литер. *эскэрыса* ‘проверив’; *эксей* [Матфей Глаз.: 10] — литер. *эксэй* ‘царь’; *гужэмъ* [Матфей Глаз.: 192] — литер. *гужэм* ‘лето’; *гурэзь* [Азбука Глаз.: 46] — литер. *гурэз’* ‘гора’; *липѣтъ* [Матфей Сар.: 16] — литер. *липѣт* ‘крыша’; *сюресэти* [Матфей Сар.: 52] — литер. *с’урэсти* ‘по дороге’; *шонэръ* [Иоанн: 1; 32] — литер. *шон’эр* ‘прямо, правильно’; *музьемэзь* [Азбука Сар.: 17] — литер. *музйэмэз* ‘землю’ и т. д.

2) Употребление а в соответствии с литер. э⁵:

дуньяйнъ [Матфей Глаз.: 24, 189] — литер. *дун’н’эын* ‘в мире’; *дунья-э* [Матфей Глаз.: 24] — литер. *дун’н’э* ‘в мир’; *дунья-йнъ* [Матфей Глаз.: 86] — литер. *дун’н’эын* ‘в мире’; *дуньяйнъ* [Матфей Глаз.: 86,

⁵ В данном случае почти все представленные примеры являются формами и вариантами написания одного и того же слова — литер. *дун’н’э* ‘мир’, — и все они преимущественно встречаются в переводах «Евангелия от Матфея» на глазовском или сарапульском наречии (в Азбуках встречается лишь по одному слову). При этом написания эти весьма разнообразны, поэтому, по нашему мнению, данный случай нельзя отнести к фонетическим особенностям. Однако в написании слова *дун’н’э* ‘мир’ в переводе «Евангелия от Матфея» на сарапульском наречии прослеживается некая закономерность. Все номинативные формы пишутся через *e*. В остальных падежных формах

206, 209] — литер. *дун'н'эын* 'в мире'; *дунья-лэсь* [Матфей Глаз.: 92] — литер. *дун'н'элэс'* 'от мира'; *дунья* [Матфей Глаз.: 98, 187] — литер. *дун'н'э* 'в мире'; *дуньяе* [Матфей Глаз.: 146, 147, 148, 149, 165, 202] — литер. *дун'н'ээ* 'в мир'; *инь-дуньяэзэ* [Матфей Глаз.: 180] — литер. *ин дун'н'ээз* 'небесный мир (Царство небесное)'; *дуньялэнь* [Матфей Глаз.: 99, 123, 189] — литер. *дун'н'элэн* 'у мира'; *дунья-энызэ* [Матфей Глаз.: 126] — литер. *дун'н'ээныз* 'своим миром'; *дунья-эзэ* [Матфей Сар.: 17, 168, 180] — литер. *дун'н'ээз* 'мир'; *дунья-лэсь* [Матфей Сар.: 20] — литер. *дун'н'элэс'* 'от мира'; *дунья-лэнь* [Матфей Сар.: 23] — литер. *дун'н'элэн* 'у мира'; *дуньяинь* [Матфей Сар.: 24, 189] — литер. *дун'н'эын* 'в мире'; *дунья-эдэ* [Матфей Сар.: 33, 34] — литер. *дун'н'ээд* 'твой мир'; *дунья-зэ* [Матфей Сар.: 38] — литер. *дун'н'ээз* 'его мир'; *дуньяе* [Матфей Сар.: 43, 146, 147, 148, 149, 165, 202] — литер. *дун'н'ээ* 'в мир'; *дунья-инь* [Матфей Сар.: 48, 206, 209] — литер. *дун'н'эын* 'в мире'; *дунья-энызэ* [Матфей Сар.: 126] — литер. *дун'н'ээныз* 'своим миром'; *дуньяинь* [Азбука Глаз.: 85] — литер. *дун'н'эын* 'в мире';

валактэмзы [Азбука Сар.: 45] — литер. *валэктэмзы* 'их разъяснение'.

Исключения: *дунье* [Матфей Глаз.: 64, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 139, 145, 149, 169, 189, 196, 202, 234] — литер. *дун'н'э* 'мир'; *дунье-йсь* [Матфей Глаз.: 100] — литер. *дун'н'эыс'* 'из мира'; *дунье-азэ* [Матфей Глаз.: 100] — литер. *дун'н'ээз* 'в своем мире'; *дунье-лэсь* [Матфей Глаз.: 126] — литер. *дун'н'элэс'* 'от мира'; *дунье* [Матфей Сар.: 11, 18, 21, 22, 64, 75, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 139, 145, 149, 169, 187, 189, 190, 196, 198, 202, 234] — литер. *дун'н'э* 'мир'; *дунье-инь* [Матфей Сар.: 74, 86, 133, 134] — литер. *дун'н'эын* 'в мире'; *дунье-эзэ* [Матфей Сар.: 85] — литер. *дун'н'ээз* 'мир'; *дунье-лэсь* [Матфей Сар.: 92, 123, 126] — литер. *дун'н'элэс'* 'от мира'; *дунье-лэнь* [Матфей Сар.: 99] — литер. *дун'н'элэн* 'у мира'; *дунье-йсь* [Матфей Сар.: 100] — литер. *дун'н'эыс'* 'из мира'; *дунье-азэ* [Матфей Сар.: 100] — *дун'н'ээз* 'в своем мире'; *дунье-э* [Матфей Сар.: 133] — литер. *дун'н'ээ* 'в мир'; *дунье-лы* [Матфей Сар.: 134] — литер. *дун'н'элы* 'миру'.

3) Спорадическое употребление э (ө) в соответствии с литер. ы:

эжэть [Азбука Глаз.: 69] — литер. *өжыт* 'мало, немного'; *ežet* (G), *ižit* (G, B, U), *ižet* (U), *ežit* (S, M), *öžit* (J, MU), *žöt*, *öžet* (MU) 'мало, немного' [Wichmann 1987: 55];

беректызэ [Азбука Глаз.: 112] — литер. *бэрыктыз* 'вернул'; *бэретскэ* [Матфей Сар.: 8] — литер. *бэрытскэ* 'поворачивается'; *беректыны* [Матфей Сар.: 213] — литер. *бэрыктыны* 'вернуть' (также и в трех формах этого слова); *beriktīni* (G, U), *berektīni* (G), *beriktīni* (M, MU), *berik-* (J) 'вернуть, возвратить' [Wichmann 1987: 19].

Не встречается в таких словах, как: *шунды* [Марк: 23] — литер. *шунды* 'солнце'; *бусыйнь* [Матфей Глаз.: 194] — литер. *бусыын* 'в поле'; *тусьтызэ* [Азбука Глаз.: 124] — литер. *тус'тызэ* 'свою чашку'; *укмысь* [Азбука Глаз.: 44] — литер. *укмыс* 'девять'; *турынъ* [Азбука Глаз.: 17] — литер. *турын* 'трава, сено'; *калыкысь* [Иоанн: 7; 31] — литер. *калыкыс'* 'из народа' и т. д.

4) Спорадическое употребление гласного э в соответствии с литер. о:

терэмурть-лы [Марк: 35, 36] — литер. *төро муртлы* 'старосте'; *терэнэ* [Марк: 36] — литер. *төро доры* 'к старосте'; *терэидсь* [Марк: 104] — литер. *төроос* 'старосты'; *тэрэнь* [Иоанн: 2; 8] — литер. *төроэн* 'со старостой'; *тєрє* (G, M) 'староста; вождь' [Wichmann 1987: 259];

модэсьидсь [Азбука Глаз.: 36] — литер. *модосйос* 'стебли'; *модэсьидсьлэсь* [Иоанн: 7; 48] — литер. *модосйослэс'* 'от стеблей'.

Не встречается в таких словах, как: *корось* [Марк: 43, 132] — литер. *корос* 'гроб'; *мугоръ* [Марк: 116] — литер. *мугор* 'тело, туловище' и т. д.

5) Спорадическое употребление о в соответствии с литер. ы:

ежотъ [Марк: 44] — литер. *өжыт* 'немного, мало';

шобортызэ [Азбука Глаз.: 42] — литер. *шобыртиз* 'укрыл, накрыл'.

Соответствие *о* — литер. *ы* во втором слоге **не встречается** в таких словах, как: *укмысьэти* [Марк: 128] — литер. *укмысэти* 'девятый'; *шулдырь* [Азбука Глаз.: 19] — литер. *шудлыр* 'веселый, радостный'; *урдылысь* [Азбука Глаз.: 19] — литер. *урдылыс'* 'из ребра' и т. д.

встречается написание через *е* и через *я*: формы через *я* пишутся в главах 1—10 и 19—28; в промежутке между этими главами, т. е. в главах 11—18 (это страницы 72—142), данное слово пишется через *е*, как и в современном литературном языке, за одним исключением: *дунья-энызэ* [Матфей Сар.: 126] — литер. *дун'н'ээныз* 'своим миром'. Скорее всего, это подтверждает тот факт, что над переводом работал целый коллектив и данные главы были написаны разными писцами или переводчиками.

6) Употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ö*:

эвълъ [Марк: 26, 29] — литер. *övöl* ‘не, нет’ (ср. *эвълъ* [Марк: 29] — литер. *övöl*); *эвълъ* [Матфей Глаз.: 28] — литер. *övöl* ‘не, нет’.

7) Спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности:

улульсь [Иоанн: 3; 13] — литер. *улылис’* ‘живущий (многократно)’;
сукуруй [Иоанн: 6; 9] — литер. *сукури* ‘каравай’;
бурмутызь [Иоанн: 11; 37] — литер. *бурмытиз* ‘вылечил, исцелил’;
турумъ [Матфей Сар.: 97, 107] — литер. *турын* ‘трава, сено’; *турумэзь* [Азбука Сар.: 17] — литер. *турынэз* ‘траву, сено’.

Исключения: *турымъ-эзь* [Матфей Сар.: 38] — литер. *турынэз* ‘траву, сено’; *улысьсэ* [Азбука Сар.: 67] — литер. *улис’сэ* ‘живущего’.

Несколько примеров встречается и в переводе «Евангелия от Марка»: *кудү* [Марк: 46] — литер. *куды* ‘лукошко’; *эзь учура* [Марк: 56] — литер. *öz учыра* ‘не угодил во время’; *шукузэ* [Марк: 67, 68] — литер. *шукызэ* ‘его пену’. Но в то же время в ряде слов, в которых в памятниках на сарапульском наречии произошла ассимиляция, в данном переводе ассимиляция отсутствует, например: *турынь-вылэ* [Марк: 46] — литер. *турын вылэ* ‘на траву’; *бурмытысь-йослэсь* [Марк: 34] — литер. *бурмытис’йослэс’* ‘от исцеляющих’.

В рассматриваемых памятниках встречается еще несколько особенностей, которые имеют место либо только в одном из памятников, либо в двух памятниках разных диалектных принадлежностей и, чаще всего, являются не нормой написания какого-либо слова в памятнике, а отклонением, исключением. При этом подобные фонетические переходы не характерны для современных диалектов удмуртского языка⁶, поэтому данные случаи мы не будем рассматривать в качестве фонетических особенностей: скорее всего, это всего лишь описки.

1) Употребление гласного *а* в соответствии с литер. *и*: *таледынь* [Матфей Глаз.: 41] — литер. *тил’эдын* ‘с вами’; *таледынь* [Матфей Сар.: 41] — литер. *тил’эдын* ‘с вами’.

2) Употребление гласного *э* в соответствии с литер. *и*: *гэнэ* [Матфей Сар.: 111, 131, 137] — литер. *гинэ* ‘только’.

3) Употребление гласного *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *о*: *тыдысь* [Марк: 61] — литер. *тодис’* ‘знающий’; *лымширь* [Матфей Сар.: 88] — литер. *лымшиор* ‘полдень; южный’.

4) Употребление согласного *н* (*н’*) в соответствии с литер. *й*: *пэнмытскдзь* [Марк: 106] — литер. *пэймытскоз* ‘стемнеет’ (ср. *пеймыть* [Марк: 129] — литер. *пеймыт* ‘темный’); *пеньмыть* [Матфей Сар.: 69] — литер. *пеймыт* ‘темный’ (ср. *пеймыть* [Матфей Сар.: 18, 36, 171, 205, 226] — литер. *пеймыт* ‘темный’); *панмизь* [Матфей Сар.: 84] — литер. *паймиз* ‘удивился’ (ср. *паймытымдөнъ* [Матфей Сар.: 102] — литер. *паймытмон* ‘удивительно’); *паймизь* [Матфей Сар.: 117] — литер. *паймиз* ‘удивился’; *паймызы* [Матфей Сар.: 173] — литер. *паймизы* ‘удивился’; *паймызь* [Матфей Сар.: 48; 175] — литер. *паймиз* ‘удивился’).

5) Употребление гласного *э* в соответствии с литер. *а*: *даулэшыны* [Иоанн: 6; 52] — литер. *даллашыны* ‘ссориться, ругать’; *даулэшэмъ* [Иоанн: 7; 43] — литер. *даллашэм* ‘оказывается, поссорился, ругался’; *адемиодь* [Матфей Глаз.: 18] — литер. *ад’амиос* ‘люди’ (ср. *адямийосызь* [Матфей Глаз.: 24] — литер. *ад’амисыз* ‘людей’).

6) Употребление гласного *о* в соответствии с литер. *а*: *модиськднъ* [Матфей Сар.: 95] — литер. *мад’ис’кон* ‘рассказ, сказ, загадка’ (ср. *мадиськонъ-эзь* [Матфей Сар.: 97, 99, 166] — литер. *мад’ис’конэз* ‘рассказ, сказ, загадку’; *мадиськднъ* [Матфей Сар.: 98] — литер. *мад’ис’кон* ‘рассказ, сказ, загадка’).

7) Употребление гласного *а* в соответствии с литер. *о*: *мудранъ* [Матфей Сар.: 103] — литер. *мудрон* ‘мудренный’; *манэ* [Матфей Сар.: 146] — литер. *монэ* ‘меня’.

8) Употребление гласного *а* в соответствии с литер. *у*: *наналь* [Матфей Глаз.: 230] — литер. *нунал* ‘день’.

9) Употребление гласного *о* в соответствии с литер. *э*: *берог⁷* [Марк: 48]; *бонь⁸* [Матфей Глаз.: 72]; *куло-эзь* [Матфей Сар.: 39] — литер. *кулээз* ‘нужное’.

⁶ Две формы, отмеченные в пунктах 3 и 4, можно найти и в [Wichmann 1987], но ни в глазовском, ни в сарапульском диалекте они не встречаются: *lîm-šîr* (M, J, MU), *lum-šor*, *lum-šur* (G), *lîm-šîr* (U) [Wichmann 1987: 173]; *pel'mît* (G), *pel'mît*, *pen'mît* (J), *peimît* (G, U), *peimît* (M, MU), *peimît* (U) ‘темный; темно’ [Wichmann 1987: 192].

⁷ Заимствование из русского языка: ср. рус. *берег*. По данным словаря [Wichmann 1987], это слово было характерно для глазовского диалекта удмуртского языка.

⁸ Повсеместно в переводе встречается *бен*, кроме одного примера; *бон* считается признаком южного наречия: ср. южн., ср.-южн. *бон* ‘да, же’ [Электрокыллюкам].

Стоит отметить, что во всех памятниках выделяется несколько явных особых написаний, которые проводились последовательно, и такие произнесения отсутствуют в современных диалектах. По-видимому, это свидетельствует о существовании писцовых школ и ранних принципах орфографии, не описанных в литературе. В частности, к таким орфографическим приемам можно отнести:

- 1) наличие инлаутного *в* в сочетаниях *ува, уво, увэ, аву* в соответствии с литер. *уа, уо, уэ, ау*;
- 2) наличие сочетаний *ква-, кви-* в соответствии с литер. *кѳа-, кѳи-*;
- 3) сочетания согласных типа *-рС-* в соответствии с литер. *-рСС-* в корне.

Все выявленные фонетические особенности, исходя из цели исследования, можно подразделить на три группы (Таблица):

- 1) особенности, присущие глазовскому и сарапульскому диалектам;
- 2) особенности, характерные только для глазовского диалекта;
- 3) особенности, свойственные только сарапульскому диалекту.

Таким образом, в исследуемых памятниках встречаются диалектные особенности различного характера. К особенностям, свойственным как сарапульскому, так и глазовскому диалекту первой половины XIX в., мы можем отнести семь фонетических особенностей (Таблица, пп. 1—7). При этом все они встречаются и в современных диалектах удмуртского языка.

Далее выделяются пять особенностей, которые присущи только глазовскому диалекту (Таблица, пп. 8—12). Три из них не представлены ни в одном из современных диалектов (Таблица, пп. 8, 11, 12). Можно также выделить ряд черт, посредством которых глазовское наречие, представленное в памятниках, отличается от современного среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка, соответствующего ему территориально:

- 1) употребление *у (ѳ)* в соответствии с литер. *л* (Таблица, п. 5; вероятно, архаизм, в настоящее время свойственный срединным говорам и некоторым диалектам южного наречия);
- 2) sporadическое употребление *э* в соответствии с литер. *ы* в первом слого (Таблица, п. 7; свойственно прикильмезским говорам);
- 3) употребление палатальной аффрикаты *ч* в соответствии с литер. щелевым *с'* (Таблица, п. 10; вероятно, архаизм, в настоящее время свойственный бесермянскому наречию и отдельным центрально-южным и периферийно-южным говорам);
- 4) употребление гласного *ы* в соответствии с литер. *ѳ* в первом слого (Таблица, п. 11; свойственно бесермянскому наречию).

Кроме того, можно выделить семь особенностей, которые были характерны только для сарапульского диалекта (Таблица, пп. 13—19). Оценить, насколько сарапульское наречие, представленное в памятниках, отличается от современного сарапульского диалекта, мы не можем, поскольку на территории распространения данного диалекта сегодня расположены только русские поселения. Однако тот факт, что рассмотренный нами сарапульский диалект имеет подавляющее большинство общих черт (10 из 14) с современными срединными говорами, позволяет нам сделать вывод о близости данных диалектов. Однако при этом сарапульский диалект памятников отличается от современных срединных говоров наличием следующих особенностей:

- 1) употребление *ы ~ и* в соответствии с литер. *э* во втором слого (Таблица, п. 4; свойственно верхне-чепецким говорам северного наречия);
- 2) употребление в некоторых словах гласного *ы (и)* в соответствии с литер. *у* в первом слого (Таблица, п. 16; свойственно бесермянскому наречию и sporadически встречается в южном наречии);
- 3) употребление в анлауте *й* в соответствии с литер. *л'* (Таблица, п. 17; вероятно, архаизм, в настоящее время не встречается в современных наречиях удмуртского языка);
- 4) употребление *л (л')* в соответствии с литер. *й* (Таблица, п. 18; по данным словаря [Wichmann 1987], данная особенность была свойственна глазовскому и елабужскому диалектам; по экспедиционным материалам 2013 г., характерна для некоторых периферийно-южных диалектов).

Как видно, практически все особенности употребления согласных, зафиксированные в памятниках, являются либо графическими приемами (см. выше), либо архаизмами, отраженными и в словаре [Wichmann 1987]:

- 1) употребление в анлауте билабиального *ѳ* перед *а*, графически передается буквосочетанием *ув*⁹ (Таблица, п. 1);

⁹ На сегодняшний день эта особенность встречается еще в ряде говоров, однако происходит постепенное замещение древних форм на *ѳа-* литературными формами на *ва-*, о чем свидетельствуют данные словаря [Карпова 2013], в котором все слова, ранее имевшие анлаутное *ѳа-*, на данный момент в одном и том же населенном пункте могут иметь параллельную форму с *ва-*.

Таблица

**Распределение фонетических особенностей, выявленных в памятниках письменности,
по наречиям удмуртского языка**

№	Особенности	Наличие перечисленных особенностей в рассматриваемых памятниках письменности						Наличие перечисленных особенностей в современных наречиях удмуртского языка				
		[Марк]	[Магфей Глаз.]	[Азбука Глаз.]	[Магфей Сар.]	[Иоанн]	[Азбука Сар.]	северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
											центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
Особенности, присущие глазовскому и сарапульскому диалектам												
1	употребление в анлауте билабиального <i>ɥ</i> перед <i>a</i> (графически передается буквосочетанием <i>уэ</i>)	+	+	+	+	+	+	+ ¹⁰	+	+	+	+
2	употребление аффрикаты <i>č</i> перед <i>k</i> в инлауте (вместо литер. <i>ш</i>)	+	+	+	+	+	+	+ ¹¹	+ ¹²		+ ¹³	
3	сохранение твердого характера согласного <i>n</i> после переднерядного <i>i</i>	+	+	+	+	+	+	+ ¹⁴	+			+
4	употребление <i>ы</i> ~ <i>и</i> в соответствии с литер. <i>э</i> во втором слоге	+	+	+	+	+	+	+ ¹⁵				

¹⁰ «Билабиальный согласный *ɥ* (...) употребляется (...) в отдельных говорах северного наречия (нижнечепецкие, среднечепецкие), южного (часть нижнеижского) и периферийно-южного (татышлинский, буйско-таньпский), в бесермянском наречии и спорадически в срединных говорах — в анлауте около трех десятков корней перед *a*» [Кельмаков 2006: 83]. Например: нч., бес., бт. *ɥал'эс* — литер. *вал'эс* 'постель'; нч., бес., бт. *ɥан'* — литер. *ван'* 'есть, имеется'; нч., бес., бт. *ɥаз'* — литер. *ваз'* 'рано'; нч., бт. *ɥаз'ыны* — литер. *ваз'ыны* 'обратиться, заговорить, откликнуться' и т. д.

¹¹ «В употреблении аффрикат исследуемый диалект (среднечепецкий) близок к удмуртскому литературному языку. Отличие проявляется лишь в употреблении аффрикаты *č*: в ряде слов в инлауте перед согласным *k* и в инлауте или в конце слова после сочетания *-čV* эта древняя аффриката сохраняется, тогда как в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке она деаффрикатизируется и заменяется фрикативным *š*: *šискон* (ср. литер. *čушкон*) 'полотенце', *кчаšка* (ср. литер. *куашка*) 'разваливается, разрушается', *вəšкə* (ср. литер. *вышки*) 'кадка'» [Карпова 1997: 79].

¹² «По правилам удмуртской орфографии и орфоэпии, вместо встречающегося в промежуточных (срединных) говорах *č* принято употреблять *ш* перед последующим за ним звуком *k*, например: *вышки* вм. диал. *выčкы* 'кадушка'; *лушканы* вм. диал. *луčканы* 'красть'; *кушкыны* вм. диал. *куčкыны* 'отказаться'» [Тепляшина 1973: 201].

¹³ «В середине слова перед согласными и в середине или в конце слова *čГ*-аффриката *č*, в отличие от среднеудмуртских говоров, в большинстве населенных пунктов описываемого региона не употребляется, ср. *вəшкə* 'кадка' (сред. *выčкы*), *čошэн* 'вместе, совместно' (сред. *čоčэн*), *čушкон* 'полотенце, рушник' (сред. *čуčкон*) и др. Говор деревни Дубровск в этом отношении отличается от остальных кырыкмасских говоров (кырыкмасские говоры — это южноудмуртские говоры, распространенные в бассейне р. Кырыкмас (левого притока р. Иж. — примеч. М. К.) современного Киясовского района Удмуртской Республики), в некоторой степени приближаясь к говорам средних районов Удмуртии, ср. *čоč* 'вместе, совместно', *čуčкон* 'полотенце, рушник', *кəчаканы* 'разрушиться, развалиться, рухнуть', *ыčкон* 'трахома' и др.» [Кельмаков 1977: 37].

¹⁴ «В южной диалектной зоне, за исключением татышлинского, канлинского и буйско-таньпского говоров (в отношении красноуфимского нет пока ясности), а также в языке бесермян дентальные *n*, *m* и *d* в позиции после *i* обычно замещаются их палатальными кореллятами (*n'*, *m'* и *d'*)» [Кельмаков 2006: 107]. Например: сев. *ин*, южн., кукм., бес. *ин'* — литер. *ин* 'небо'; сев. *кин*, южн., кукм., бес. *кин'* — литер. *кин* 'кто'; сев. *с'ин*, южн., кукм., бес., *с'ин'* — литер. *с'ин* 'глаз'.

¹⁵ Данная корреспонденция гласных характерна для верхнечепецких говоров северного наречия, например: *кымыс* — литер. *кымэс*, *толыз'* — литер. *толэз'* [Алашеева 1982: 92].

№	Особенности	Наличие перечисленных особенностей в рассматриваемых памятниках письменности						Наличие перечисленных особенностей в современных наречиях удмуртского языка				
		[Марк]	[Матфей Глаз.]	[Азбука Глаз.]	[Матфей Сар.]	[Иоанн]	[Азбука Сар.]	северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
											центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
5	употребление <i>y</i> (ÿ) в соответствии с литер. <i>л</i>	+	+	+	+	+	+	+ ¹⁶			+	+
6	употребление <i>y</i> в соответствии с литер. <i>ы</i> в первом слоге	+	+	+	+	+	+	+ ¹⁷	+ ¹⁸	+ ¹⁹		+
7	спорадическое употребление <i>э</i> в соответствии с литер. <i>ы</i> в первом слоге	+	+	+	+	+		+ ²⁰				
Особенности, характерные только для глазовского диалекта												
8	спорадическое употребление <i>о</i> в соответствии с литер. <i>ы</i> в первом слоге	+	+	+	+							
9	употребление палатальной аффрикаты <i>ч</i> в соответствии с литер. щелевым <i>с'</i>	+		+			+			+ ²¹	+	+

¹⁶ Употребление ÿ вместо *л* возможно в трех позициях: «1) в середине слова между гласными — (-)ГлГ(-), ср. *оло* ~ *оÿо* (литер. *оло*) ‘или, то ли’, *кулэ* ~ *куÿэ* (литер. *кулэ*) ‘нужно, необходимо’, *калык* ~ *каÿык* (литер. *калык*) ‘народ; публика’; 2) в середине слова между предшествующим гласным и последующим согласным — (-)ГлС(-), например: *калтон* ~ *каÿтон* (литер. *калтон*) ‘невод’, *тöлтэм* ~ *тöÿтэм* (литер. *тöлтэм*) ‘безветренный’, *выллан'* ~ *выÿлан'* (литер. *выллан'*) ‘вверх, кверху’; 3) в конце слова — (-)Гл, например: *вал* ~ *ваÿ* (литер. *вал*) ‘лошадь’, *ныл* ~ *ныÿ* (литер. *ныл*) ‘девушка; дочь’, *тöл* ~ *тöÿ* (литер. *тöл*) ‘ветер’ <...>. В территориальном отношении варьирование *л* ~ ÿ распространено в срединных говорах (Шарканский, Якшур-Бодьинский, частично Увинский, Вавожский районы), в части южного диалекта (Кизнерский, частично Малопургинский, Можгинский, Алнашский и Граховский районы), в части периферийно-южного диалекта (шошм., частично кукм.) и др. Совершенно отсутствует ÿ (< *л*) в северном и бесермянском наречиях, в отдельных периферийно-южных говорах (бт., татш., круф., канл., бавл.)» [Кельмаков 2006: 98—99].

¹⁷ «Чередование гласных *ы* ~ *у*: *шыдыны* вм. литер. *шудыны* ‘играть’, *лымбыт* вм. литер. *лумбыт* ‘весь день’, *мыньчы* вм. *муньчо* ‘баня’, *чужмымы* вм. *чужмумы* ‘бабушка со стороны матери’ и т. д. Подобное соответствие нижнечепецким говорам мы находим в языке бесермян и в юго-западном наречии, распространенном на территории Татарской АССР» [Тепляшина 1970а: 165].

¹⁸ Данное явление характерно для прикильмезских говоров (носителями прикильмезских говоров являются удмурты, проживающие на территории современных Селтинского и Сюмсинского районов Удмуртской Республики), например: *бурйыны* — литер. *бырйыны* ‘выбрать, избрать’; см. подробнее [Загуляева 1981: 103].

¹⁹ «В отдельных случаях удмуртскому литературному *ы* в жувамском говоре соответствует *у*: *куз'* (*кыз'*) ‘моча’ (в других диалектах бесермянского наречия употребляется форма *кыз'*), *ул'* (*ыл'*) ‘сырой’, <...> и вместо *изыны* в речи жителей звучит *узыны*» [Люкина 2009: 236].

²⁰ «В единичных случаях (в прикильмезском говоре) литературному *ы* (*i*) соответствует *e*: *кеçe* ‘какой’ (литер. *кыче*)» [Загуляева 1980: 6].

²¹ «<...> перед нами весьма необычный феномен, охватывающий небольшой круг лексем (около десятка корней) и своеобразно членящий удмуртскую диалектную область на две неравные части: с одной стороны, абсолютное большинство удмуртских диалектов (*c'*¹) и, с другой стороны, бесермянское наречие, отдельные южные и периферийно-южные (и др.?) говоры, точный состав которых (варьирующийся, кстати, от слова к слову) еще до конца не выявлен. Например: общеудм. *с'алзыны* (литер. *сялзыны*) // кукм. *чалзынь* (устар.) ~ *с'алзынь*; бес. *с'алзынь* [Тепляшина 1970б: 114] ‘плюнуть’; общеудм. *с'ор* (литер. *сёр*) // кукм. *чор* (устар.) ‘куница’» [Кельмаков 2006: 93].

№	Особенности	Наличие перечисленных особенностей в рассматриваемых памятниках письменности						Наличие перечисленных особенностей в современных наречиях удмуртского языка				
		[Марк]	[Матфей Глаз.]	[Азбука Глаз.]	[Матфей Сар.]	[Иоанн]	[Азбука Сар.]	северное наречие	срединные говоры	бесермянское наречие	южное наречие	
											центрально-южный диалект	периферийно-южный диалект
10	употребление гласного <i>ы</i> в соответствии с литер. <i>ö</i> в первом слове	+	+						+ ²²			
11	употребление гласного <i>ы</i> в соответствии с литер. <i>ö</i> во втором слове	+	+									
12	спорадическое употребление <i>о</i> в соответствии с литер. <i>ы</i> во втором слове	+		+								
Особенности, свойственные только сарапульскому диалекту												
13	наличие носового согласного <i>м</i> в соответствии с литер. носовым <i>н</i>			+	+	+	+		+ ²³			
14	употребление носового <i>н</i> в соответствии с литер. носовым <i>м</i>		+		+	+	+		+	+ ²⁴		
15	спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности	+			+	+	+	+ ²⁵	+			
16	употребление в некоторых словах гласного <i>ы</i> (<i>и</i>) в соответствии с литер. <i>у</i> в первом слове				+	+	+			+ ²⁶	+	
17	употребление в аналауте <i>й</i> в соответствии с литер. <i>л'</i>				+	+	+					
18	употребление <i>л</i> (<i>л'</i>) в соответствии с литер. <i>й</i>		+		+	+		+ ? ²⁷			+ ?	
19	употребление гласного <i>э</i> в соответствии с литер. <i>о</i> в первом слове					+	+		+ ²⁸			

²² «Имеются единичные случаи соответствия бесермянского *ө* удмуртскому *ö*, например: *төј*, литер. *мöйы* 'старый', 'старик', *рөј*, литер. *пöй* 'дескать, мол'» [Тепляшина 1970б: 78].

²³ «Иногда в словах происходит замена носового звука *н* носовым же звуком *м* или наоборот, например: *турум* ~ *турым* (литер. *турын*) 'сено, трава', *лэмта* (литер. *лента*) 'лента, тесьма', *баžзын* (литер. *бадžым*) 'большой', *макс'ин* (лит. *Максим*) 'Максим (имя)» [Зверева 1982: 62]. Данное явление характерно для говоров Увинского и Вавожского районов Удмуртской Республики (срединные говоры).

²⁴ «В отличие от удмуртского литературного языка в языке бесермян *п* встречается на месте ожидаемого *т*, например: *tərden* вм. литер. *мырдэм* 'кое-как', *депž'өнө* вм. литер. *дэмžыны* 'задеть, зацепить'» [Тепляшина 1970б: 125]. Также встречается у носителей срединных говоров; см. подробнее: [Зверева 1982: 62].

²⁵ Подобные примеры встречаются в следующих диалектах удмуртского языка: 1) в верхнечепецком диалекте северного наречия, например: «*туну* (литер. *туны*) 'собака', *пужум* (литер. *пужым*) 'сосна', *куз'ум* (литер. *куз'ым*) 'подарок'» [Алашеева 1982: 92]; 2) в срединных говорах, например: «*турум* ~ *турым* (литер. *турын*) 'сено, трава'» [Зверева 1982: 62], «*уробузэ* (литер. *уробоез*) 'телегу', *уробуэн* (литер. *уробоен*) 'телегой'» [Загуляева 1981: 103].

²⁶ «В канлинском и бесермянском диалектах в результате утраты признака огубленности праудм. **у* совпал с *ы* (т. е. *ь* < **у*). Аналогичное изменение произошло также в шагиртском и буйско-таньпском диалектах башкирского Закамья, а также в отдельных говорах южного наречия, но в последних только спорадически» [Насибуллин 1977: 64].

²⁷ В словаре [Wichmann 1987] вариант слова *пеймыт* 'темный' через *л'*, встретившийся нам в памятниках, отнесен к глазовскому и елабужскому диалектам. Во время экспедиции 2013 г. подобный вариант с *л'* был зафиксирован у жителей Бавлинского и Кукморского районов Татарстана, т. е. у носителей периферийно-южного диалекта.

²⁸ В единичных случаях в прикильмезском говоре удмуртского языка литер. *о* может соответствовать *е*: «*тепе* 'сосет' (литер. *нонэ*), *sebere* 'потом' (литер. *собеpe*)» [Загуляева 1980: 6].

- 2) употребление аффрикаты *č* перед *к* в инлауте — вместо литер. *ш* (Таблица, п. 2);
- 3) сохранение твердого характера согласного *н* после переднерядного *и* (Таблица, п. 3);
- 4) употребление *у* (*ŷ*) в соответствии с литер. *л* (Таблица, п. 5);
- 5) употребление палатальной аффрикаты *ч* в соответствии с литер. щелевым *с'* (Таблица, п. 9);
- 6) наличие носового согласного *м* в соответствии с литер. носовым *н* (Таблица, п. 13);
- 7) употребление носового *н* в соответствии с литер. носовым *м* (Таблица, п. 14);
- 8) употребление в анлауте *й* в соответствии с литер. *л'* (Таблица, п. 17);
- 9) употребление *л* (*л'*) в соответствии с литер. *й* (Таблица, п. 18).

О случаях, связанных с особым употреблением гласных, судить сложно. Во-первых, к одной и той же особенности могут относиться как формы, имеющие одновременно параллели в словарях [Wichmann 1987] и [КЭСКЯ 1970], так и формы, не имеющие соответствий ни в словарях, ни в современных диалектах. Во-вторых, выявленные нами особенности вокализма как первого, так и второго слога имеют не системный, а спорадический характер. При этом количество примеров в большинстве случаев не превышает двух словоформ, что может свидетельствовать о том, что данные формы имели лишь местный характер употребления или были описками. По-видимому, вокализм требует более системного исследования, которое мы планируем провести в дальнейшем.

Итак, проведенный анализ показал, что с точки зрения особенностей консонантизма в памятниках отражена архаическая система, близкая к праудмуртскому состоянию. Дает ли это информацию для определения хронологии языковых изменений, произошедших при развитии от праудмуртского языка к современным удмуртским диалектам? Представляется, что да. В работах В. К. Кельмакова (см. подробные ссылки в [Кельмаков 2006]) показано, что в бесермянском и южных диалектах удмуртского языка (по сравнению с литературным) есть особые гласные фонемы, восходящие к праудмуртскому состоянию, что подтверждают и данные наших полевых исследований. Поскольку в памятниках с точки зрения вокализма фактически отсутствуют существенные отклонения от литературного удмуртского, можно предположить, что изменения вокализма, которые произошли при развитии от праудмуртского языка к современным северным и срединным говорам, на момент создания памятников уже имели место. А архаический облик консонантизма в памятниках указывает на то, что его изменения произошли уже после первой половины XIX в.

Сокращения

Языки и диалекты

др.-перм. — древнепермский (XIV—XVII вв.)

коми

вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка

к.-п. — коми-пермяцкие диалекты

к.-я. — коми-язьвинский диалект

общеудм. — общеудмуртский

праудм. — праудмуртский

ПУ — прaurальский

рус. — русский

удм. — удмуртский

бес. — бесермянское наречие

периферийно-южные говоры:

бавл. — бавлинский говор

бт. — буйско-таныпский говор

канл. — канлинский говор

круф. — краснофимский говор

кукм. — кукморский говор

татш. — татышлинский говор

шошм. — шошминский говор

сев. — северное наречие

нч. — нижнечепецкий диалект

сред. — срединные говоры
 южн. — центрально-южный диалект
 ср.-южн. — среднеюжный говор
 В — бесермянский диалект по [Wichmann 1987]
 G — глазовский диалект по [Wichmann 1987]
 J — елабужский диалект по [Wichmann 1987]
 М — малмыжский диалект по [Wichmann 1987]
 MU — малмыжско-уржумский диалект по [Wichmann 1987]
 S — сарапульский диалект по [Wichmann 1987]
 U — уфимский диалект по [Wichmann 1987]
 ФУ — прафинно-угорский

Общие

вм. — вместо	С — согласный
Г — гласный в записи [Кельмаков 1977]	устар. — устаревшая форма
диал. — диалект, диалектный	V — гласный
литер. — литературный	

Литература

Азбука Глаз. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому). Казань, 1847. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Глазовское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившина Л. М.* Отв. за вып. *Карпова Л. Л.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 3.) Ижевск, 2003. С. 387—558.) {Azбуka, sostavlennaja iz" Rossijskix", cerkovnoj i graždanskoj pečati, bukѵ", dl'a obučenija votskix" dѣtej čteniju na ix" narėčii (Po Glazovskomu). Kazan', 1847. (Pereizd.: Pervye pečatnye knigi na udmurtskom jazyke. Glazovskoe narečie (Reprintnoe vosproizvedenie tekstov izdanija 1847 g.) / Sost. *Ivšina L. M.* Otv. za vyp. *Karpova L. L.* Predisl. *Ivšina L. M.* (Pam'atniki kul'tury: Lingvističeskoe nasledie, 3.) Iževsk, 2003. P. 387—558.)}

Азбука Сар. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). Казань, 1847. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Сарапульское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившина Л. М.* Отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 4.) Ижевск, 2003. С. 249—439.) {Azбуka, sostavlennaja iz" Rossijskix", cerkovnoj i graždanskoj pečati, bukѵ", dl'a obučenija votskix" dѣtej čteniju na ix" narėčii (Po Sarapul'skomu). Kazan', 1847. (Pereizd.: Pervye pečatnye knigi na udmurtskom jazyke. Sarapul'skoe narečie (Reprintnoe vosproizvedenie tekstov izdanija 1847 g.) / Sost. *Ivšina L. M.* Otv. za vyp. *Kirillova L. E.* Predisl. *Ivšina L. M.* (Pam'atniki kul'tury: Lingvističeskoe nasledie, 4.) Iževsk, 2003. P. 249—439.)}

Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105. {*Alašeeva A. A.* Verhnečepeckie govory // Obrazcy reči udmurtskogo jazyka. Iževsk, 1982. P. 91—105.}

Загуляева 1980 — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. {*Zagul'aeva B. Š.* Prikil'mezskie govory udmurtskogo jazyka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1980.}

Загуляева 1981 — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 103—125. {*Zagul'aeva B. Š.* Prikil'mezskie govory // Materialy po udmurtskoj dialektologii. Iževsk, 1981. P. 103—125.}

Зверева 1982 — *Зверева Л. Е.* Говоры Увинского и Вавожского районов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 60—72. {*Zvereva L. E.* Govory Uvinskogo i Vavožskogo rajonov // Obrazcy reči udmurtskogo jazyka. Iževsk, 1982. P. 60—72.}

Иоанн — От Иоанна святое благовествование (Иоаннлесь святой благовествование) // СПб., Архив РАН, ф. 94, оп. 1, № 244, 61 л. {Ot Ioanna sv'atoe blagovestvovanie (Ioannes' sv'atoj blagovestvovanie) // SPb., Arxiv RAN, f. 94, op. 1, № 244, 61 l.}

Кайсина 2013 — *Кайсина М. П.* Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 115—126. {*Kajsina M. P.* Dialektnaja osnova pervogo "Evangelija ot Ioanna" na udmurtskom jazyke // Uralo-altajskie issledovanija. 2013, 1 (8). P. 115—126.}

Каракулов 2006 — *Каракулов Б. И.* Удмурт литературной кыллэн сюресез: XVIII—XXI даурьес (История удмуртского литературного языка: XVIII—XXI века). Ижевск, 2006. {*Karakulov B. I.* Udmurt literaturnoj kyllen s'uresez: XVIII—XXI daur'es (Istorija udmurtskogo literaturnogo jazyka: XVIII—XXI veka). Iževsk, 2006.}

Карпова 1997 — *Карпова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. (= *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis*. 1997, 2.) {*Karpova L. L.* Fonetika i morfoloģija srednečepeckogo dialektu udmurtskogo jazyka. Tartu, 1997. (= *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis*. 1997, 2.)}

Карпова 2013 — *Карпова Л. Л.* Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. {*Karpova L. L.* Leksika severnogo narečija udmurtskogo jazyka: Srednečepeckij dialekt. Iževsk, 2013.}

Кельмаков 1977 — *Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия — I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26—61. {*Kel'makov V. K.* Kratkaja charakteristika kyrykmasskich govorov južnoudmurtškogo narečija — I // *Voprosy udmurtskoj dialektologii*. Iževsk, 1977. P. 26—61.}

Кельмаков 1997 — *Кельмаков В. К.* Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика — IV: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 52—75. {*Kel'makov V. K.* Ešče raz k voprosu o gubno-gubnom sonante v udmurtskix dialektax // *Permistika — IV: Permskie jazyki i ix dialekty v sinxgonii i diaxgonii*. Iževsk, 1997. P. 52—75.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K.* Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii. Učebnoe posobie dl'a vyssix učebnyx zavedenij. Iževsk, 2006.}

КЭСЯ 1970 — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gul'aev E. S.* Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. M., 1970.}

Луппов 1905 — *Луппов П. Н.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. {*Lupov P. N.* O pervyx votskix perevodax istočnikov xristianskogo prosvěščenija: Očerok iz istorii inorodčeskix perevodov. Kazan', 1905.}

Луппов 1911 — *Луппов П. Н.* Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка, 1911. {*Lupov P. N.* *Christianstvo u vot'akov" v" pervoj poloviniě XIX vėka. V'atka*, 1911.}

Лыткин 1957 — *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957. {*Lytkin V. I.* *Istoričeskaja grammatika komi jazyka*. Syktyvkar, 1957.}

Люкина 2009 — *Люкина Н. М.* Жувамский диалект удмуртского языка // Пермистика — X. Ижевск, 2009. С. 234—238. {*L'ukina N. M.* *Žuvamskij dialekt udmurtskogo jazyka* // *Permistika — X*. Iževsk, 2009. P. 234—238.}

Марк — Евангелие от Марка // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. {*Evangelie ot Marka // Gospoda našego Iisusa Xrista Evangelija ot" sv. evangelistov" Matfeja i Marka na russkom" i vot'akskom" jazykax"*, Glazovskago narėčija. Kazan', 1847.}

Матфей Глаз. — Евангелие от Матфея // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. {*Evangelie ot Matfeja // Gospoda našego Iisusa Xrista Evangelija ot" sv. evangelistov" Matfeja i Marka na russkom" i vot'akskom" jazykax"*, Glazovskago narėčija. Kazan', 1847.}

Матфей Сар. — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847. {*Gospoda našego Iisusa Xrista Evangelija ot" sv. evangelistov" Matfeja na russkom" i vot'akskom" jazykax"*, Sarapul'skago narėčija. Kazan', 1847.}

Насибуллин 1977 — *Насибуллин Р. Ш.* О некоторых особенностях вокализма канлинского говора // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 62—84. {*Nasibullin R. Š.* O nekotoryx osobennost'ax vokalizma kanlinskogo govora // *Voprosy udmurtskoj dialektologii*. Iževsk, 1977. P. 62—84.}

Тепляшина 1970а — *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки Удмуртского НИИ при Совете министров Удмуртской АССР. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196. {*Tep'asina T. I.* *Nižnečepeckie govory severnoudmurtškogo narečija* // *Zapiski Udmurtskogo NII pri Sovete ministrov Udmurtskoj ASSR*. Vol. 21. Filologija. Iževsk, 1970. P. 156—196.}

Тепляшина 1970б — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Tep'asina T. I.* *Jazyk beserm'an*. M., 1970.}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223. {*Tep'asina T. I.* *Zametki po verxneižskim udmurtskim govoram* // *Voprosy udmurtskogo jazykoznanija*. Vol. 2. Iževsk, 1973. P. 196—223.}

Электрокыллюкам — Электрокыллюкам: Удмурт-žуч кыллюкам (Удмуртско-русский словарь) // <http://udm2rus.ru/index.htm>, 2008. {*Elektrokyll'ukam: Udmurt-žuč kyll'ukam (Udmurtsko-russkij slovar')* // <http://udm2rus.ru/index.htm>, 2008.}

UEW — *Rédei K.* *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest, 1986—1989.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* *Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet Wichmann Y. Bearb. Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsrg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. 1987, XXI.)

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются тексты шести памятников письменности религиозного характера на удмуртском языке первой половины XIX в. С опорой на данные этих источников делается попытка описать фонетические особенности глазовского и сарапульского наречий рассматриваемого периода и сопоставить их с современными диалектами удмуртского языка.

SUMMARY

The article represents the analysis of six religious written monuments in Udmurt of the first half of the 19th century. Taking into account the data of these sources, the author attempts to describe phonetic features of the Glazov and Sarapul dialects of this period and compare them with the modern Udmurt dialects.

Ключевые слова: удмуртский язык, Евангелие, Азбуки, диалекты, фонетические особенности

Keywords: the Udmurt language, Gospel, Alphabets, dialects, phonetic features

The peculiarities of semantic derivation of noun structure in Selkup

1. Introduction: the Selkup language

The Selkup language is an unwritten one. It belongs to the Uralic language family, which includes Northern Samoyed branch, consisting of the Nenets, Nganasan and Enets languages, and Southern Samoyed branch, presented by the extinct Kamas, Motor, Koibal, Karagas and Soyot languages and the only living language — Selkup. It should be noted, however, that due to the historical circumstances the integrated Selkup language does not exist: Selkup is a set of dialects united by a common structural model of language, the sound elements of which make up the regular correspondences [Dulson 1971: 43]. According to the areal classification of the Selkup dialects they are divided into two groups: Southern and Northern. A scheme of the Selkup dialects is given in *Figure 1*.

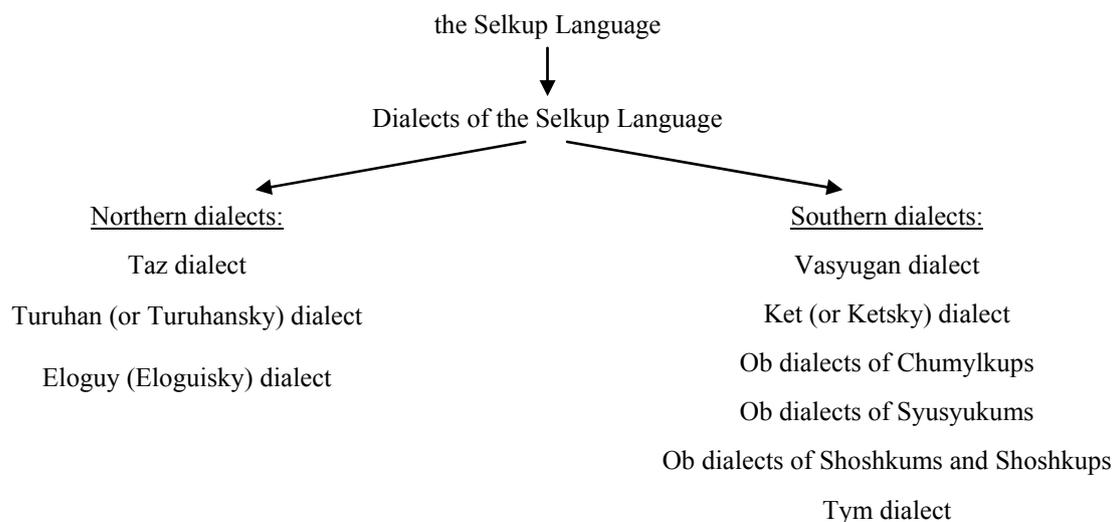

Figure 1. The Selkup dialects.

The importance of a research in the field of the Selkup dialects is increasing. According to the latest data, which were received during the author's scientific expedition in 2012 to the Parabel district of the Tomsk region, nowadays there are only nine speakers of the Southern Selkup dialect of Chumylkups, and most of them are the elderly people [Dubrovskaya 2011a]. Consequently work with informants enquires greater urgency.

The research of the Selkup language has been done since the mid-19th century and it was connected with the names of such Finnish scientists as M. A. Castrén and K. Donner. The beginning of constant study of the Selkup dialects of the Tomsk region was made by the representatives of professor A. P. Dulson's school in the 1950-s. For the first time the Northern Taz dialect was described in details by G. N. Prokofyev in the 30-s of the last century. On the one hand, the level of study of phonetics and morphology of the Selkup dialects is rather high; on the other hand, the description of lexical semantics of the Selkup language has been developed only over the last years.

1.1. The problem of polysemy and monosemy

The last thirty years are characterized by the transfer of interest of the semantic theory from synonymy, which in the 1960-s and 1970-s formed the basic category of semantics, to polysemy, which is now in the lime-light of semantics [Zaliznyak 2006]. But there are still a large number of questionable points.

The opinion that the structure of polysemy is characterized by hierarchy is extremely widespread: the dominant role is played by the principal (or main) meaning, all the other meanings are directly or indirectly subordinated to the principal meaning, they are secondary, derivative from the original meaning of a word or from the other derivative meanings. Secondary (derivative) meanings arise as a result of some metaphorical or metonymical transfers (that is, of the transfers on the basis of similarity or adjacency).

Schematically hierarchical relations between the meanings of a polysemic word can be shown like this.

1. Polysemy can be called an elementary one if there are only two alternates. For example, Taz *c̄p̄j̄* 1) ‘leaf of a plant’; 2) ‘tobacco’ (the example is illustrated by *Figure 2*).

Figure 2. Elementary polysemy.

2. If all the meanings come consistently from one another, such polysemy can be named “chain” polysemy. The semantic structure of such words is organized as a “chain” of its alternates. In the Ob dialect of Chumylkups the variant of Taz *c̄p̄j̄* is *čöp* with the meanings: 1) ‘grass — as a plant’; 2) ‘tobacco’; 3) ‘makhorka (low-grade tobacco)’ (the example is illustrated by *Figure 3*).

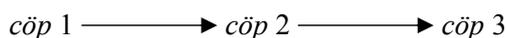

Figure 3. Chain polysemy.

So, it is necessary to note, that in the Northern and Southern dialects of the Selkup language the semantic structure of the dialectal variants of a noun can differ not only in number of derivative meanings but even in the essence of the main and secondary ones.

3. The next type of polysemy is called radial or “nested” one. “Nests” are formed when all secondary meanings are derived from the primary one. For example, Taz *n̄nt̄j̄* 1) ‘belly’; 2) ‘compression wood (the middle of the trunk of the inclined tree)’; 3) ‘king (in playing cards)’ (the example is illustrated by *Figure 4*).

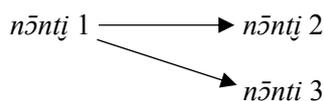

Figure 4. Radial (or “nested”) polysemy.

4. The most complicated variant of the semantic structure of a polysemic word presents a combination of the “chains” and “nests” of alternates. A union of radial and chain types of polysemy has a mixed nature and consequently can be called the mixed one. For example, in the Ob dialect of Syusyukums, in the Vasyugan and Turuhan dialects there is the noun *q̄j̄r* with the meanings: 1) ‘hole — an opening through something; gap’; 2) ‘an injury, usually involving division of epidermis’; 3) ‘smallpox’; 4) ‘the excavated habitation of an animal; burrow’ (this example is illustrated by *Figure 5*).

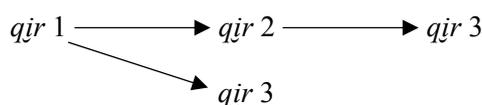

Figure 5. Mixed polysemy.

Therefore, the semantic structure of *q̄j̄r* is the combination of two “chains” (meanings 1 and 4, on the one hand, and meanings 1, 2, 3 — on the other hand) and a “nest”, which radially includes meanings 1, 2, 4.

Thus, the hierarchical relations of the meanings of polysemic words are shown above, we can say that polysemy presents a derived phenomenon, the outcome of the variation of alternates, or their production (derivation), which can be judged by its results — that is, by the reconstruction of the semantic structure of a word. As a result, the concept of polysemy can be reflected clearly in *Table 1*.

Table 1

Lingual and cognitive mechanisms of polysemy

linguistic phenomenon	realization	cognitive process	referred objects of reality
polysemy	polysemic word	comparison, transfer on the basis of adjacency	different (more than one) objects and phenomena of reality

1.2. Differentiation between lexical polysemy and monosemy

The initial problem in the field of polysemy in Selkup is the differentiation between polysemy and monosemy. As almost all lingual phenomena monosemy and polysemy have gradual nature: different types of monosemy are “different degrees of proximity to polysemy” [Apresyan 1995], and vice versa, polysemy represents different degrees of remoteness from monosemy. The scheme of the scale of semantic derivation is given in *Figure 6*.

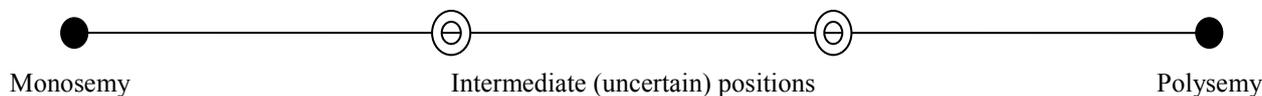

Figure 6. The scale of semantic derivation.

Intermediate (uncertain) positions can be identified as “unaccomplished polysemy”. The term “unaccomplished polysemy” is used by E. Uryson in her work “Unaccomplished polysemy and some of its types” [Uryson 1998]. The author tries to find some criteria of differentiation between polysemy and monosemy.

The starting point of differentiation between polysemy and monosemy may be the designation of one or more typified situations (B, C...), i. e. one or more typified objects, by a certain word A: one — for monosemy (A=P), two or more — for polysemy. So, by means of the scheme the examples taken above (*Figures 2—5*) are shown in *Table 2*.

Table 2

The word designation of one or more typified situations

noun	scheme
<i>cōpi</i> 1) ‘leaf of a plant’; 2) ‘tobacco’	$A1=B \rightarrow A2=C$
<i>cōp</i> 1) ‘grass — as a plant’; 2) ‘tobacco’; 3) ‘makhorka (low-grade tobacco)’	$A1=B \rightarrow A2=C \rightarrow A3=D$
<i>nōnti</i> 1) ‘belly’; 2) ‘compression wood (the middle of the trunk of the inclined tree)’; 3) ‘king (in playing cards)’	$A1=B \rightarrow A2=C$ ↓ $A3=D$
<i>qir</i> 1) ‘hole — an opening through something; gap’; 2) ‘an injury, usually involving division of epidermis’; 3) ‘smallpox’; 4) ‘the excavated habitation of an animal; burrow’	$A1=B \rightarrow A2=C \rightarrow A3=D$ ↓ $A4=E$

«The exceptional disjunction is a sign of polysemy (either C or B, but not B and C together); dropping of the type ‘B and C’ out of the use of the meaning ‘B or C’ is a sufficient condition for the break-up of a meaning into two new meanings — ‘B’ and ‘C’» [Apresyan 1995: 186].

Substantively the scheme of possible ratios of the meaning within monosemy is as follows: if the lexical meaning is of the type $A=P=B$ or C , then the fragment ‘B or C’ of the meaning $A=P$, should not be relatively too large for the whole interpretation of a word [Uryson 1998]. But the interesting thing is that in the Selkup examples of monosemy this fragment turns out to be quite significant. This is true for physical terms of the Selkup language [Dubrovskaya 2011b] and also for some Selkup nouns denoting limit.

2. Semantic structure of the Selkup nouns denoting limit

Two nouns are taken for analysis (their dialectal variants are given in *Table 3*).

The Selkup dictionaries present the semantic structure of the first noun in the following way:

- 1) *cōpi* ‘end’ [Kuznetsova et al. 1993: 104];
- 2) *cōpi* ‘end, the rear part of something’ [Helimski 2011];
- 3) in F. Maltsev’s dictionary we find only the phrase *t'emnyt'-čibə* ‘the end of the string’ [Helimski, Kahrs 2001: 57];
- 4) in N. Grigorovski’s dictionary — *tip* ‘end’ [Helimski 1983: 193];
- 5) *cōpi* ‘back end’ [Prokofyev 1935: 111];
- 6) *cōpi* 1. ‘horizon’, 2. ‘end (of something)’ [Irikov 1988: 88];
- 7) *tīpə* ‘(front) end’, *čīpə* ‘(rear) end’ [Alatalo 2004: 210];

Table 3

The dialectal variants of the nouns denoting limit

dialects	noun 1	noun 2
Taz dialect	<i>cīp̄j̄, cip̄j̄</i>	<i>p̄ōry</i>
Turuhan dialect	<i>čipy, čiby</i>	<i>pary, parə, poary</i>
Vasyugan dialect	<i>čibə</i>	<i>par, pār</i>
Ket dialect	<i>tibə, t̄ipə</i>	<i>pari, parə</i>
Tym dialect	<i>čibə, čipə</i>	<i>pary, parə</i>
Ob dialect of Shoshkums and Shoshkups	<i>čib, čibət</i>	<i>par, pār</i>
Ob dialect of Syusyukums	<i>tib, tibə</i>	<i>par, pār</i>
Ob dialect of Chumylkups	<i>tibə</i>	<i>pary, parə</i>

8) *cip̄j̄, cīp̄j̄* ‘back end’ and ‘poop’ [Erdélyi 1969: 238];

9) *čiby, čibə, čib, čibət* 1. ‘end’, 2. ‘border’, 3. ‘poop (of a boat)’, 4. ‘bottom’, 5. ‘limbs’; *tibə* 1. ‘end’, 2. ‘poop (of a boat)’ [Bykonya 2005: 237, 283].

Some referents, which the lexeme embodies in the word use in the Northern and Southern dialects, are shown with the help of schematic drawings. These drawings have been offered to our Selkup informants to name the situation; they are given in Table 4.

Comparison of the examples given in Table 4 is of interest. The noun Taz *cīp̄j̄* (16) is used in the possessive locative adjective form, which is formed on the basis of possessive forms of locative in singular with replacement of the final consonant by *-l'* or adding *-l' / -j̄l'*. The meaning of the locative adjective form is ‘located in anything, anywhere’. The word-for-word translation (‘The man who is in your end barely goes’) discloses the idea of native Selkup speakers, in accordance with which a human being subsumes himself / herself under the same category as the rest of the world: the rear part of the object = limit in time (or limit in a state of nature) = limit in space (of an object, person, settlement, part of human or animal body, the geographical object, any phenomena). Hence, the selected attribute (limit in space, time and status) brings together various groups of phenomena, and we cannot say that the noun is a name of some particular group of objects or phenomena. It can easily be applied to a variety of phenomena and objects with this attribute. Therefore, the meaning of the noun requires a descriptive definition and rejection of the distinction of such meanings as ‘bottom’, ‘horizon’, ‘poop of a boat’, ‘end’, ‘limbs’, ‘border’, etc., which retrofit the meaning of the noun, updating it in accordance with lingual and cultural categories of a researcher.

Thus, in order to see a set of semantic links of Noun 1 it may be defined as ‘what is on the verge (border) of something or it itself is (lower (final)) limit in space, time, etc.’. In this case, the descriptive interpretation of the word, in spite of the stylistic imperfections it causes, reflects the meaning of the noun in the best way as the translation into another language creates an illusion of polysemy in Selkup.

One can also see that in the semantics of the noun the dominating idea is of a limit, which is opposite to the beginning (i. e., this limit is rear, ending, bottom).

In keeping with the peculiarities of lexical meaning of the noun its semantic structure can be shown by Figure 7.

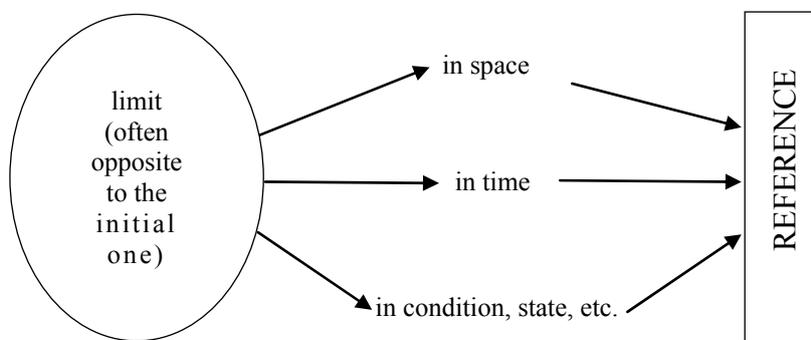
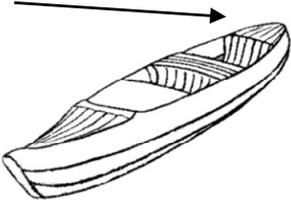
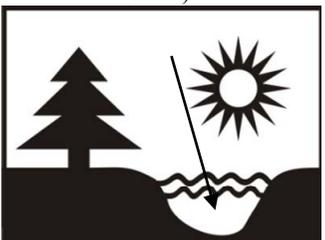
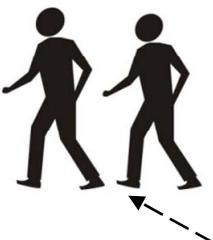
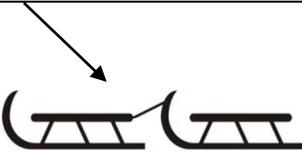

Figure 7. The semantic structure of the noun *cīp̄j̄, cip̄j̄, čiby, čibə, čib, čibət, tibə, t̄ipə, čipə, tib*.

Reference of Noun 1

word use	drawing (showing referent)	word-for-word translation	translation of the data source
1) Taz <i>antj̄t cipoqj̄t</i> 2) Ket <i>andun tibə</i> 3) Taz <i>antj̄n cīpōqj̄ntj̄ tokkaltj̄ntj̄</i> 4) Ob dialect of Chumylkups <i>andet čib</i> 5) Ob dialect of Chumylkups <i>arat čibexet tab nātkelbat andet čib</i>		1) ‘at the end of the boat’ 2) ‘the end of the boat’ 3) ‘by the end of the boat attached’ 4) ‘the end of a boat’ 5) ‘at the end of autumn he painted the rear end of the boat’	1) ‘im Heck des Kahnes’ [Erdélyi 1969: 238] 2) ‘корма лодки’ <‘роор (of a boat)’ [Bykonya 2005: 237] 3) ‘к корме прицепил (бересту)’ <‘attached to the stern (birch bark)’ [Prokofyev 1935:104]; ‘an das Heck des Kahnes band er (die Birkenrinde) hin’ [Erdélyi 1969: 238] 4) ‘the rear end of the boat’ [Dubrovskaya] 5) ‘в конце осени он покрасил задний конец лодки’ <‘at the end of autumn he painted the rear end of the boat’ [Dubrovskaya]
6) Taz <i>tettj̄t cīpj̄</i> ; Ob dialect of Chumylkups <i>čβεčel čib</i> 7) Tym <i>βattə čibə</i> ; Ob dialect of Chumylkups <i>βattyl čib</i> 8) Vasyugan <i>ēdət čibə</i> ; Ob dialect of Chumylkups <i>edet čib</i> 9) Ob dialect of Chumylkups <i>čβεčel čib</i> — <i>na mannembegel čβεčel čib</i>		6) ‘the end of the earth’ 7) ‘the end of the road’ 8) ‘the end of the village’ 9) ‘the earth’s end — it is the visible end of the earth’	6) ‘горизонт’ <‘horizon’ [Dubrovskaya; Helimski 2011] 7) ‘конец дороги’ <‘the end of the road’ [Dubrovskaya] 8) ‘конец деревни’ <‘the end of the village’ [Dubrovskaya] 9) ‘horizon — it is the visible end of the earth’ [Dubrovskaya]
10) Ob dialect of Chumylkups <i>qoldət čibə</i>	(? if we bear in mind the lower limit) 	10) (? it is difficult to give a definite word-for-word translation: ‘the bottom of the river’ and ‘the end of the river’)	10) ‘дно реки’ <‘the bottom of the river’> [Bykonya 2005: 282]
11) Taz <i>qumj̄t šetj̄t cipj̄ntj̄sə āqqj̄ntj̄t orqij̄lmpa</i>		11) ‘the tongue of a man is fastened by the rear end in the mouth’	11) ‘die Zunge des Menschen ist durch ihr hinteres Ende in seinem Mund befestigt’ [Erdélyi 1969: 238]
12) Taz <i>qaqlj̄t cīpj̄</i> ; Ob dialect of Chumylkups <i>kanWel čib</i> 13) Taz <i>olā šj̄rj̄t qaglj̄t cipoqj̄nī puškaŋmpa</i>		12) ‘the ends of the sled’s sliders’ 13) ‘only snow from the ends of sled’s sliders is spinning’	12) ‘концы полозьев нарты’ <‘the ends of the sled’s sliders’> [Helimski 2011; Dubrovskaya] 13) ‘nur der Schnee wirbelt von den Schlitten-kufenenden her’ [Erdélyi 1969: 238]

word use	drawing (showing referent)	word-for-word translation	translation of the data source
14) Ob dialect of Chumylkups <i>kumel čib</i>		14) 'the ends of the human'	14) 'конечности человека (руки, ноги)' <'human limbs (hands, feet)'\> [Dubrovskaya]
15) Ob dialect of Chumylkups <i>qanduj čibədət šəšquna?</i>		15) 'what are the ends of the man?'	15) 'какие конечности у человека?' <'what are the limbs of a man?'\> [Bykonya 2005: 282]
16) Taz <i>Tat cīpaqāntijl' qup</i> <i>kekksä qäljımpa</i>		16) 'The man who is in your end barely goes'.	16) 'Человек позади тебя еле идет' <'The man behind you barely goes'\> [Kuznetsova et al. 1980: 195].
17) Ob dialect of Chumylkups <i>šü kogyxə mašek xəžegu, mat</i> <i>oralbale tabep tal'žel čibeute;</i> Taz <i>šü mäčät čipoqinti wešilä šip</i> <i>sattyrqo kyka</i>		17) 'a snake wanted to bite me, I picked it up by the end of the tail'	17) 'die Schlange wollte mich, sich auf ihr Schwanzende erhebend, stechen' [Erdélyi 1969: 238]
18) Taz <i>qumjt na, qagljım innä titjlä</i> <i>jarık qagljıt cipontj särisätjt</i>		18) 'people bound these sledges, (them) dragging, at the end of the other sledges'	18) 'die Leute banden diesen Schlitten, (ihn) herausziehend, an das Ende eines anderen Schlittens' [Erdélyi 1969: 238]
19) Ob dialect of Chumylkups <i>čjapteb čib nādi;</i> Ob dialect of Chumylkups <i>undo čaptel čib</i>		19) 'that is the end of the fairy tale'	19) 'вот и сказке конец' <'and that is the end of the fairy tale'\> [Dubrovskaya]
20) Taz <i>arat cipoqın</i> 21) Ob dialect of Chumylkups <i>arat čibexet</i>	— abstract idea	20) 'end of autumn' 21) 'end of autumn'	20) 'am Ende des Herbstes' [Erdélyi 1969: 238] 21) 'в конце осени' <'at the end of autumn'\> [Dubrovskaya]

Speaking about Noun 2 (see *Table 2*) it should be mentioned that it has similar semantics, but in contrast to Noun 1, the meaning of which is dominated by the idea of the lower limit of the bottom or border of something, Noun 2 often denotes upper, beginning, front limit. Therefore, Noun 2 can be used in sentences and phrases, which are translated by means of nouns ‘surface’, ‘top’, ‘end’, ‘tip’, ‘head’, ‘roof’, depending on the context and situation, for example: Tym *taqqa natkylgu ostol parə* ‘wipe the surface of the table’ [Dulson]; Ket *pon pari* ‘top of the tree’ [Dulson]; Ob Shoshkums *šet par* ‘tip of the tongue’, *pud'et par* ‘tip of the nose’ [Dulson]; Ob Chumylkups *kel'dibət pār* ‘nail head’ [Dulson]; Taz *mōtipōrj* ‘hole for smoke on the top (roof) of a house, tent’ (*mōt* ‘house, tent (of skins or bark)’, *pōrj* ‘top’) [Kuznetsova et al. 1980: 164]; *ūtjipōrj* ‘surface of water’ (*ūt* ‘water’, *pōry* ‘top’) [Kuznetsova et al. 1980: 164]; *kjīt pōry* ‘riverhead’ [Kuznetsova et al. 1980: 63]; *Man mōmni šentj pōrjśä ēŋa* ‘My house with a new roof’ [Kuznetsova et al. 1980: 190]; *Cuntj mōttj pōramjīt pakta* ‘The horse jumped on the top of the house’ [Kuznetsova et al. 1980: 395].

In the data of the Southern and Northern dialects we find the following examples: Ob Shoshkups *ašyrte parayond*, *ašergun parayət*, *aurtej parayət* ‘at lunch time’ [Dulson]; Ob Chumylkups, Vasyugan *okkyr par* ‘once (one time)’ [Dulson]; Taz *Ukkjir pōr ijal'a komal'antjśä ponä tanta* ‘Once (one time) a boy with his arrow went on the street’ [Kuznetsova et al. 1980: 395], *il'pōrj* ‘youth’ (*iljgo* ‘to live’ + *pōrj* ‘period’) [Kuznetsova et al. 1980: 38]; Vasyugan *šetə par* ‘twice (two times)’ [Dulson], *χβa kun okkər əž katētə, a koškətəl kun tyš'či par katētə* ‘say one word to a good man, and a thousand times to a bad man’ [Dulson].

Judging by the lexicological sources of the Selkup language, these semantic components are interpreted in different ways.

1) Taz *pōry* is presented as a polysemic noun with two meanings: 1. ‘period’; 2. ‘distance’, — and it has two homonyms: polysemic *pōry* 1. ‘top’, ‘roof’; 2. ‘riverhead’ and monosemic *pōry* ‘feast’ (the last is from the Russian *nup* ‘feast’) [Kuznetsova et al. 1993: 152—153].

2) In the “Selkup-Russian dialect dictionary” [Bykonya 2005] the noun is presented as a polysemic one with the meanings: 1. ‘top’, 2. ‘surface’, 3. ‘peak’, 4. ‘riverhead’, 5. ‘back of the head’, 6. ‘end’, 7. ‘tip’, 8. ‘nail head’, 9. ‘time’, 10. ‘time (accompanied by a numeral)’ [Bykonya 2005: 180].

In our opinion, it is impossible to consider the semantic structure of the noun as a hierarchical structure of polysemic words: every individual use of the word is a modification of the common general meaning with the idea of ‘limitation, boundedness’. The sign of ‘limitation, boundedness’ is correlated with heterogeneous groups of objects and phenomena which have not other common elements (household items, flora, a man, his body, geographical objects, etc.). It is clearly seen in the next example from the Ob dialect of Chumylkups: *Okkyr par kyget paroget mat kondžernam kanduk üdet paroget kajda čögelemba* — the word-for-word translation of the sentence is as follows: ‘Once (one time) at the head river (top of the river) I saw on the surface of the water (on the water top) something glitters’.

Interesting results were registered in the following sentence which was offered for translation to the native speakers of the Selkup language: ‘A man on the top of his head has a sinciput, while a tree on its top has a tree-top, while on the top of the table there is its table top, while on the top of the house there is its roof, while on the top of the nail there is its head, while on the top of the river there is an upper reach’; (Ob dialect of Chumylkups) *Kut olot paroget pal'depar*, *pot (ponan) paroget — pot par*, *ostolt paroget — ostolt par*, *madat paroget — madat par*, *kβel'džinan — kβel'džit par*, *kyg'egy — kyget par* [Dubrovskaya]. We can say that here the semantic structure of the two conceptual parts of each segment of the sentence are equal, identical, different only in case. Besides our informants did not use adversative conjunctions in their interpretation.

Therefore, we propose to interpret Noun 2 (see *Table 2*) with the help of generalizing definition as ‘what is on the verge (border) of something or presents a limit (top, upper, initial) in space, time, etc.’. One can note parallelism in the semantic structures of Noun 1 and Noun 2 (see *Table 2*): ‘upper’ / ‘lower’, ‘beginning’ / ‘ending’, ‘front’ / ‘rear limit’, — though one cannot speak of full symmetry. The following scheme (*Figure 8*) reflects the peculiarities of the semantic structure of the noun.

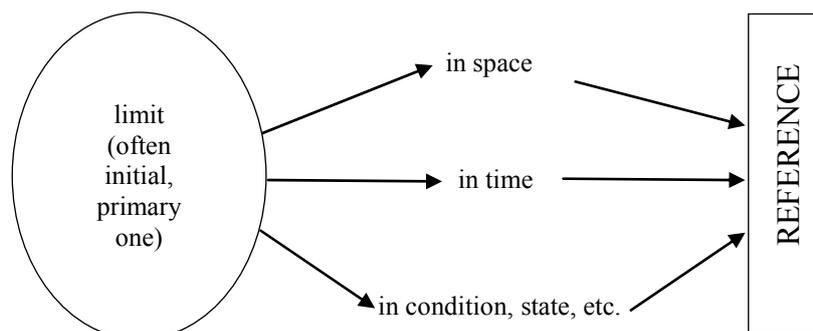

Figure 8. The semantic structure of the noun *par*, *pār*, *pari*, *pary*, *parə*, *pōrj*, *poary*.

The data of the psycholinguistic experiment, presented in *Tables 5* and *6*, testify in favour of attributing the considered Selkup nouns to monosemic ones with the meaning of ‘limit upper / lower, beginning / ending, front / rear, etc.’.

It should be mentioned that in the capacity of the equivalents in translation the informants use the noun of general meaning: Russian *конец* ‘end’ (100%) — for *čib* and Russian *верх* ‘top’ (88,8%) — for *par*. Other responses present cases of compound units of the Selkup language, i. e. nouns are used with different attributes to express relevant concepts from a foreign language.

Table 5

Psycholinguistic experiment “Responses to the word-stimulus *čib*”

the Ob dialect of Chumylykups

Word-stimulus: *čib*.

Responses: *čib* 1 ‘end’, *čib* 2 ‘poop’, *čib* 3 ‘horizon; skyline’, *čib* 4 ‘bottom’, *čib* 5 ‘limbs’.

Mark “+”: the use of the noun *čib* in its pure form (without qualifying words).

Mark “—”: the lack of use of the noun *čib* in its pure form (without qualifying words).

In parentheses () the Selkup nouns or phrases used by informants as a response for the stimulus are given.

Mark “?” symbolizes an informant’s difficulty or uncertainty in answering.

The word after the mark “?” denotes an estimated meaning.

informant’s name	<i>čib</i> 1	<i>čib</i> 2	<i>čib</i> 3	<i>čib</i> 4	<i>čib</i> 5
Irina Anatolyevna Korobeynikova	+	— (<i>andet čib</i>)	— (<i>čbečel čib</i>)	— (<i>yl</i>)	— (<i>kut čibla</i>) (<i>odla, tabla</i> ‘hands and legs’)
Alyona Yuryevna Lugovskaya	+	— (<i>andun čib</i>)	—	— (<i>yl</i>)	— (<i>kut čibla</i>)
Agnia Aleksandrovna Makshyna	+	—	—	—	—
Nikolay Anatolyevich Mal’kov	+	—	—	—	—
Yakov Yakovlevich Martynov	+	—	—	—	—
Tatiana Fedorovna Prokina	+	— (<i>andet čib</i>)	— (<i>čbečel čib</i>)	— (<i>kyyet yl</i>)	— (<i>kuməl čib, kup čibla</i>) (<i>tob, ot</i> ‘hands, legs’)
Lyudmila Denisovna Shadrina	+	— (<i>andet čib</i>)	— (<i>kundaqqyn</i> ‘faraway’)	— (<i>kyyet yl</i>)	— (<i>kut čibla</i>)
Vasily Aleksandrovich Saispaev	— ? bird	—	—	—	—
Victoria Victorovna Fraind	+	— (<i>andet čib</i>)	— (<i>čbečel čib</i>)	— (<i>kyyet yl</i>)	— (<i>kuməl čib</i>) (<i>tobla, odla</i> ‘hands, legs’)

Table 6

Psycholinguistic experiment “Responses to the word-stimulus *par*”

the Ob dialect of Chumylkups

Word-stimulus: *par*.

Responses: *par* 1 ‘top’, *par* 2 ‘end’, *par* 3 ‘tip’, *par* 4 ‘sinciput’, *par* 5 ‘head’, *par* 6 ‘riverhead’, *par* 7 ‘surface’, *par* 8 ‘time’, *par* 9 ‘roof’.

Mark “+”: the use of the noun *par* in its pure form (without qualifying words).

Mark “—”: the lack of use of the noun *par* in its pure form (without qualifying words).

In parentheses () the Selkup nouns or phrases used by informants as a response for the stimulus are given.

Mark “?” symbolizes an informant’s difficulty or uncertainty in answering.

The word after the mark “?” denotes an estimated meaning.

informant's name	<i>par</i> 1	<i>par</i> 2	<i>par</i> 3	<i>par</i> 4	<i>par</i> 5	<i>par</i> 6	<i>par</i> 7	<i>par</i> 8	<i>par</i> 9
	+ (<i>pot par</i> ‘treetop’)	+	— (<i>šet par</i> ‘tongue tip’)	— (<i>olyt par</i> ‘sinciput’)	— (<i>kβyl'žyt par</i> ‘nail head’)	— (<i>Koldot par</i> ‘Ob riverhead’)	— (<i>ostolpar</i> ‘table top’)	— (<i>okkyr par</i> ‘one time’)	— (<i>madat par</i> ‘house roof’)
Irina Anatolyevna Korobeynikova	— (<i>par poyt</i> ‘treetop’)	+	—	—	—	—	+ (<i>ostolyt par</i> ‘table top’; <i>pāri ütyt</i> ‘surface of water’)	—	—
Alyona Yuryevna Lugovskaya	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Agnia Aleksandrovna Makshyna	+	+	—	+	—	—	—	—	—
Nikolay Anatolyevich Mal'kov	+	+	—	—	—	—	—	—	—
Yakov Yakovlevich Martynov	+ (<i>pō par</i> ‘treetop’)	+	—	+	—	—	— (<i>ödet par</i> ‘water surface’)	—	+ (<i>madat par</i> ‘house roof’)
Tatiana Fedorovna Prokina	— (<i>par poyt</i> ‘treetop’)	+	— (<i>pužet par</i> ‘nose tip’)	—	— (<i>kβyl'žyt ol</i> ‘nail head’)	— (<i>kyyet par</i> ‘riverhead’)	— (<i>ostolyt par</i> ‘table top’; <i>üdyt par</i> ‘water surface’)	—	— (<i>madat par</i> ‘house roof’)
Lyudmila Denisovna Shadrina	—	+	—	—	—	+	—	—	+
Vasiliy Aleksandrovich Saispaev	+ (<i>pot par</i> ‘treetop’)	+	— (<i>šet par</i> ‘tongue tip’)	+	— (<i>kβyl'žyt ol</i> ‘nail head’)	— (<i>kyyet par</i> ‘riverhead’)	— (<i>ostol par</i> ‘table top’; <i>üdet par</i> ‘water surface’)	— (<i>okkyr par</i> ‘one time’)	+ (<i>madet par</i> ‘house roof’)

From the point of view of semantic derivation the nouns denoting different kinds of limit in a number of other Uralic languages, as well as in the languages of indigenous peoples of the Russian Federation belonging to different genetic families present great interest. They are given in *Table 7*.

Table 7

**Semantic derivation of some nouns denoting a kind of limit in a number
of the Uralic, Altaic and Paleosiberian languages**

branch (subgroup)	language	noun	semantic structure as it is given in the dictionaries
the Uralic languages			
the Northern branch of the Samoyed subgroup	Nganasan	<i>lābsuə</i> <i>h'ai</i>	'tail (of a fish); back part of smth.': <i>məu lābsuə</i> 'East Taimyr', <i>kəndə lābsuə</i> 'the ends of the sled's sliders' [Nganasan Electronic Dictionary] 'end, tip, beginning' [Nganasan Electronic Dictionary]
the Northern branch of the Samoyed subgroup	Enets (Baj dialect)	<i>bar</i> <i>iruz</i> <i>ub</i>	1) 'edge, end; outskirts'; 2) 'border (of a forest)'; 3) 'trimming, edging (of fur)' [Sorokina, Bolina 2001: 16] 1) 'bottom of a pond, a gully, a vessel, a capacity'; 2) 'lower part' [Sorokina, Bolina 2001: 43] 1) 'end'; 2) 'top'; 3) 'border' [Sorokina, Bolina 2001: 148]
the Northern branch of the Samoyed subgroup	Nenets (Tundra)	<i>mal</i> <i>βar</i> <i>βeʔ(s)</i> <i>jol'c''(n)</i>	1) 'end'; 2) 'top'; 3) 'river head, upper reaches (of a river)' [Tereshchenko 1965: 220] 1) 'border; outskirts'; 2) 'enge'; 3) 'coast' [Tereshchenko 1965: 44—45] 1) 'border, end'; 2) 'half'; 3) 'part, remainder, rest': <i>χal'and βeʔ ηesynʔ nedabtađ</i> 'send part of the caught fish to the village'; 4) 'back part'; 5) 'end, ending': <i>laχanakoʔ βeʔ ηat'eβaʔ</i> 'we are waiting for the end of a tale' [Tereshchenko 1965: 80] 1) 'time'; 2) 'turn'; 3) 'end, limit, line'; 4) 'measure'; 5) 'age' [Tereshchenko 1965: 119—120]
the Ugric branch of the Finno-Ugric subgroup	Khanty	<i>aləŋ</i> (Vakh-Vasyugan dialect) <i>pirəŋ</i> (upper Demyanka dialect) <i>põnək</i> (Vakh dialect)	1) 'beginning, end, border'; 2) 'defect, crime' [DEWOS: 80—81] 'back end': <i>pirəŋ lok</i> 'back road' [DEWOS: 1200] 'end, tip, point' [DEWOS: 1178]
the Ugric branch of the Finno-Ugric subgroup	Mansi	<i>əβyl</i> (Sosva dialect)	1) 'beginning'; 2) 'end' [Rombandeeva, Kuzakova 1982: 82]
the Ugric branch of the Finno-Ugric subgroup	Hungarian	<i>vég</i>	'end, finish, roll, fag-end, quietus' [English-Hungarian Online Dictionary]
the Finno-Permic branch of the Finno-Ugric subgroup	Sami	<i>kēđʒ'</i> <i>ēlenč</i> <i>lāddβ'</i>	1) 'end': <i>sunmkwđʒ'</i> 'the end of the thread'; 2) 'termination, finishing'; 3) 'point, spike' [Sami Electronic Dictionary] 'top, surface' [Sami Electronic Dictionary] 'top (of a tree), point (of a mountain)' [Sami Electronic Dictionary]
the Balto-Finnic branch of the Finno-Ugric subgroup	Finnish	<i>pää</i> <i>raja</i>	1) 'top'; 2) 'end'; 3) 'head'; 4) 'brain'; 5) 'butt'; 6) 'heel'; 7) 'snout' [Finnish-English Electronic Dictionary] 1) 'verge'; 2) 'border'; 3) 'borderline'; 4) 'bound'; 5) 'constraint'; 6) 'cut-off'; 7) 'division'; 8) 'limit' [Finnish-English Electronic Dictionary]

branch (subgroup)	language	noun	semantic structure as it is given in the dictionaries
the Permic branch of the Finno-Ugric subgroup	Udmurt	<i>dur</i> <i>jyl</i>	'border (limiting line); edge': <i>basma dur</i> 'list, selvage'; <i>džök dur</i> 'edge of a table'; <i>n'uless dur</i> 'forest edge'; <i>pydž dur</i> 'side of the boat'; <i>s'ures dur</i> 'road border'; <i>ty tur</i> 'lakeside'; <i>šl'apa dur</i> 'eaves' [Electrokyllukam] 1) 'end, tip'; 2) 'top' [Electrokyllukam]
the Permic branch of the Finno-Ugric subgroup	Komi (Zyryan)	<i>pom</i> <i>βyls</i>	1) 'end'; 2) 'ending, finish, outcome'; 3) 'tip'; 4) 'beginning'; 5) 'limit'; 6) 'rest' [Beznosikova et al. 2000: 508] I 1) 'top, surface'; 2) 'upper floor'; 3) 'cream, sour cream'; 4) 'front, right side of a clothes, covered with material, and also a material itself'; 5) 'limit'; 6) 'the rest'; II 'clothes' [Beznosikova et al. 2000: 508]
the Volgaic branch of the Finno-Ugric subgroup	Mari	<i>n'er</i> <i>ümbal</i>	1) 'nose'; 2) 'snout'; 3) 'beak'; 4) 'rostrum'; 5) 'spout'; 6) 'tip'; 7) 'sprout; shoot'; <i>sorta n'er</i> 'candle snuff'; <i>kartuz n'er</i> 'bill' [Vasilyev, Uchaev 2003: 129] I 'cream, sour cream'; II 'top, head, surface' [Vasilyev, Uchaev 2003: 232]
the Volgaic branch of the Finno-Ugric subgroup	Mordvinic	<i>č'ir'e</i> (Erzya) <i>š'ir'e</i> (Moksha) <i>langa</i> (Moksha), <i>lango</i> (Erzya) <i>β'el'χks</i> (Moksha), <i>β'el'ks</i> (Erzya)	1) 'border'; 2) 'bank, shore'; 3) 'slope'; 4) 'edge' [Kolyadenkov, Tsyganov 1949: 247] 1) 'space, place situated in some direction'; 2) 'locality, territory'; 3) 'space, place situated to the right or to the left from the middle, on the sides of smth., astride smth., on the edge of smth.'; 4) 'space, place situated at some distance from smth., smb.'; 5) 'position outside the centre of events'; 6) 'one of the surfaces, one of the sides of smth.'; 7) 'point of view'; 8) 'person, group of people' [MRS 1998: 865] 1) 'top, surface': <i>stol' lango</i> 'table top'; 2) 'time, period': <i>nuema lango</i> 'harvest season' [Kolyadenkov, Tsyganov 1949: 119]; 'time, period, top of smth., surface, clothes' [Vershinin 2004: 198] I 1) 'top, upper part of smth.'; 2) 'bedspread, lid; cover'; II 'cream, sour cream' [Kolyadenkov, Tsyganov 1949: 48]; 'curtain, blanket, cover; roof, sour cream' [Vershinin 2004: 47]
the Paleosiberian languages			
the Yeniseian subgroup	Ket	<i>his</i> <i>kup</i>	'haft'; 'tail'; 'hem (of a skirt)' [Porotova 2002: 94—95]; 1) 'beak'; 2) 'end' [Verner 2002: 49] 'lip, beak, sting, border, end, top of a tree, foot, mouth of a fish, deer's muzzle, nipple, tip; point head' [Porotova 2002: 142]
the Chukotko-Kamchatkan subgroup	Koryak	<i>kyjyt kyn</i>	1) 'bud'; 2) 'top of a tree'; 3) 'tip' [Moll 1960: 54]
the Altaic languages			
the Turkic subgroup	Altai	<i>uč'(y)</i> <i>kyr(y)</i>	'end, finish, finite part' [Baskakov 1963: 253]; 'border' [Altai Electronic Dictionary] 'end, finite part' [Baskakov 1963: 253]; 'border' [Altai Electronic Dictionary]
the Northern (Siberian) branch of the Tungusic subgroup	Even	<i>mudan</i> <i>χuriŋe</i>	'end, limit' [Tsintsius 1975: 550] 1) 'top of a tree, point of a mountain'; 2) 'top of a pointed object'; 3) 'end' [Tsintsius 1975: 118]
the Northern (Siberian) branch of the Tungusic subgroup	Negidal	<i>modan</i> <i>suβejē</i>	1) 'end, border'; 2) 'tip' [Tsintsius 1975: 550] 1) 'top of a tree, point of a mountain'; 2) 'tip' [Tsintsius 1975: 118]

branch (subgroup)	language	noun	semantic structure as it is given in the dictionaries
the Northern (Siberian) branch of the Tungusic subgroup	Evenki	<i>mudan</i>	‘end, outcome; tip’ [Vasilevich 2005: 194—195]; in the Southern Okminsky dialect, in the Eastern Khingan dialect: 1) ‘end, limit’; 2) ‘top, peak’; in the Eastern Aldan, Zeya, Sakhalin and Urmi dialects: 1) ‘top, peak’; 2) ‘cape’ [Tsintsius 1975: 550]
		<i>mudanja</i>	1) ‘top of a tree’; 2) ‘point’; 3) ‘bough’ (the Tokma dialect); 4) ‘end, border’ (in the Barguzin dialect) [Tsintsius 1975: 118]
the Amur (Nanai) branch of the Tungusic subgroup	Ulch	<i>mudan</i>	‘end, limit’ [Tsintsius 1975: 550]
		<i>suβe</i>	‘top (of a tree)’ [Tsintsius 1975: 550]
the Amur (Nanai) branch of the Tungusic subgroup	Nanai	<i>modā</i>	1) ‘end, limit’; 2) ‘line’ [Tsintsius 1975: 550]
		<i>suβe</i>	1) ‘top of a tree, point of a mountain’; 2) ‘point’ [Tsintsius 1975: 118]

Comparison of nouns denoting one or another limit in a number of the Uralic languages, as well as in the languages of indigenous peoples of the Russian Federation belonging to different genetic groups demonstrates that the semantic structure of such nouns often do not correspond to the scheme of polysemy, but in the dictionaries the structure of the nouns is often presented as a polysemic one.

Conclusion

Taking into consideration all the above written we would like to raise the question: what is the reason for the presence of unaccomplished polysemy in Selkup? Perhaps the cause is in the genetic factors of the language, in particular, it cannot be excluded that monosemy for these words should also be restored for the parent language. One cannot exclude that monosemy is connected not with the genetics of the Selkup language, but with the way of life of its speakers. Perhaps this type of semantic structure is the result of the influence of language contacts. As it was shown above, the semantic structure of the analyzed concepts in some Uralic and not Uralic languages of indigenous peoples of the North allows us to put forward this hypothesis.

The result seems important, first of all, for lexicographic descriptions of the Selkup language in general and for the theory of lexicography. We have tried to show that for the identification of the semantic structure of a word of an unwritten, oral language work with native speakers is required.

Secondly, an adequate description of the semantics of Selkup words is interesting and useful for the study of the naive picture of the world and for the descriptions of the peculiarities distinguishing the way of thinking of the native speakers as reflected in the Selkup language.

In the third place, it turns out that for a more detailed semantic reconstruction synchronous monosemy should be identified in modern languages. It seems that a thorough analysis of such phenomena in the Samoyed and wider in the Uralic languages will significantly clarify the reconstruction of the meanings in the parent languages: identify which of them are supposed to be monosemic and which are polysemic.

References

- Alatalo 2004 — Donner K., Sirelius U. T., Alatalo J. Sölkupisches wörterbuch / Zusammengestellt und hrsg. von Alatalo J. Helsinki, 2004. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 2004, 30.)
- Altai Electronic Dictionary — Edinyj portal Altaja: Russko-Altajskij slovar' // http://www.epaltay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2313:2010-12-15-06-25-51&catid=48:2009-11-26-04-23-57&Itemid=83, 2014.
- Apresyan 1995 — *Apres'an Ju. D.* Izbrannye trudy. Vol. 1. Leksičeskaja semantika. Sinonimičeskie sredstva jazyka. M., 1995.
- Baskakov 1963 — Russko-altajskij slovar': 30000 slov / Ed. Baskakov N. A. M., 1963.
- Beznosikova et al. 2000 — Beznosikova L. M., Ajbabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-roč kyvčukör. Syktyvkar, 2000.
- Bykonya 2005 — Bykon'a V. V., Kuznecova N. G., Maksimova N. P. Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar' / Ed. Bykon'a. Tomsk, 2005.
- DEWOS — Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
- Dubrovskaya — the data received by N. V. Dubrovskaya during the scientific expeditions to the Parabel district of the Tomsk region (2011—2013).

Dubrovskaya 2011a — *Dubrovskaja N. V.* Osobennosti semantičeskoj derivacii suščestvitel'nyx v dialektax sel'kupsogo jazyka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2011.

Dubrovskaya 2011b — *Dubrovskaja N. V.* Osobennosti semantičeskoj derivacii nekotoryx somatičeskix terminov v dialektax sel'kupsogo jazyka // *Uralo-altajskie issledovanija*. 2011, 2 (5). P. 39—52.

Dulson — the data collected during the scientific expeditions under the leadership of professor *A. P. Dulson* (1962—1984).

Dulson 1971 — *Dulson A.* Über die räumliche gliederung des sölkupischen in ihrem verhältnis zu den alten volkstumsgruppen // *Sowjetische finnisch-ugrische sprachwissenschaft*, VII. 1971, 1. S. 35—43.

Electrokyllukam — Elektrokyll'ukam: Udmurtsko-russkij i russko-udmurtskij slovar' // <http://udm2rus.ru/>, 2008.

English-Hungarian Online Dictionary — English-Hungarian Online Dictionary: A Bilingual Dictionary from ECTACO // http://online.ectaco.co.uk/main.jsp;jsessionid=bc30d3ecc9b174219317?do=e-services-dictionaries-word_translate1&direction=2&status=translate&lang1=23&lang2=hu&source=v%C3%A9g, 2014.

Erdélyi 1969 — *Erdélyi I.* Selkupisches wörterverzeichnis tas-dialekt. Budapest, 1969.

Finnish-English Electronic Dictionary — Finnish-English Electronic Dictionary // <http://berlin.bab.la/словарь/финский-английский/raja>, 2014.

Helimski 1983 — *Helimski E.* The language of the first Selkup books. Szeged, 1983.

Helimski 2011 — *Helimski E.* Severnosel'kupskij slovar' // http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary, 2011.

Helimski, Kahrs 2001 — *Helimski E., Kahrs U.* Nordselkupisches wörterbuch von F. G. Malcev (1903). Hamburg, 2001.

Irikov 1988 — *Irikov S. I.* Slovar' sel'kupsko-russkij i russko-sel'kupskij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. L., 1988.

Kolyadenkov, Tsyganov 1949 — *Kol'adenkov M. N., Cyganov N. F.* Erz'ansko-russkij slovar'. M., 1949.

Kuznetsova et al. 1980 — *Kuznecova A. I., Xelimskij E. A., Gruškina E. V.* Očerki po sel'kupskomu jazyku. Vol. 1. Tazovskij dialekt. M., 1980.

Kuznetsova et al. 1993 — *Kuznecova A. I., Kazakevič O. A., Ioffe L. Ju., Xelimskij E. A.* Očerki po sel'kupskomu jazyku. Vol. 2. Tazovskij dialekt. M., 1993.

Moll 1960 — *Moll T. A.* Kor'aksko-russkij slovar'. L., 1960.

MRS 1998 — Mokšansko-russkij slovar': 41000 slov / Ed. *Serebrennikov B. A., Feoktistov A. P., Pol'akov O. E.* M., 1998.

Nganasan Electronic Dictionary — Electronic dictionary of the Nganasan language created in the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow).

Porotova 2002 — *Porotova T. I.* Slovar' govornyx form ketskix suščestvitel'nyx (s formami množestvennogo čisla) / Ed. *Kotorova E. G., Klopotova E. A.* Tomsk, 2002.

Prokofyev 1935 — *Prokofyev G. N.* Sel'kupskij (ost'ako-samoedskij) jazyk. Part 1. Sel'kupskaja (ost'ako-samoedskaja) grammatika. L., 1935.

Rombandeeva, Kuzakova 1982 — *Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A.* Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij: Okolo 4000 slov. Posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. L., 1982.

Sami Electronic Dictionary — Elektronnyj saamskij slovar': 10000 slov (Russia, Lovozero) / *Yuryev A.* // <http://saami.su/> (<http://www.rusadic.narod.ru/>), 2003—2007.

Sorokina, Bolina 2001 — *Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enecko-russkij i russko-eneckij slovar'. SPb., 2001.

Tereshchenko 1965 — *Tereščenko N. M.* Nenecko-russkij slovar': Okolo 22000 slov. M., 1965.

Tsintsius 1975 — *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov: Materialy k etimologičeskomu slovar'u.* Vol. 1 / Ed. *Cincius V. I.* L., 1975.

Uryson 1998 — *Uryson E. V.* "Nesostojavšajas'a polisemija" i nekotorye ejo tipy // *Semiotika i informatika*. Is. 36. M., 1998. P. 226—262.

Vasilevich 2005 — *Vasilevič G. M.* Russko-evenkijskij slovar'. Part 1—2. Posobie dl'a učaščix's'a 5—9 klassov obščeo-brazovatel'nyx učreždenij. 2nd ed. SPb., 2005.

Vasilyev, Uchaev 2003 — *Vasil'ev V. M., Učaev Z. V.* Marijsko-russkij slovar'. Joškar-Ola, 2003.

Verner 2002 — *Verner G. K.* Slovar' ketsko-russkij i russko-ketskij. Učebnoe posobie dl'a učaščix's'a načal'noj školy. 2nd ed. SPb., 2002.

Vershinin 2004 — *Veršinin V. I.* Etimologičeskij slovar' mordovskix (erz'anskogo i mokšanskogo) jazykov. Joškar-Ola, 2004.

Zaliznyak 2006 — *Zalozn'ak A. A.* Mnogoznačnost' v jazyke i sposoby ejo predstavlenija. M., 2006.

РЕЗЮМЕ

Предлагаемая статья посвящена описанию особого типа семантической деривации (промежуточного между монсемией и полисемией), выявленного в диалектах селькупского языка. Такой тип семантической структуры может быть идентифицирован как «несостоявшаяся полисемия». В работе использован фактический материал селькуп-

ского языка, который сравнивается как с данными различных языков уральской семьи, так и принадлежащих к другим семьям языков коренных народов Российской Федерации.

SUMMARY

The article presents the first proposal of the investigation of the peculiarities of semantic derivation of noun structure in Selkup. It studies the Selkup nouns with a special type of semantic derivation, intermediate between monosemy and polysemy, which can be identified as “unaccomplished polysemy”. Here we use the data of the Selkup language and compare them with those of different languages of the Uralic family, as well as with those of genetically different languages of aboriginal nations of the Russian Federation.

Ключевые слова: селькупский язык, семантическая деривация, семантическая структура, полисемия, моносемия, «несостоявшаяся полисемия»

Keywords: Selkup, semantic derivation, semantic structure, polysemy, monosemy, “unaccomplished polysemy”

Алаас как концепт якутской лингвокультуры

Словом «алас» обозначается геологическое образование, характерное в основном для ландшафта равнинной Якутии. Вероятно, по этой причине якутское существительное *алаас* в научной практике утвердилось как самостоятельный термин, будучи заимствованным в русский язык. В «Энциклопедическом словаре географических терминов» имеется следующее определение данного явления: «Аласы — плоские понижения от десятков метров до нескольких километров в диаметре. Покрытые лугостепной растительностью, иногда имеют остаточные озера. Образуются в районах распространения многолетнемерзлых пород за счет протаивания и просадки грунтов» [ЭСГТ 1968: 13].

Генезису и морфологии аласов, стадиям их развития и становления, особенностям температурного поля, развитию подаласных таликов, почвы и растительности и физико-географическим основам развития аласов посвящены обширные научные исследования географов, мерзлотоведов, лимнологов, биологов, экологов и др. [Дмитриев 1971; Жирков 1983; Иванов 1984; Босиков 1991; Пестрякова и др. 2007].

С точки зрения геоботанических позиций основное внимание ученых привлекает растительность аласных образований [Десяткин 1984; Гоголева и др. 1987]. В тесной взаимосвязи с современными изменениями элементов климата рассматриваются особенности эволюции аласов; выявлен ритмический характер их развития [Босиков 1991: 113].

Так, исследователи многолетней мерзлоты в Якутии выделяют несколько этапов формирования аласов: 1) «*дюёдя* — котловина с более или менее резко выраженными бортами, с бугристой поверхностью дна и бортов»; 2) «*тымпы* — первая стадия аласа, при которой ископаемый лед на дне котловины вытаивает, образуя плоское дно с ровным микрорельефом аласных отложений; котловина резко выражена»; 3) «*элементарный алас*, который отличается от *тымпы* тем, что борта на значительных участках приобретают устойчивый профиль, выравниваются»; 4) «*зрелый алас* — последняя стадия развития термокарста, когда усыхающее озеро последовательно обрамляется сначала болотом, затем сырým и сухим лугом, образуя своеобразную плоскодонную котловину» [Босиков 1991: 13—27].

Главным образом аласы встречаются в центральной части Якутии [Босиков 1991: 15; Пестрякова и др. 2007: 19]. Благодаря обилию аласных лугов эта территория была заселена много веков назад якутами-скотоводами, за которыми впоследствии закрепилось название «аласные якуты» (*алаас сахалара*), в то время как охотников называют «лесными» («таежными») якутами (*ойуур сахалара*), а якутов, основным занятием которых является рыболовство, — «озерными», или «речными» (*балыксыттар*) [Данилова 2011: 16].

Приведенные выше геолого-географические сведения об аласе имеют отношение к научной картине мира. В рамках предлагаемой статьи *алаас* рассматривается как лингвокультурный концепт¹, который соотносится с наивной картиной мира, отраженной в языковом сознании якутов. Он традиционно связан с природой, укладом жизни и хозяйственно-экономической спецификой области проживания носителей якутского языка и представляет собой один из важнейших культурных концептов в сознании народа саха.

Традиционные способы изучения лексического значения включают этимологическое и синхронное — парадигматическое и синтагматическое рассмотрение². В данной статье мы постарались привлечь весь доступный материал, касающийся происхождения, значения и употребления слова *алаас*.

¹ Концепты — это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [Карасик 2009: 22].

² Что касается анализа синтагматики и парадигматики слова, то эти две стороны у слов из разных лексико-семантических групп могут соотноситься по-разному. Например, в статье [Толстой 1975] Н. И. Толстой выступает против синтагматической концепции значения Ю. Д. Апресяна: «Отдельные семы могут быть выяснены лишь при парадигматическом построении группы слов, а не в результате анализа сочетаемости слов» [Толстой 1975: 48]. Конечно, такая позиция обусловлена материалом, избранным автором для семантического анализа. Лексика, описывающая типы ландшафта или метеорологические явления, действительно (по крайней мере, в историческом плане), как это показывает работа самого Н. И. Толстого [Толстой 1969], может быть проанализирована практически без обращения к сочетаемости — как относящаяся к объектам, не участвующим непосредственно в человеческой деятельности, и в связи с этим редко образующая высокочастотные устойчивые сочетания. Ниже мы увидим, что *алаас*,

В этимологическом словаре якутского языка Г. В. Попова существительное *алаас* зафиксировано со ссылкой на материалы Э. К. Пекарского в значении ‘елань, луговое или полевое пространство, окруженное лесистой горой’. Относительно его этимологии автор солидаризируется с вариантом, предложенным Ст. Калужинским [Kałużyński 1978]: якут. *алаас* < **ала* + **-ач* или **алы* + **-ач*; якутский аффикс *-ас* возводится при этом к **-ач* (исторически — диминутив) [Попов 2003: 66]. Вероятно, в действительности это образование **алаҥ-ҕаҕ* с диминутивным аффиксом и зафиксированной во многих тюркских языках основой *(*h*)*алаҥ* со значением ‘открытое место, поляна, какая-то ровная площадка’, ‘плоская, ровная (местность)’. Так, в «Словаре географических названий» Э. М. Мурзаева [Мурзаев 1984: 45] имеется вхождение *алан*, *аланг* ‘открытое место, поляна, какая-то ровная площадка (тюрк.)’. В параллелях, приводимых Э. М. Мурзаевым вслед за Э. В. Севортьяном [ЭСТЯ 1974], смешано несколько алтайских основ, в т. ч. ПТю **jalaҥ* ‘голый’ > ‘открытое место в лесу’ [ЭСТЯ 1989: 135]. Приведем здесь только те слова, которые действительно родственны якут. *алаас*.

ПТю *(*h*)*ālaҥ* ‘равнина, лужайка, открытое пространство, площадь’:

булг. **hālaҥ-uk* > чув. *олъх* ‘заливной луг’ [ЭСЧЯ 1996, 2: 277]; дун.-булг. заимствовано в др.-болг.: ст.-слав. *халҕа* ‘изгородь, огороженное место’, рус. ц.-слав. *халуга* ‘тын, изгородь’, ‘улица’ [Срезневский, 3: 1359], *халужина* ‘длинная хворостина’, укр. *халуга* ‘водоросль’, блр. *халуга* ‘шалаш, сплетенный из прутьев’, серб.-хорв. *халуга* ‘сорная трава, чаща, расселина’, словен. *halóga* ‘кустарник, водоросль’, др.-чеш. *chalužník* ‘разбойник с большой дороги’ [Фасмер, 4: 218—219; Dybo 2010].

Якут. *alās* (<*(*h*)*ālaҥ-ač*)³ ‘ровная поляна в лесу’, тув. *alāk* (<*(*h*)*ālaҥ-uk*)⁴;

крх.-уйг. *алаҥ jazı* ‘плоская, ровная местность’ (МК), чаг. *алаҥ* ‘холмы по берегам извилистых рек’ [Pav. С. 1820];

тур. *алан* ‘луг’; туркм. *алаҥ* 1) ‘оголенные пески туркменских Каракумов, выделяющиеся в виде светлых пятен среди заросших грядовых песков’ = *аккум* ‘белый песок’, 2) ‘широкое, невысокое, плоское возвышение, сложенное суглинком и не покрытое растительностью’; хорезм. *алаҥ* ‘целина’, ‘залежь’, ‘заброшенная оросительная сеть’, ‘старый канал’;

кр.-тат. *алаҥ*, тат. *алан* ‘лесная поляна, прогалина в лесу’; ног., каз. *алаҥ* ‘открытая местность, лесная поляна, лужайка’ [Конкашпаев 1951]; ккалп. *алаҥ* ‘поляна’, диал. ‘пустырь’.

См.: [EDT: 147; ЭСТЯ 1974: 134—135]. В туркменской и якутской суффицированных формах возможно вторичное сокращение [Dybo 2010]⁵. Якут. *alās* > рус. сиб. *alás* [Аникин 2000: 80—81]. «[СРНГ, 1] отмечает *алань* (= *ялань*) для центральных районов РСФСР в значении ‘низменное травянистое место, удобное для пастбищ и покоса; елань’. Также ср. болг. просторечное *алан* ‘поляна’ из турецк<кого>» [Мурзаев 1984: 45].

ПТю < ПА **pālā*: ПТМ **pāla-n* ‘поляна, ровное место; пол’ [ССТМЯ, 2: 32, 313]; ср.-кор. **pār(h)* ‘поля, луга’; ПЯп **pārā* ‘равнина’ [Martin 1987: 238; EDAL].

Итак, по происхождению рассматриваемое слово относится к ландшафтной лексике.

В «Большом толковом словаре якутского языка» значения слова *алаас* определяются как:

1) *тыа тулалаах ыраас сир, хонуу (үксүгэр оттонор ходуһалаах, ортотугар куөллээх)* ‘чистое поле или луг, окруженное(-ый) лесом; чистая поляна среди леса (обычно с озерком посередине)’;

2) (геогр.) *ирбэт тоң мууһа ирэн, сир сиңниититтэн үөскээбит намыһах сир, хотоол* ‘аласы, плоские понижения в районах распространения многолетнемерзлых горных пород, образующиеся в результате протаивания и просадки грунта’ [БТСЯЯ 2004: 391].

Очевидно, что в словарном определении лексемы сконцентрирована ландшафтная характеристика и его флористическая доминанта, которые отражают основную содержательную часть рассматриваемого

поскольку относится к ландшафтным терминам, имеет существенные парадигматические и довольно слабые синтагматические связи. Только когда это слово функционирует как наименование объекта человеческой деятельности, оно обрастает значительной синтагматикой.

³ Якут., долг. *alī* ‘узкая, длинная долина, ровное место в тундре; болото’ [Stachowski: 33] происходит, по видимому, из **alk-ig* ‘просторный’: др.-тюрк. *alqıy*, тув. *alyıy*, тоф. *alhyr*, хак. *alliy*, шор. *aliy* [Kałużyński 1978: 10]. Долг. *alin* ‘ровная поляна в лесу’ [Stachowski: 32] = ПТю **ālin* ‘лоб’ (> ‘склон горы’) [СИГТЯ 2000: 199].

⁴ Тув. *alandi*, *alangı* ‘проталина’, как и туркм. *āla* ‘равнина с песчаными проплешинами’ (‘гладкие такырные плоскости, на которых ничего не растет и где поверхность, высыхая, трескается на полигональные отдельности’ [Мурзаев 1984: 45]), тур. диал. *ala* ‘невспаханые участки на пашне’, судя по семантике, скорее, восходят к **āla* ‘пестрый’ [Татаринцев 2000: 93].

⁵ В якутском языке старый долгий гласный сокращается в многосложном слове [Stachowski 1993: 42—45]. Для туркм. ср. сокращение в производном с тем же суффиксом: *öl* ‘сырой’, *öleҥ* ‘луг’. М. Эрдал предлагает считать *öleҥ* монголизмом, но уверенности в этом нет [Erdal 1991: 160—161].

концепта. Прежде всего алас воспринимается и интерпретируется как ландшафтное явление — чистая, гладкая местность (поле, луг, поляна), покрытая луговой растительностью, окруженная лесом и пригодная для освоения хозяйственной деятельностью. Это значение слова *алаас*, как нам представляется, является первичным и актуальным для всех носителей якутской культуры.

Ниже мы приводим описание некоторых сторон внутреннего строения интерпретационного поля концепта *алаас* на материале языковых репрезентаций, зафиксированных как в словарях якутского языка, так и в художественных и фольклорных текстах.

Устойчивые составные слова-композиции с компонентом *алаас* выделяют разновидности типа ландшафта *алаас* по его форме и месту расположения:

1) **бүтэй алаас** — *киһи-сүөһү сьлдьыбат, ыраах, түңкэтэх сиргэ сытар алаас; суола-иһэ суох, түң ойуурга сытар кыракий алаас* ‘алас, поляна, находящаяся в захолустье; алас в глухом лесу’ (букв. ‘глухой алас’);

2) **оңкучак алаас** — *үрдүк, туруору сыырдаах алаас* ‘глубокая котловина’ (букв. ‘яма-алас’);

3) **сыңаһа алаас** — *уһун ньолбоһор көрүңнээх, икки өттүнэн үрдүк сыырдаах алаас* ‘поляна длинной, продолговатой формы, имеющая с двух сторон возвышенности (в отличие от обычных, круглых)’ (букв. ‘закраина-алас’);

4) **тыымпы алаас** — *биэрэгэ суох, тыаҕа анһан турар толору уулаах, күөллээх, аңаар өттүгэр эрэ кыра хонуулаах тыа иһигэр сытар алаас* ‘небольшая поляна в лесу с полноводным озером без берегов’;

5) **чоңкучак алаас** — *тыа иһигэр сытар, үрдүк, туруору сыырдаах алаас* ‘находящаяся в глухом лесу котловина’ (букв. ‘впадина-алас’);

6) **чоңолох алаас** — *үрдүк сыырдаах, төгүрүк кыараҕас алаас* ‘маленькая, совершенно круглая поляна, окаймленная крутыми возвышениями; круглая, довольно глубокая котловина’ (букв. ‘углубление, впадина, имеющая закругленную форму, алас’);

7) **бүөр алаас** — *улахан алааска силлиһэ сытар кыракий төгүрүк алаас* ‘небольшая круглая поляна, примыкающая к большей’ (букв. ‘почка-алас’) [БТСЯЯ 2004: 391—392].

Очевидно, что значительная часть представленных устойчивых словосочетаний со словом *алаас* в той или иной степени организуется архисемами, связанными с географической средой, с природой аласных территорий.

Анализ парадигматических связей показывает, что полных системных синонимов лексема *алаас* не имеет. Вместе с тем выявляется ряд единиц с общим содержательным компонентом: *алаас-сыһы* ‘окаймленное лесом, широкое, круглое поле; широкий чистый луг’; *алыы* ‘долина, узкая и длинная местность, длинное широкое поле, поросшее тальником, березняком или ерником, негодное для покоса, с плохой травой или и вовсе лишенное растительности’⁶; *хонуу* ‘поле, поляна, чистое место, окруженное со всех сторон лесом, нива’; *сыһы* ‘луговая, полевая, окруженная лесом местность’; *толоон* ‘долина, поле (широкое, открытое), обширное полевое место’ [Пекарский 1958: 84, 3482, 2496, 2716], — которые вербализуют когнитивный компонент концепта ‘поле среди тайги, покрытое луговой растительностью’.

Выборка контекстов из художественной литературы подтверждает представление о том, что в лингвокультуре якутов понятие *алаас* связано прежде всего с хозяйственной деятельностью. Как правило, слово *алаас* ассоциируется с сенокосными угодьями, пастбищами, составляющими основные факторы жизнеобеспечения человека, занимающегося скотоводством: *Алаастарга саамай хаачыстыбалаах от оттонор, мэччирэн быһытынан туһанарга эмиэ табыгастаахтар* [ПАЕ ОС: 5] ‘На аласах косится самое качественное сено, они полезны и как пастбища’.

В прошлом в традиционном якутском обществе алас как участок земли, благоприятный для ведения хозяйственной деятельности, принадлежал определенному человеку, хозяину, главе семьи, а по мере ее разрастания — главе рода. Благополучие определялось количеством аласов, отведенных последнему во владение: *Киһи кыаҕа, баайа төһө — хачча алааһы бас билэринэн кэмнэнэрэ. Ол — алааһы оттуур буолан* [БС СС: 114] ‘Возможности человека, его богатство измерялись тем, каким количеством аласов он владел. Потому что алас — это покосные угодья’.

Отсюда происходит и дальнейшее развитие семантики слова: алас является для якута одновременно и местом проживания, средой обитания, поскольку его жизненное пространство неотделимо от его деятельности. *Оһонньор билигин да алааһыгар, уруккутун курдук, ньиргийэн олорор: бурдук ыһар, от от-*

⁶ «Наиболее полно о якут. *алы* читаем у Комарова [Комаров 1964]: “*Алы, алыы* — ‘низменный луг; долина, поросшая кустарником (тальником, березняком или ельником)’. В говорах якутов северо-восточных районов слово выступает в несколько ином значении — ‘поляна среди леса, поросшая кочкарником или кустарником’ (Абыйский и Момский районы); ‘широкая низменная долина между лесистых гор’ (Аллаиховский район); ‘участок леса, поросший исключительно кустарником’ (Верхоянский район)”» [Мурзаев 1984: 45].

туур, сүөһү иитэр уонна кыһын муҕхалыыр [БАА Ө: 64] ‘Старик по-прежнему основательно живет на своем алаасе: сеет хлеб, косит сено, разводит скот, а зимой рыбачит’. *Сиидэрэп олорор алааһын тула ойуур иһигэр биллибэт-көстүбэт курдук хас да ыал олорор* [К ТА: 155] ‘В лесу, вокруг аласа, где живет Сидоров, тихо-мирно проживает несколько семей’.

Следующий этап расширения: в якутском языковом сознании *алаас* может рассматриваться как родина, родимое место, место рождения, родная земля. *Ити курдук саха дьонун, сүөһү ииттэр дьон, дьин төрөөбүт, киһи-хара буолбут дойдуларынан алаас буолар* [БС СС: 114] ‘Таким образом, родиной, местом рождения, откуда якуты-скотоводы вышли в люди, является алас’. Как отмечает Н. К. Данилова, «пространство *алаас* эмоционально воспринималось традиционным человеком как особая, родная территория. (...) в якутском языке *төрөөбүт алаас* ‘родной алаас’ и *төрөөбүт дойду* ‘родина’ стоят в одном ряду» [Данилова 2011: 15]. Прямой связи между понятиями ‘родина’ и ‘алас’ не существует. На наш взгляд, значение ‘родина’ у последнего возникает в устойчивом сочетании *төрөөбүт алаас* (букв. ‘алас, где родился’) как дополнительный компонент его семантического содержания. И возникает эта ассоциация чаще всего и в большей степени тогда, когда человек оказывается на «чужой» стороне: *Ити мин төрөөбүт алааһым буорун кистээн Булуңа илдьэ барбытым, алааспын олус абыннахпына, сүрэхпин-быарбын сымнатан, ити курдук сыллаан, амсайан кэңибиин* [ГНА ЭБО: 72] ‘Это я тайно вывез в Булун горсть земли родного аласа, и, когда сильно заскучаю по своему аласу, чтобы утешить свою душу, так вот понюхаю, возьму на язык и успокоюсь’.

Алаас фигурирует в текстах также в значении места проведения традиционных праздничных обрядов: *Сир симэҕинэн сириэдийбит күөх алааска куруөх дьоно мустан көттөөхтүк көрүлүүр, ыллыр-туойар, үңкүүлүүр-көччүйэр* [ДИК ӨХ: 73] ‘На зеленом аласе, расцвеченном буйной растительностью, происходит многолюдное веселье с песнями и танцами’. Эта традиция сохранилась в народе и до настоящего времени: ежегодно для проведения национального праздника *ысыах*, который характеризуется наличием обряда кумысопития, различными спортивными состязаниями и конскими скачками при большом стечении народа, выбираются *аласные* территории вблизи населенных пунктов.

В якутской лингвокультуре образ *аласа* в определенной степени подвержен антропо- или зооморфизации, которая наблюдается в таких номинациях, как: *алаас быара* ‘середина аласа’ (букв. ‘печень аласа’); *бүөр алаас* ‘небольшая круглая поляна, примыкающая к большей’ (букв. ‘почка-алас’); *алаас баһа* ‘высокий край аласа’ (букв. ‘голова аласа’); *алаас атаҕа* ‘северная сторона аласа’ (букв. ‘ноги аласа’) и т. д. Это явление универсальное, т. к., номинируя объекты окружающей действительности, человек «бессознательно проецирует свои особенности на окружающую действительность» [Замалетдинов 2009: 9].

Якутскому сознанию вообще свойственна персонификация объектов природы, их одушевление, уходящее корнями в традиционное мировосприятие. Это ярко наблюдается в эвфемистических выражениях, которые часто приводятся при описании родного края (сочетаемость названий людей с топонимами): *тойон Муру* ‘господин Мюрю’, *хотун Төңүлү* ‘госпожа Тюнгилю’, *ул Табаҕа* ‘юноша Табага’, *кыыс Хаҕа* ‘девица Ханга’ и т. д. Как знак почтительного, уважительного отношения рассматривается гидронимическая номинация *Эбэ* ‘бабушка’, тесно связанная и с понятием *алаас*, неотъемлемой центральной частью которого является озеро. Использование эвфемизма *Эбэ* позволяет воспринимать *алаас* как цельный культурный знак-хранитель воспоминаний о предках, о родной земле, в качестве которого он становится табуированным сакральным объектом. Р. И. Бравина пишет: «В сакральных местах существовал особый “поведенческий кодекс”. Так, их исконные названия запрещалось произносить вслух; в обозначении их применяли почтительное обращение “Эбэ” (‘бабушка’) (...). Поверье, что духи-хозяева родной земли оберегают, охраняют своих обитателей, было очень распространенным» [Бравина 2005: 27].

Концепт *алаас* весьма последовательно актуализируется в якутских пословицах и поговорках. Как показывает паремнологический материал, лексема *алаас* в составе устойчивых словесных комплексов выражает понятие ‘дом, жилище’: *Аңара хараҕа алаас, аңара сырдык алаас баар үһү [дьиэ (балаҕан) уңа, хаҕас өттө]* ‘Говорят, одна сторона аласа — темная, другая — светлая [правая и левая стороны дома (балагана)]’. В загадке, в основе которой лежит метафорический перенос признакового значения одного объекта на другой по сходству их форм и пространственного структурирования, выражена ассоциативная связь понятий ‘алас’ и ‘дом, жилье’. На наш взгляд, возникновение такой ассоциации обусловлено тем, что, во-первых, в представлении якутов любое огороженное пространство (и аласное, и жилое) делится на две части: южную (освещаемую солнцем, светлую) и северную (теневую, темную) [Данилова 2011: 106], — а, во-вторых, традиционное якутское жилье (балаган или ураса) имело обычно такую же круглую форму, как и алас. В данном случае смысловое содержание загадки носит предметный характер, потому она отличается стремлением не к обобщению значения, а к описанию объекта через его определенные уникальные признаки.

Тот факт, что алас рассматривался якутами как место, оптимально пригодное для жилья и ведения хозяйства, находит отражение и в паремиях, где лексема *алаас* обозначает дом, родимый край, место проживания определенного рода, семьи: *Биһиги да алааспыттыгар⁷ өтөн үөтүө (кэбэ этиэ, күүрэгэй ылыа) — биһиги да олохпун тупсуоҕа (үтүө олох кэлэригэр бигэ эрэл туһунан)*. Смысл фразеологизма сводится к тому, что говорящий выражает уверенность в наступлении счастья в том месте, где он проживает: букв. 'И на нашем аласе голубь заворкует, кукушка закукует, жаворонок запоет'. *Алааһымтан арахтаах, тизэргэни тэйтэйтэх — ханна да сылдыһыбатах, тугу да көрбөтөх-билбэтэх, муңутах* 'отсталый, неразвитый' (букв. 'от своего аласа не отходил, от своего двора не удалялся', т. е. 'никуда не ездил, ничего не видел') [БТСЯЯ 2004: 391]: в данной поговорке слово *алаас* выделяет дополнительную оценочную коннотацию, которая содержит негативную семантическую нагрузку замкнутости, закрытости от внешнего мира. Человек, который живет в таком аласе безвылазно, характеризуется как лишенный внешних контактов, соответственно, неинформированный, мало знающий, ограниченный, сохранившийся в своей природной первозданности.

В пословице *дойду сурахтаах, алаас ааттаах* 'всякая страна имеет свою славу, каждый алас — доброе имя' [ОХ: 66] значение лексемы *алаас* можно осмыслить как 'малая родина' — в противопоставлении к значению слова *дойду*, которое осмысливается не столько как страна, сколько как родина вообще. Если «большая» родина имеет славу, то малая — хотя бы собственное название.

Описанные выше значения языковых репрезентаций, составляющие периферийную часть структуры концепта, позволяют интерпретировать лингвокультурный концепт *алаас* как гидрогеологический объект, исторически освоенный якутами-скотоводами в качестве среды обитания, обеспечивающей весь процесс их жизнедеятельности. Опыт культурного освоения аласной местности, отраженный в языке, показывает, что *алаас* осознается якутом как место рождения, постоянного проживания, ведения основной хозяйственной деятельности и проведения традиционных обрядовых празднеств, как малая родина.

Такое семантическое содержание анализируемого концепта прослеживается и на материале ассоциативного эксперимента как метода когнитивного исследования.

По данным «Ассоциативного словаря якутского языка», размещенного на сайте Новосибирского государственного университета (НГУ) [АСЯЯ], слово-стимул *алаас* ассоциируется прежде всего со словом *от* 'трава, сено' (92%). Очевидно, что это соотносится и с ландшафтной характеристикой аласа, и с основным видом хозяйственной деятельности якутов-скотоводов, для которых сено является главным жизнеобеспечивающим фактором.

Среди наиболее частотных реакций выделяются слова, характеризующие ландшафтные особенности строения аласа и типичную аласную растительность: *хонуу* 'луг' (73%), *сыһыы* 'равнина, луг, поляна' (53%), *толоон* 'долина' (46%), *күөл* 'озеро' (46%), *тыа* 'лес' (31%), *ойуур* 'лес' (27%), *ырааһыа* 'поляна' (13%), *от-мас* 'растительность' (8%), *аһаҕас сир* 'открытое место' (5%), *ньургунун* 'подснежник' (12%), *сибэкки* 'цветы' (12%), *мас* 'дерево' (3%), — а также выражающие качественные характеристики аласа, представленные прилагательными: *киэң* 'широкий' (65%), *төгүрүк* 'круглый' (47%), *улахан* 'большой' (32%), *ыраас* 'чистый' (17%), *кыраһыабай* 'красивый' (4%), *кэрэ* 'прекрасный, светлый' (3%), *баай* 'богатый' (1%), *киэң-куоң* 'обширный' (1%), *киэң нэлэмэн* 'просторный' (1%), *көнө* 'гладкий' (1%), *кэтит* 'широкий' (1%), *уулаах* 'с водоемом' (1%), *төкүнүк* 'круглый' (1%), *тымныы* 'холодный' (1%), *уһун* 'длинный' (1%), *үчүгэй* 'хороший' (1%) и т. д. Более трети испытуемых ассоциируют *алаас* с зеленым цветом — *күөх* 'зелень; зеленый' (38%). Лексический состав данной группы является свидетельством того, что языковое сознание носителей якутского языка отражает основное содержание концепта *алаас*.

В обиходном сознании якутов *алаас* также представляется местом проживания, домом: *олорор* 'живет' (34%), *олорор сир* 'место проживания' (34%), *тэлгэнэ* 'двор' (34%), *ураһа* 'ураса (летнее жилье)' (34%), *балаҕан* 'юрта' (34%), *дьиэ* 'дом' (18%), *дэриэбинэ* 'деревня' (14%), *сайылык* 'летник' (17%), *ти-эргэн* 'двор' (4%) и т. д.

Алаас ассоциируется с местом рождения, родиной: *дойду* 'страна' (39%), *сир* 'земля' (39%), *төрөөбүт дойду* 'родина' (10%), *төрөөбүт сир* 'родная земля' (9%), *Саха сирэ* 'Якутия' (9%), *төрөөбүт алаас* 'родной алас' (9%), *дойдум* 'моя родина' (9%), *төрөөбүт* 'где родился' (8%), *аҕам алааһа* 'отцовский алас' (3%), *төрүт сир* 'родные истоки' (3%). Примечательно и вполне естественно, что слово-стимул *алаас* вызывает у участников эксперимента реакции, связанные с конкретным местом их рождения: *төрөөбүт сирим* 'место, где родился' (1%), *төрүт* 'корень, основа' (1%), *төрүт дойду*

⁷ Значение 'свой, родной' в отношении местности маркируется аффиксами принадлежности при словоформе: *алаас-пыт-ыгар*, где *-пыт* — аффикс принадлежности 1 лица ед. ч.; *алааһ-ы-ттан*, где *-ы* — аффикс принадлежности 3 лица ед. ч.

‘исконное место’ (1%). Такой же реакцией обусловлены и названия местностей типа *Чурапчы* ‘Чурапча’ (2%), *Борофон* ‘Борогон’ (1%), *Өктөм* ‘Октем’ (1%), *Ньурба* ‘Нюрба’ (1%) и др.

Значительную часть реакций составляет лексика, связанная с важной составляющей хозяйственной деятельности якутов, привязанной к аласной местности, — с сенокосом: *ходуһа* ‘сенокосное угодье, покосный луг’ (16%), *оттуур сир* ‘сенокосное угодье, место покоса’ (15%), *оттооһун* ‘сенокос’ (7%), *от улэтэ* ‘сенокосная страда’ (4%), *оттуур алаас* ‘алас, где косят сено’ (2%), *оттуур ходуһа* ‘сенокосное угодье’ (2%), *от кэмэ* ‘время сенокоса’ (2%), *бугул* ‘копна’ (1%), *бугуллар* ‘копны’ (1%), *кэбиһиһилээх от* ‘стог сена’ (1%), *отуу* ‘шалаш’ (1%) и т. д.

Хозяйственная деятельность якутского населения, связанная с аласной местностью, проявляется в реакциях, соотносимых с животноводством: *ынах* ‘корова’ (4%), *ат* ‘конь’ (3%), *сылгы* ‘лошадь’ (1%) и т. д.

Алаас как место традиционного проведения национального праздника *ысыах* также находит отражение в эксперименте: реакция *ыһыах* составляет 4% от общего результата.

С учетом того, что в качестве испытуемых в эксперименте принимала участие в основном студенческая аудитория Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в возрасте от 19-ти до 25-ти лет, часть которой — представители городского населения, закономерным являются реакции, которые объединяют лексику со значением ‘заброшенное место, старина, предки’: *өтөх* ‘заброшенное место жилья’ (9%), *былыр* ‘древность’ (3%), *былыргы* ‘старинный, древний’ (2%), *былыргы дьон олоро сылдыбыт сирдэрэ* (1%) ‘место, где жили древние люди’, *бырабыллыбыт* ‘заброшенный’ (1%), *өбүгэлэрбит* ‘наши предки’ (1%) и т. д.

Часть реакций представляют слова, ассоциируемые по их употреблению в составе устойчивых сочетаний: *кыһа* ‘девушка’-PX3SG (8%) — по ассоциации с *алаас кыһа* ‘девушка с аласа’; *обото* (3%) ‘дитя’-PX3SG — часть сочетания *алаас обото* ‘дитя аласа’; *киһитэ* (4%) ‘человек’-PX3SG — *алаас киһитэ* ‘человек с аласа’; *уола* (2%) ‘парень’-PX3SG — *алаас уола* ‘парень с аласа’. Все это — обозначения простых, «деревенских» людей. 4% испытуемых выдают реакцию на этноним *саха*.

Определенное место в языковом сознании испытуемых занимают лексемы, связанные с традиционной культурой и верованиями: *сэргэ* ‘коновязь’ (5%), *сэргэлээх* ‘имеющий коновязь’ (1%), *ыабыһа* ‘большой берестяной сосуд для жидкости’ (1%), *алаадьы* ‘олады’ (1%), *байанай* ‘дух-хозяин леса, покровитель охоты’ (1%), *Уруң Аар тойон* ‘верховное божество’ (1%).

В языковом сознании молодого поколения носителей якутского языка обнаруживаются эмоциональные ассоциации, имеющие негативные коннотации: *дыра* ‘дыра, глухомань’ (1%), *абааһы* ‘злой дух, причиняющий людям вред’ (1%), *куттал* ‘страх’ (1%). Наличие подобных реакций может быть связано, с одной стороны, со стремлением представителей молодого поколения расширять культурные информационные пространства и соответствовать требованиям современного мира с выраженными проявлениями процессов глобализации, с другой стороны — с традиционными религиозными представлениями якутов, согласно которым заброшенные места (*өтөх*) считались нечистыми, населенными злыми духами, представляли определенную опасность и внушали страх. Как утверждает В. И. Карасик, «в ходе жизни языкового коллектива актуальность концептов (т. е. интенсивность оценки) может меняться. Концепт даже может менять оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный» [Карасик и др. 2009: 98].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что концепт *алаас* в якутской языковой культуре пронизывает своими корнями разные периоды жизни народа. Первоначально представлявший лишь понятие освоенной территории, являвшейся «местом проживания», впоследствии он расширился до понятия родины с разнообразными признаками особенностей жизнедеятельности, связанной с климатическими и природными условиями региона, и он имеет дальнейшую перспективу к изменениям. Данную статью можно рассматривать как предварительный результат исследования концептосферы народа саха.

Сокращения

Языки и диалекты

блр. — белорусский	дун.-булг. — дунайско-булгарский
болг. — болгарский	каз. — казахский
булг. — болгарский	ккалп. — каракалпакский
долг. — долганский	кр.-тат. — крымско-татарский
др.-болг. — древнеболгарский	крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
др.-тюрк. — древнетюркский	МК — язык Махмуда Кашгарского (XI в.)
др.-чеш. — древнечешский	ног. — ногайский

ОТю — общетюркский	тув. — тувинский
ПА — праалтайский	тур. — турецкий
ПТМ — пратунгусо-маньчжурский	туркм. — туркменский
ПТю — пратюркский	тюрк. — тюркские
ПЯп — праяпонский	укр. — украинский
рус. — русский	хак. — хакасский
сиб. — сибирские говоры	хорезм. — хорезмский
серб.-хорв. — сербохорватский	ц.-слав. — церковнославянский
словен. — словенский	чаг. — чагатайский
ср.-кор. — среднекорейский	чув. — чувашский
ст.-слав. — старославянский	шор. — шорский
тат. — татарский	якут. — якутский
тоф. — тофаларский	

Источники

- БАА Ө — *Бэрияк А. А.* Өлөксөөс. Якутскай, 1960.
 БС СС — *Багдарьын Сүлбэ.* Сири сиксигинэн. Дьокуускай, 1985.
 ГНА ЭБО — *Габьшев Н. А.* Эн биһикки олохпут. Якутскай, 1972.
 ДИК ӨХ — *Данилов И. К.* Өң хочото. Якутскай, 1967.
 К ТА — *Күндэ.* Талыллыбыт айымньылар. Якутскай, 1960.
 ПАЕ ОС — *Петров А. Е.* Отчуттарга сүбэлэр. Якутскай, 1977.
 ӨХ — Өс хоһоонноро. Якутскай, 1965.

Общие

- букв. — буквально
 геогр. — географический
 диал. — диалект, диалектный
 ед. ч. — единственное число
 РХЗSG — посессивный аффикс третьего лица единственного числа

Литература

- Аникин 2000 — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М. — Новосибирск, 2000. {*Anikin A. E.* Etimologičeskij slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovanija iz ural'skix, altajskix i paleoaziatskix jazykov. M. — Novosibirsk, 2000.}
- АСЯЯ — Ассоциативный словарь якутского языка // <http://adictsakha.nsu.ru/>, 2014. {*Associativnyj slovar' jakutskogo jazyka* // <http://adictsakha.nsu.ru/>, 2014.}
- Босиков 1991 — *Босиков Н. П.* Эволюция аласов Центральной Якутии. Якутск, 1991. {*Bosikov N. P.* Evol'ucija alasov Central'noj Jakutii. Jakutsk, 1991.}
- Бравина 2005 — *Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск, 2005. {*Bravina R. I.* Konceptcija žizni i smerti v kul'ture etnosa: Na materiale tradicij саха. Novosibirsk, 2005.}
- БТСЯЯ 2004 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1 (буква «А»). Новосибирск, 2004. {*Bol'šoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Vol. 1 (bukva "A").* Novosibirsk, 2004.}
- Гоголева и др. 1987 — *Гоголева П. А., Кононов К. Е., Миркин Б. М., Миронова С. И.* Синтаксономия и симфитосоциология растительности аласов Центральной Якутии. Иркутск, 1987. {*Gogoleva P. A., Kononov K. E., Mirkin B. M., Mironova S. I.* Sintaksonomija i simfitosociologija rastitel'nosti alasov Central'noj Jakutii. Irkutsk, 1987.}
- Данилова 2011 — *Данилова Н. К.* Традиционное жилище народа саха: Пространство. Дом. Ритуал. Новосибирск, 2011. {*Danilova N. K.* Tradicionnoe žilišče naroda саха: Prostranstvo. Dom. Ritual. Novosibirsk, 2011.}
- Десяткин 1984 — *Десяткин Р. В.* Почвы аласов Лено-Амгинского междуречья. Якутск, 1984. {*Des'atkin R. V.* Počvy alasov Leno-Amginskogo meždureč'ja. Jakutsk, 1984.}
- Дмитриев 1971 — *Дмитриев Е. М.* Новые данные о водах подозерных (подаласных) таликов западной части Центрально-Якутской низменности // *Новости геологии Якутии.* Вып. 1. Якутск, 1971. С. 63—66. {*Dmitriev E. M.* Novye dannye o vodax podozernyx (podalasnux) talikov zapadnoj časti Central'no-Jakutskoj nizmennosti // *Novosti geologii Jakutii.* Vol. 1. Jakutsk, 1971. P. 63—66.}

- Жирков 1983 — *Жирков И. И.* Морфогенетическая классификация как основа рационального использования охраны и воспроизводства природных ресурсов озер криолитозоны // Вопросы рационального использования и охраны природных ресурсов разнотипных озер криолитозоны. Якутск, 1983. С. 4—47. {*Žirkov I. I.* Morfogenetičeskaja klassifikacija kak osnova racional'nogo ispol'zovanija ohrany i vosproizvodstva prirodnyx resursov ozer kriolitozony // Voprosy racional'nogo ispol'zovanija i ohrany prirodnyx resursov raznotipnyx ozer kriolitozony. Jakutsk, 1983. P. 4—47.}
- Замалетдинов 2009 — *Замалетдинов Р. Р.* Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань, 2009. {*Zamaletdinov R. R.* Teoretičeskije i prikladnye aspekty tatarskoj lingvokul'turologii. Kazan', 2009.}
- Иванов 1984 — *Иванов М. С.* Криогенное строение четвертичных отложений Лено-Алданской впадины. Новосибирск, 1984. {*Ivanov M. S.* Kriogennoe stroenie četvertičnyx otloženij Leno-Aldanskoj vpadiny. Novosibirsk, 1984.}
- Карасик 2009 — *Карасик В. И.* Языковые ключи. М., 2009. {*Karasik V. I.* Jazykovye kl'uči. M., 2009.}
- Карасик и др. 2009 — *Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурная концептология. Учебное пособие. Волгоград, 2009. {*Karasik V. I., Krasavskij N. A., Slyškin G. G.* Lingvokul'turnaja konceptologija. Učebnoe posobie. Volgograd, 2009.}
- Комаров 1964 — *Комаров Ф. К.* Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964. {*Komarov F. K.* Slovar' russkoj transkripcii terminov i slov, vstrečajuščix'sja v geografičeskix nasvanijax Jakutskoj ASSR. M., 1964.}
- Конкашпаев 1951 — *Конкашпаев Г. П.* Казахские народные географические термины // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия географическая. Вып. 3, № 99. Алма-Ата, 1951. С. 3—47. {*Konkašpaev G. P.* Kasaxskie narodnye geografičeskije terminy // Izvestija Akademii nauk Kasaxskoj SSR. Serija geografičeskaja. Vol. 3, 99. Alma-Ata, 1951. P. 3—47.}
- Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984 // <http://www.scanlib.ru/>, 2014. {*Murzaev E. M.* Slovar' narodnyx geografičeskix terminov. M., 1984 // <http://www.scanlib.ru/>, 2014.}
- Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1. М., 1958. {*Pekarskij E. K.* Slovar' jakutskogo jazyka. Vol. 1. M., 1958.}
- Пестрякова и др. 2007 — *Пестрякова Л. А., Босиков Н. П., Ксенофонтова М. И.* Диатомовые комплексы и химизм воды термокарстовых озер Юкэчинского полигона // Наука и образование. 2007, 2 (46). С. 19—24. {*Pestr'akova L. A., Bosikov N. P., Ksenofontova M. I.* Diatomovye komplekсы i ximizm vody termokarstovyx ozer Jukečinskogo poligona // Nauka i obrazovanie. 2007, 2 (46). P. 19—24.}
- Попов 2003 — *Попов Г. В.* Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск, 2003. {*Popov G. V.* Etimologičeskij slovar' jakutskogo jazyka. Novosibirsk, 2003.}
- СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2000. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Ed. Tenišev E. R.* M., 2000.}
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912. {*Sreznevskij I. I.* Materialy dl'a slovar'a drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pam'atnikam. Vol. 1—3. SPb., 1893—1912.}
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1—43. Л. (СПб.), 1965—2010. {*Slovar' russkix narodnyx govorov.* Vol. 1—43. L. (SPb.), 1965—2010.}
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Т. 1—2. Л., 1975—1977. {*Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'čžurskix jazykov / Ed. Cincius V. I.* Vol. 1—2. L., 1975—1977.}
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1. Новосибирск, 2000. {*Tatarincev B. I.* Etimologičeskij slovar' tuvinskogo jazyka. Vol. 1. Novosibirsk, 2000.}
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1969. {*Tolstoj N. I.* Slav'anskaja geografičeskaja terminologija. M., 1969.}
- Толстой 1975 — *Толстой Н. И.* К проблеме значения слова в славянской исторической лексикологии и лексикографии // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Вып. 2. М., 1975. С. 47—51. {*Tolstoj N. I.* K probleme značeniija slova v slav'anskoj istoričeskoj leksikologii i leksigografii // Problemy slav'anskoj istoričeskoj leksikologii i leksigografii. Vol. 2. M., 1975. P. 47—51.}
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973. {*Fasmer M.* Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Vol. 1—4. M., 1964—1973.}
- ЭСГТ 1968 — Энциклопедический словарь географических терминов / Гл. ред. *Калесник С. В.* М., 1968. {*Enciklopedičeskij slovar' geografičeskix terminov / Ed. Kalesnik S. V.* M., 1968.}
- ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. {*Sevort'an E. V.* Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na glasnye. M., 1974.}
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy "Ž", "Ž", "J" / Avt. sl. st. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S.* M., 1989.}

ЭСЧЯ 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R. Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Vol. 1—2. Čeboksary, 1996.*}

Dybo 2010 — *Dybo A. Bulgars and Slavs: Phonetic features in early loanwords // Studies on the Turkic World: Festschrift in honour of Stanisław Stachowski / Ed. Mańczak-Wohlfeld E., Podolak B. Kraków, 2010. P. 21—40.*

EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.*

EDT — *Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.*

Erdal 1991 — *Erdal M. Old Turkic Word Formation. I—II. Wiesbaden, 1991.*

Kalużyński 1978 — *Kalużyński S. Этимологические исследования по якутскому языку // Rocznik Orientalistyczny. 1978, 39/2. P. 5—14. {Kalużyński S. Etimologičeskie issledovanija po jakutskomu jazyku // Rocznik Orientalistyczny. 1978, 39/2. P. 5—14.}*

Martin 1987 — *Martin S. E. The Japanese Language Through Time. New Haven — London, 1987.*

Pav. C. 1820 — *Pavet de Courteille M. Dictionnaire turc-oriental. Paris, 1820.*

Stachowski — *Stachowski M. Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.*

Stachowski 1993 — *Stachowski M. Geschichte der jakutische Vocalismus. Kraków, 1993.*

РЕЗЮМЕ

В данной статье якутская лексема *алаас* рассматривается как лингвокультурный концепт, традиционно связанный с природой, укладом жизни и хозяйственно-экономической спецификой области проживания носителей якутского языка.

SUMMARY

In the article *alaas* is considered as a lingvocultural concept traditionally associated with nature, lifestyle and household economic features of the area inhabited by the Yakut (Sakha) language speakers.

Ключевые слова: якутский язык, лингвокультурология, концепт, языковая картина мира

Keywords: the Yakut (Sakha) language, cultural linguistics, concept, language world picture

Указательные местоимения в турецком языке¹

Указательные местоимения, называемые также «демонстративами», во всех языках являются группой дейктических средств, т. е. служат для указания на степень удаленности объектов и последовательность событий относительно позиции говорящего (т. н. *я* или *ego*), в некоторых случаях — с учетом позиции слушателя. В основе дейктических систем всех языков лежит противопоставление «я — не я», составляющее универсальную оппозицию ближнего и дальнего дейксиса (*этом — тот*). В некоторых языках представлена трехчленная оппозиция дейктической лексики: ближнего, срединного и дальнего дейксиса [Апресян 1995: 631]. Также существуют и другие типы дейктических систем, включающие «индифферентный член», не маркированный по признаку близости / дальности [Падучева, Крылов 1983: 34]. Демонстративы используются как непосредственно в дейктической функции, т. е. в ситуации прямого диалога, так и в анафорической функции, т. е. участвуют в обеспечении семантической связности текста.

В турецком языке демонстративы представлены триадой *bu — şu — o*, члены которой используются как в качестве определений к существительным (*bu / şu / o araba* ‘эта / та машина’), так и самостоятельно — в сочетании с падежными и другими показателями в различных синтаксических функциях: *bu-nun üst-ün-de* букв. ‘это’-GEN ‘верх’-PX3SG-LAT → ‘на этом’; *o-na göre* букв. ‘тот’-DAT ‘по’ → ‘в соответствии с тем’; *Ban-a şu-nu ver-di* букв. ‘я’-DAT ‘это’-ACC ‘дать’-PST3SG → ‘Он дал мне это’. *O* является также стандартным местоимением третьего лица единственного числа (3SG). Все указательные местоимения в той или иной степени могут сопровождаться указывающим жестом, однако, как показывают наши наблюдения, наибольшая потребность в этом ощущается при использовании *şu*.

Все три указательных местоимения зафиксированы в [ДТС 1969] в формах *bu* ‘этот’, *şul* ‘тот, вот тот’ (в приводимом примере — ‘упомянутый выше’) и *ol* ‘тот’. В словаре турецкого языка на сайте Турецкого лингвистического общества [TDK] указывается на трехчленность дейктической оппозиции; слова *bu*, *şu* и *o* отнесены к классам прилагательных или местоимений в зависимости от синтаксических функций. Судя по данным [TDK], все три слова используются в пространственном и временном дейксисе, а также в анафоре. Для *bu* и *şu* указывается возможность использования вместе с указывающим жестом; для *o* указывается значение личного местоимения третьего лица единственного числа (3SG).

В [ТРС 1977] приводятся следующие эквиваленты: *bu* ‘этот’, ‘это’; *şu* ‘(вот) этот, тот’, ‘нижеследующий’; *o* ‘он, она, оно; тот, та, то; это’, ‘тот, та, то (как определение)’, ‘такой, такая, такое’.

В грамматике турецкого языка [Кононов 1956: 95] отмечается, что при выражении пространственных отношений указательное местоимение *bu* используется для указания на близкий или известный предмет, *o* — для указания на удаленный или неизвестный предмет, *şu* имеет значение, близкое к *bu*, а «для выражения хронологического соотношения: *bu* ‘вышеупомянутый’ (т. е. ‘то, о чем уже была речь’), *şu* ‘нижеупомянутый, нижеследующий’ (т. е. ‘то, о чем речь будет в ближайшем будущем’)».

В учебнике турецкого языка [Щека 1996: 20—21] указывается следующее: «Местоимение *bu* обозначает предмет, находящийся на самом близком расстоянии от говорящего. (...) Местоимение *şu* указывает на более отдаленный предмет или на предмет, о котором речь пойдет далее. (...) Местоимение *o* указывает на наиболее удаленный предмет; оно также совпадает с личным местоимением третьего лица ед<инственного> числа (он; она)».

В учебнике турецкого языка [Кузнецов 1999: 36—37] перечислены словарные значения указательных местоимений: *bu* ‘этот, эта, это’, *şu* ‘(вот) этот, эта, это; следующее’, *o* ‘тот, та, то; он, она, оно’, — а также поясняется, что «указательные местоимения (...) *bu*, *şu*, *o* (одновременно являющиеся, в первую очередь *o*, также и личными) употребляются: 1) в синтаксически независимой позиции (подлежащее, сказуемое и пр.) и 2) в позиции определения, как это свойственно и русскому местоимению *это* (ср. *это — окно* и *это окно большое*)».

В учебнике турецкого языка [Дудина 2007: 6] приводятся только словарные значения: *bu* ‘этот, эта, это, эти’; *şu* ‘вот (вон) этот, эта, это’; *o* ‘он, она, оно’, ‘тот, та, те’.

Автор подготовленного в университете Богазичи (г. Стамбул) учебника турецкого языка для иностранцев ограничивается эквивалентами трех указательных местоимений в диалогах: *bu* ‘this’ (т. е. ‘этот’), *şu* ‘that’ (т. е. ‘тот’) и *o* ‘that’ (т. е. ‘тот’) [Sebüktekin 2006]. В отличие от всех указанных учебников автор настоящего является носителем турецкого языка.

¹ Благодарю Аслы Гюрсес и Седата Демирза за помощь в подготовке статьи.

Таким образом, единой точки зрения на условия использования каждого из указательных местоимений не существует. Авторы указывают на трехчленность оппозиции указательных местоимений и подчеркивают особый статус *o* как местоимения третьего лица. Функция *şu* рассматривается или как катафора ('вот этот', 'вот тот'), или как определение для среднеудаленных объектов. Не проводится разграничение между собственно дейксисом и анафорой, пространственным и временным дейксисом. Все приведенные толкования можно в той или иной степени считать фрагментами общей картины, но вопрос о соотношении значений и функций трех указанных членов оппозиции в целом остается открытым и может быть решен только с учетом общих принципов функционирования дейктической лексики.

Как было отмечено выше, дейктические указания всегда эгоцентричны, т. е. основным ориентиром при характеристике положения объектов в пространстве и событий во времени является говорящий [Апресян 1995: 631]. При этом важно не только его присутствие, но и его представление о том, каковы положение и размеры пространства, в котором он себя мыслит, — «пространства говорящего» [Апресян 1995: 637]. Исходя из этого, можно заключить, что указательные местоимения в русском языке имеют следующие значения: «ЭТОТ = 'находящийся в пространстве, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя'. ТОТ = 'находящийся в пространстве, отличном от того, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя'» [Апресян 1995: 636]. Во многих случаях «для пространственного дейксиса существенна, помимо говорящего, еще одна фигура — наблюдатель» [Апресян 1995: 633].

Универсальность противопоставления ближнего и дальнего дейксиса позволяет распространить два приведенных выше определения и на турецкий язык, где он представлен указательными местоимениями *bu* 'этот' и *o* 'тот': *Bu çocuk o kızı seviyor* 'Этот парень любит ту девушку'.

1. Ситуация прямого диалога

1.1. Неодушевленный объект

Трехчленность оппозиции дейктической лексики в турецком языке не вызывает сомнений, т. к. в отношении разноудаленных объектов функция *bu* — *şu* — *o* может заключаться в характеристике степени их удаленности от говорящего: *bu bina* 'это (т. е. находящееся непосредственно рядом с участниками диалога) здание' — *şu bina* 'это / то (т. е. среднеудаленное) здание' — *o bina* 'то (т. е. наиболее удаленное) здание'. Необходимо учитывать, что в ситуации такого рода позиция говорящего практически совпадает с позицией его собеседника, а объекты находятся в одной плоскости с ними: очевидно их взаимное расположение, и самый дальний объект находится в пределах достижимости человека.

В случае «макроситуации», когда речь идет об объектах, взаиморасположение которых не столь очевидно (например, о летящих самолетах), опрос носителей турецкого языка показал, что оппозиция по дальности фактически снимается, и по усмотрению говорящего (например, в соответствии с визуальными размерами наблюдаемых самолетов или с последовательностью указания на них) применимы все три указательных местоимения, т. е. практически *bu uçak* = *şu uçak* = *o uçak*. По мнению некоторых носителей, в данном случае более корректным является не использование самих указательных местоимений, а привязка объектов к определенной части окружающего пространства: *şura-da-ki uçak* букв. 'среднеудаленное_место'-ЛОС-'который' 'самолет' → 'находящийся вот там / тут самолет'; *ora-da-ki uçak* букв. 'удаленное_место'-ЛОС-'который' 'самолет' → 'находящийся там самолет' (определение *bura-da-ki* букв. 'прилежащее_место'-ЛОС-'который' → 'находящийся вот тут (самолет)' в данном случае естественным образом исключается), — за счет чего они полностью выводятся в удаленную от собеседников зону.

Оппозиция по дальности фактически снимается также в случае, когда указание направлено на мелкие объекты, расположенные в непосредственной близости от находящихся рядом друг с другом собеседников («микроситуация»). Например, если собеседники стоят перед витриной с мелкими объектами, использование в отношении них указательных местоимений достаточно произвольно и имеет целью главным образом версификацию высказываний. В «микроситуации» несколько менее употребительно местоимение *o*.

Как показано ниже, сущность оппозиции указательных местоимений не исчерпывается лишь противопоставленностью по дальности. Необходимость дейктической ситуации для выяснения функций указательных местоимений делает возможным исследование только на основе наблюдения или моделирования реальных ситуаций. С целью выяснения условий использования каждого из местоимений нами было проведено анкетирование двух групп носителей — в большинстве своем студентов, а также некоторых сотрудников университета. Множественность факторов, влияющих на выбор местоимения, определяет разброс ответов респондентов. Кроме того, относительно низкий уровень нормированности современного турецкого языка, особенно разговорного, а также небрежное отношение многих носителей к

использованию его средств существенно затрудняют оценку результатов исследований с привлечением респондентов. В ходе нашего анкетирования респондентам предлагалось два сценария; количество возможных ответов на вопрос не ограничивалось. Сходство в распределении ответов в обеих группах говорит о достоверности полученных результатов.

Важно отметить, что обязательным условием использования *şu* для характеристики положения окружающих объектов является **наличие диалога**. В монологическом книжном описании положение объектов может быть охарактеризовано только в рамках оппозиции дальнего и ближнего дейксиса. Кроме того, *şu* **инициирует ответную реплику** собеседника и по этой причине исключается в ответах на заданный вопрос: — *Şu ne?* — *Bu kalem.* — ‘Что это?’ — ‘Это ручка’.

Сценарий 1. Вы находитесь в магазине и хотите сообщить собеседнику, что вам понравилось одно из платьев. Какое местоимение вы употребите, если: *а)* платье надето на вас; *б)* платье находится у вас в руках; *в)* платье висит на стенде перед вами; *г)* платье висит на витрине; *д)* платье находится в руках собеседника?

Группа 1

местонахождение предмета	<i>bu</i>	<i>şu</i>	<i>o</i>
а) на вас	16	1	
б) у вас в руках	13	6	
в) на стенде перед вами	2	13	3
г) на витрине	5	13	5
д) в руках у собеседника	6	3	12

Группа 2

местонахождение предмета	<i>bu</i>	<i>şu</i>	<i>o</i>
а) на вас	19	1	
б) у вас в руках	17	3	
в) на стенде перед вами	2	16	3
г) на витрине	2	15	4
д) в руках у собеседника	4	4	13

Ответы респондентов показывают, что в ситуации *а)* практически возможно, а в ситуации *б)* предпочтительно местоимение *bu*, в ситуациях *в)* и *г)* предпочтительно *şu*, а в ситуации *д)* предпочтительно *o*. На выбор результата, естественно, влияло и то, каким образом респонденты мысленно «расставляли» в пространстве участников коммуникативной ситуации и предметы, а также возможность сопровождения высказывания указывающим жестом. Так, в ситуации *б)* наличие значительного количества ответов *şu* определяется возможностью в этом случае, в отличие от *а)*, протянуть предмет по направлению к собеседнику; распределение ответов в ситуациях *в)* и *г)* очевидно зависит от степени предполагаемой удаленности витрины или стенда от говорящего, а в ситуации *д)* — от расстояния между собеседниками. По прямому указанию некоторых респондентов, местоимение *şu* можно использовать во всех случаях, когда платье находится не у говорящего, а в ситуации, когда говорящий указывает на платье на витрине, наиболее уместны определения *o* или *oradaki* ‘находящийся там’ (как и в ситуации с самолетами).

В целом можно говорить о том, что местоимение *bu* относит предмет обладания к «пространству говорящего», которое может восприниматься им суженно (т. е. ‘мое пространство’ — это только ‘то, что находится непосредственно у меня / на мне’) или более широко (если в него включается находящееся непосредственно рядом с говорящим — приблизительно на расстоянии вытянутой руки: собеседник, стенд или витрина). Достаточно большое количество ответов *şu* в ситуации *б)* определяется потребностью в указывающем жесте, что более очевидно проявляется в ситуациях *в)* и *г)*. При этом *şu* выводит указываемый предмет из «пространства говорящего», несмотря на достаточную пространственную близость.

Использование *şu* в отношении предмета, находящегося в руках говорящего или на нем, возможно с целью выражения самоотстранения говорящего от указанного предмета и сопровождается характерным жестом, при котором говорящий слегка оттягивает рукой надетый на него предмет или, взяв его в руку, протягивает его по направлению к собеседнику, т. е. практически удаляет из собственного пространства (ср. выше, *Сценарий 1*, ситуация *б)*): *Al şunu!* ‘Возьми это!'; *Şu kokmuş tişortu elimden alırsın!* ‘Забери у меня (букв. ‘из моей руки’) эту вонючую футболку!'; *Şu hırka çok eski* ‘Эта кофта очень старая!’ (о коф-

те, надетой на говорящего). Такая совмещенность местоимения с жестом приводит к соотносению его с русским катафорическим 'вот этот'.

Местоимение *o* сигнализирует об отстраненности предмета от говорящего. Предмет, находящийся в «пространстве собеседника», выводится большинством респондентов из «пространства говорящего».

Сценарий 2. Говорящий сидит за столом. У него есть ручка (*a*), но она не пишет. Он сообщает об этом собеседнику, сидящему за соседним столом, и просит его передать ему другую ручку, которая: *б*) лежит на столе собеседника; *в*) находится в руках у собеседника; *г*) лежит на третьем столе, значительно удаленном от говорящего и несколько удаленном от его собеседника. В отличие от *Сценария 1* в данном случае предмет обладания не «бесхозен», а принадлежит одному из собеседников (*a*, *б*, *в*) и не надет на говорящего, а также более точно определено расположение объектов.

Группа 1

местонахождение предмета	<i>bu</i>	<i>şu</i>	<i>o</i>
а) у вас	17		
б) на столе собеседника	1	11	4
в) в руках собеседника		5	13
г) на третьем столе		12	8

Группа 2

местонахождение предмета	<i>bu</i>	<i>şu</i>	<i>o</i>
а) у вас	22		
б) на столе собеседника	2	18	5
в) в руках собеседника	3	9	12
г) на третьем столе		11	15

Ответы респондентов показывают, что при таком сценарии в отношении собственной ручки говорящий может использовать только местоимение *bu*. Название предмета, не принадлежащего собеседнику, сопровождается большинством референтов местоимением *şu* (ситуации *б*) и *г*), а предмета, явно входящего в «пространство собеседника» (ситуация *в*)), как и в *Сценарии 1*, — местоимением *o*. Фактическая удаленность предмета от говорящего не имеет решающего значения, т. к. ручка, расположенная на третьем столе, наиболее удаленном от говорящего, сопровождается одинаковым количеством респондентов определениями *şu* и *o*.

Что касается зависимости выбора указательного местоимения от ориентации тела говорящего, то проведенные с носителями опыта показали, что *bu* соотносится только с объектами, расположенными в зоне видимости, а объекты, находящиеся за спиной, могут характеризоваться с помощью *şu* и *o*, сопровождаемых указывающим жестом пальцем за спину: *Bana şu / o tornavidayı uzatır mısın* 'Поддай мне ту отвертку' (об отвертке, находящейся за спиной у говорящего, если он не может оторваться от работы и взять ее самостоятельно).

Таким образом, можно сделать следующие выводы, касающиеся использования указательных местоимений в ситуации прямого диалога в отношении неодушевленных объектов при несовпадении позиций говорящего и его собеседника:

1) местоимение *bu* указывает на расположение объекта в «пространстве говорящего» и в поле его зрения;

2) местоимение *şu* указывает на расположение предмета вне «пространства говорящего» и, как правило, на относительную близость объекта к говорящему;

3) местоимение *o* указывает на расположение предмета вне «пространства говорящего» и на относительную удаленность предмета от говорящего или на расположение его в «пространстве собеседника».

При характеристике положения объектов, находящихся на значительном или неопределенном удалении от обоих собеседников, а также в непосредственной близости от обоих, оппозиция *bu* — *şu* — *o* может сниматься, а также могут использоваться выражения, привязывающее объект к определенной части пространства (*buradaki*, *şuradaki*, *oradaki*).

В соответствии с классификацией А. Фрея, существуют двухчленные и трехчленные дейктические системы [Frei 1944: 113]. Двухчленные системы строятся по принципу 'близкий ко мне' (А) — 'далекий от меня' (В), а в трехчленных системах выделяются члены 1 = 'близкий ко мне', 2 = 'близкий к тебе' и 3 = 'далекий' [Падучева, Крылов 1983: 34].

A
B

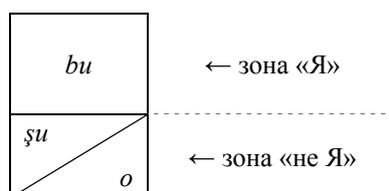
1
2
3

А. Фрей относит турецкий язык к трехчленному типу [Frei 1944: 122], основываясь на данных, приведенных в грамматике турецкого языка [Godel 1945], однако в другом месте в той же статье он указывает, что системы, включающие три члена, могут быть на самом деле двухчленными, а та или другая зона может быть представлена двумя местоимениями [Frei 1944: 114].

A
B ₁
B ₂

A ₁
A ₂
B

Судя по приведенным выше сценариям, в турецком языке представлена левая из этих двух схематически изображенных систем, т. к. *şu* не может быть охарактеризовано как ‘близкий к тебе’; *şu* и *o* в равной степени выводят объект из «пространства говорящего», между ними существует лишь относительная разница по удаленности от говорящего: *şu* в несколько большей степени, чем *o*, пригоден для характеристики не очень удаленных объектов, при этом *o* предпочтительно при определении предмета, находящегося у собеседника. Главная же особенность *şu*, как указывалось выше, состоит в маркировании ситуации прямого диалога, в т. ч. иницирующей реплики (ср. функцию междометия *a* в русских диалогах: *A это что еще такое?*; *A вот и мы!*). Исходя из этого, сферы значений указательных местоимений правильно было бы изобразить следующим образом:

Такое положение соответствует тому, как английские эквиваленты турецких указательных местоимений приведены в учебнике [Sebüktekin 2006], т. е. эквивалентом для *şu* и *o* в двухчленных системах является ‘тот’. Кроме того, оказывается, что в современном турецком языке практически сохранилась древнетюркская система указательных местоимений [ДТС 1969], а также, в отличие от некоторых других языков, не произошло развития «двухзонной» системы в «трехзонную» (в терминологии А. Фрея — «двухчленной» системы в «трехчленную» [Frei 1944: 128]).

Все, сказанное выше о функциях *bu* — *şu* — *o*, напрямую не связано с их переводом на русский язык, т. е. на практике *şu* может переводиться и как ‘этот’, и как ‘тот’, поскольку, по нашим наблюдениям, в отношении указательных местоимений в двух языках не совпадают границы пространства говорящего: в турецком оно значительно уже — распространяется примерно на расстояние вытянутой руки и в большей степени соответствует границе пространства говорящего в русском выражении *у меня*. В обоих языках пространство говорящего ограничено также полем его зрения [Апресян 1995: 637].

1.2. Одушевленный объект

Хотя в целом не существует «единства мнений по поводу обоснованности включения в дейксис оппозиций по вежливости» [Падучева, Крылов 1983: 53], нельзя не указать на особенности использования демонстративов в отношении лиц в турецком языке. Местоимения *bu* — *şu* — *o* не противопоставлены по одушевленности / неодушевленности и по полу. Стандартным местоимением третьего лица единственного числа (3SG) является *o*, однако в отношении присутствующего третьего лица или непосредственно собеседника возможно также использование *bu* и *şu*: коммуникативные стандарты не исключают в этом случае использования *bu* в отношении младших по возрасту или низших по социальному положению лиц.

Невежливым, даже оскорбительным, может являться использование в отношении присутствующих только местоимения *şu* (аналогично русскому ‘этот’ в отношении присутствующего лица), за исключением случаев, когда говорящий стремится выразить возмущение словами, действием, внешним видом и т. д. присутствующего лица, также младшего по возрасту или низшего по социальному положению, или же, напротив, свою особую симпатию к нему (например, к ребенку или домашнему животному): *Şuna bakar mısın!* ‘Ты только посмотри на него!’ (‘Какой он милый, красивый!’ и т. д. или ‘Что он гово-

рит, делает, надел!» и т. д.); *Şunun güzelliğine bakar mısın!* ‘Ты посмотри, какой он красивый!’; *Şu ananı kızdırma!* ‘Не заставляй маму сердиться!’ (ребенку о присутствующей матери). Таким образом, в отношении одушевленных объектов *şu* сохраняет свои функции — маркирование прямого диалога и инициирующей реплики.

2. Временной дейксис

Важной чертой, отличающей временной дейксис от пространственного, является то, что «временная точка отсчета — *сейчас* — одна и та же для говорящего и слушающего» [Апресян 1995: 633]. Временные представления отличаются от пространственных также своей двумерностью: во многих современных языках события представляются расположенными на временной оси и в той или иной степени удаленными от настоящего момента по направлению «вперед» / «назад» или совпадающими с ним.

В турецком языке отдаленные по времени события и точки на временной оси характеризуются с помощью местоимени *o*, а разные по длительности интервалы, включающие настоящий момент, и события, близкие к настоящему моменту, — с помощью местоимения *bu*: *bu saatte* ‘в этот час’, *o saatte* ‘в тот час’; *bu hafta* ‘на этой неделе’, *o hafta* ‘на той неделе’; *bu akşam* ‘в этот вечер, этим вечером’, *o akşam* ‘в тот вечер’; *bu yıl* ‘в этом году’, *o yıl* ‘в том году’; *bu olay* ‘это событие’, *o olay* ‘то событие’; *bu sözü* ‘эти его слова’, *o sözü* ‘те его слова’; *bu davranışın* ‘этот твой поступок’, *o davranışın* ‘тот твой поступок’.

Местоимение *şu* во временном дейксисе применимо в ситуации, когда говорящий обращается к собеседнику, указывая на краткий временной интервал неточной длительности, включающий настоящий момент: *şu an* ‘в настоящий момент’ (букв. ‘этот момент’), *şu sıralar* ‘в настоящее время’ (букв. ‘эти последовательности, эти ряды, эти очереди’), *şu ara* ‘в настоящее время’ (букв. ‘этот промежуток’), *içinde bulunduğumuz şü günlerde* ‘в наши дни’ (букв. ‘внутри (которых) мы находимся в эти дни’). При этом собеседник может быть не только действительным, но и виртуальным, например, в случае, если обращение осуществляется с помощью технических средств: *Şu an dikkatimiz Türkiye üzerinde* ‘В настоящий момент (букв. ‘этот момент’) наше внимание сосредоточено на Турции’; *Şu ara internette en çok izlenen videoyu izle* (facebook) ‘Посмотри видео, которое сейчас (букв. ‘этот промежуток’) чаще всего смотрят в интернете’; *Şu sıralar hiç gülesim yok...* (facebook) ‘Мне теперь (букв. ‘эти очереди’) совсем не до смеха...’; *Şu günlerde bir şeyler yiyebiliyor musunuz? Ben sadece içebiliyorum bu yüzden sorayım dedim* (facebook) ‘Вы в последние дни (букв. ‘в эти дни’) можете что-нибудь есть? Я могу только пить, поэтому и решил спросить’. За счет этого приема достигается своего рода «эффект присутствия» собеседника.

Использование указательных местоимений в диалоге в **недейктической ситуации** (или — при широком понимании дейксиса — при неситуационно-наглядном употреблении) имеет некоторую специфику. *Bu* возможно в отношении объектов, о которых речь идет в текущий момент: *Bana bu kitabı getirir misin* ‘Ты принесешь мне эту книгу?’ (т. е. книгу, о которой мы сейчас говорим). *O* применимо в отношении объектов, наличествующих в прошлом или в будущем: *O arabayı bir yıl önce almıştım* ‘Я купил ту машину год назад’ (о машине, которая упоминалась ранее); *O parayı bana getireceksin* ‘Ты принесешь те деньги мне’ (о деньгах, которые окажутся у собеседника в будущем). *Şu* указывает на обоюдную осведомленность собеседников об объекте высказывания, и обычно условием является использование в предложении глаголов высказывания в той или иной форме: *Bana şü bahsettiğin kitabı getirirmisin* ‘Ты принесешь мне ту книгу, о которой говорил?’; *Sana şü öğrencimi anlattım ya* ‘Я же рассказывал о том моем ученике’; *Şu saatte buluşalım diyecüksin* ‘Ты скажешь: давай встретимся тогда-то’ (букв. ‘в тот час’); *Şunu şünü uaptım diyecüksin* ‘Ты скажешь: я сделал то-то и то-то’ (букв. ‘то’-АСС ‘то’-АСС).

В **недейктической ситуации**, а также в **анафоре** местоимение *bu*, как правило, указывает на упомянутый ранее объект или факт, а функцией *şu* (чаще всего в форме винительного падежа) в совокупности с глаголом высказывания является присоединение к основному предложению вторичного — составляющего содержание сообщения (т. е. ‘сказал / скажу вот что’, ‘написал / напишу вот что’ и т. д.). В этом случае конструкция «*şu* + глагол высказывания» располагается непосредственно перед присоединяемым предложением, часто оформленным в виде прямой речи: *Sana şünü diyebilirim...* ‘Я тебе вот что могу сказать...’. Достаточно высокая частотность таких конструкций в текстах объясняется стремлением облегчить построение и понимание осложненных предложений, т. к. обычная синтаксическая структура предложения в турецком языке предполагает, что глагол, соответствующий глаголу главного предложения в русском (*он сказал, что...; они знали, что...* и т. д.), должен находиться на последней позиции².

² Эта особенность структуры турецкого языка является причиной распространенности морфологических форм, позволяющих упростить синтаксические конструкции: например, перфектной формы со значением «заглаз-

В качестве иллюстрации к анафорическому использованию местоимения *şu* мы провели анализ текста романа Орхана Памука (Orhan Pamuk) «Черная книга» (“Kara Kitap”), который показал, что, несмотря на приближенный к разговорному стиль этого произведения, вследствие отсутствия ситуации прямого дейксиса местоимение *şu* использовано всего 58 раз — несравнимо меньше *bu* (около 1200) и *o* (около 650). Наибольшее количество использований приходится на прямую речь героев (11 раз), введение прямой или косвенной речи (30 раз), воспроизведение прямой речи (*ekmek şu kadardı* ‘хлеб стоил столько-то’, букв. ‘до этого’; *şundan bundan konuşmak* ‘говорить о том, о сем’, букв. ‘от того, от этого’). Во многих случаях использование *şu* представляет собой стилистический инструмент автора, позволяющий создать атмосферу прямого общения с читателем: вне прямой речи героев *şu* используется три раза при указании временных отрезков неточной длительности (*şu anda* ‘в настоящий момент’, *şu günlerde* ‘в эти дни’), три раза — в прямых обращениях к читателю (*Şimdi, şu yazacaklarımı okudukça, anlattığım yüzleri bir bir gözünüzün önüne getirin lütfen* ‘Теперь, по мере того как вы будете читать то, что я буду писать, пожалуйста, постарайтесь представить себе каждое из описываемых мной лиц’), редактору и в риторическом вопросе, а также в риторических вопросах к героям романа. В романе имеются примеры употребления *şu*, в которых указание касается рассказанного не только ниже, но и выше по тексту — в зависимости от временной формы глагола: *Bir hikâyeye benzeyen o köşe yazısında ihtiyar köşe yazarı şu dinediğiniz hikâyedeki gibi anlatılıyormuş* ‘Оказывается, в том, похожем на рассказ, фельетоне о старом фельетонисте повествуется, как в **⟨той⟩** прослушанной вами истории’; ср. в [ДТС 1969]: *şul buyünü* ‘того оленя’ (который был упомянут выше).

Сокращения

- букв. — буквально
 ACC — аккузатив (винительный падеж)
 DAT — датив (дательный падеж)
 GEN — генитив (родительный падеж)
 LAT — латив (направительный падеж)
 LOC — локатив (местный падеж)
 PST — прошедшее время
 PX — посессивный аффикс
 SG — единственное число
 3 — третье лицо

Литература

- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 629—650. {*Apres'an Ju. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira* // *Apres'an Ju. D. Izbrannye trudy. Vol. 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija*. М., 1995. P. 629—650.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar' / Ed. Nadel'aev V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormušin I. V., Let'agina N. I., Tuguševa L. Ju. L.*, 1969.}
- Дудина 2007 — Дудина Л. Н. Турецкий язык: Практический курс. М., 2007. {*Dudina L. N. Tureckij jazyk: Praktičeskij kurs*. М., 2007.}
- Кононов 1956 — Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1956. {*Kononov A. N. Grammatika tureskogo jazyka*. М.—Л., 1956.}
- Кузнецов 1999 — Кузнецов П. И. Учебник турецкого языка: Начальный курс. М., 1999. {*Kuznecov P. I. Učebnik tureskogo jazyka: Načal'nyj kurs*. М., 1999.}
- Падучева, Крылов 1983 — Падучева Е. В., Крылов С. А. Дейксис: Общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая реальность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1983. С. 34—47. {*Padučeva E. V., Krylov S. A. Dejksis: Obščeteoretičeskie i pragmatičeskie aspekty // Jazykovaja real'nost' v aspekte lingvističeskoj pragmatiki*. М., 1983. P. 34—47.}

ности» (*O gelmiş* ‘Говорят), он пришел’), конструкции «уверенного предположения» (— *Orada banka var mı? — Vardır.* — ‘Там есть банк?’ — ‘Я думаю), есть’).

TPC 1977 — Турецко-русский словарь / Ред. Баскаков А. Н. М., 1977. {Turecko-russkij slovar' / Ed. Baskakov A. N. M., 1977.}

Щека 1996 — Щека Ю. В. Интенсивный курс турецкого языка. М., 1996. {Ščeka Ju. V. Intensivnyj kurs tureckogo jazyka. M., 1996.}

Frei 1944 — Frei H. Systèmes de déictiques // Acta Linguistica. 1944, vol. 4, № 1. P. 111—129.

Godel 1945 — Godel R. Grammaire turque. Genevre, 1945.

Sebüktekin 2006 — Sebüktekin H. Turkish for Foreigners. Cilt 1. İstanbul, 2006.

TDK — Официальный сайт Турецкого лингвистического общества: Türk Dil Kurumu (TDK) // www.tdk.gov.tr, 2012. {Oficial'nyj sajt Tureckogo lingvističeskogo obščestva: Türk Dil Kurumu (TDK) // www.tdk.gov.tr, 2012.}

РЕЗЮМЕ

В статье исследуется использование указательных местоимений *bu*, *şu* и *o* в современном турецком языке в пространственном и временном дейксисе, недейктической ситуации и анафоре в отношении разных типов объектов; определяется функциональная специфика местоимения *şu*.

SUMMARY

The author investigates the use of the demonstrative pronouns *bu*, *şu* and *o* in the modern Turkish language in spatial and time deixis, non-deixis situation and anaphora with different types of objects. The author also deals with the functional specificity of the pronoun *şu*.

Ключевые слова: турецкий язык, демонстративы, указательные местоимения, дейксис, анафора

Keywords: Turkish, demonstratives (deictic words), demonstrative pronouns, deixis, anaphora

**Антонимические и синонимические корреляции в структуре
лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке
(на примере глаголов мимико-звуковых групп смеха и плача)**

Обращение к проблеме лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) как к особой, многосложной, иерархической системе языка является актуальным в лексикологии не только хакасского языка, но и других тюркских языков Южной Сибири. Актуальность исследования различных глагольных ЛСГ определяется, во-первых, недостаточной разработанностью теоретической лексикологии этих языков и малой изученностью ЛСГ глагольных лексем, во-вторых, необходимостью выяснения статуса данной ЛСГ в общеязыковой структуре и, в-третьих, необходимостью детального описания парадигматики (т. е. представления в разного рода классификациях, в т. ч. в словарях) и синтагматики (т. е. особенностей сочетаемости и функционирования в тексте) глагольных слов. Таким образом, подход к изучению ЛСГ глаголов как одной из микросистем языка предусматривает сочетание парадигматических характеристик исследуемых глаголов с их синтагматическими параметрами, поскольку сочетаемостные возможности глагола зависят от его семной структуры. В исследовании ЛСГ предполагается выделение в значениях глаголов тождественных и дифференциальных сем при их сравнении с идентификатором. С названным подходом тесно связан подход синтагматический, т. к. принадлежность к определенной группировке обычно предполагает однотипную сочетаемость.

ЛСГ в разных языках имеют схожую структуру (что подчеркивает общность человеческого мышления), но абсолютной четкой системности в построении, объеме и конфигурации лексических объединений нет: являясь незамкнутой, подвижной системой, лексика в полной мере отражает обусловленность языковой структуры человеческим фактором. Вопросам ЛСГ в русском языке посвящены работы таких авторов, как Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, Е. Е. Жуковская, Анна А. Зализняк, Э. В. Кузнецова, Н. И. Шапилова и др. [Апресян 1967; Шапилова 1967; Васильев 1971; Жуковская 1971; Кузнецова 1979; Зализняк 1983; Бабенко 1985; Апресян 1995]. В этих работах затрагиваются проблемы описания и анализа эмотивной лексики с различных точек зрения: это семантическая структура слова, классификация в функционально-семантическом плане, языковые средства выражения эмоций, специфические и синтаксические средства номинации эмоциональной деятельности, разработка психолингвистической теории эмоциональности слова. В частности, в работе Л. М. Васильева, посвященной глаголам говорения, эмоции и поведения, выделяются семантические признаки данных глаголов, производится их лексико-семантическая классификация [Васильев 1971].

Изучению ЛСГ глагольной лексики в тюркских языках положил начало Н. К. Дмитриев, выделив семантические группы глаголов речи, активного действия и движения [Дмитриев 1962]. Впоследствии к изучению отдельных ЛСГ обращались А. А. Юлдашев, К. Халиков, М. Оразов, А. М. Сарыбаева, Ю. В. Псянчин, А. Т. Тыбыкова, М. Г. Усманова и др. [Юлдашев 1961; Халиков 1967; Оразов 1983; Сарыбаева 1988; Псянчин 1990; Тыбыкова 1991; Усманова 2002]. В последние годы на материале тюркских языков Южной Сибири проблемами ЛСГ занимаются представители Новосибирской научной школы. Т. А. Козырев выявил основные эмотивные глаголы в четырех тюркских языках (алтайском, хакасском, тувинском и казахском), сравнил их в историческом плане (по фиксации в письменных памятниках) и проследил их семантическую эволюцию [Козырев 1999]. Также были исследованы глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке [Саналова 2004], глаголы поведения [Салчак 2005] и глаголы движения в тувинском языке [Барыс-Хоо 2006]. В хакасском языке системно описаны пока две ЛСГ глаголов — говорения [Чертыкова 1996, 2005] и движения [Чугунекова 2002]. Остальные ЛСГ глаголов в тюркских языках Южной Сибири еще ждут своих исследователей.

Традиционно ЛСГ включает слова одной части речи (главным образом, глаголы), которые объединены общим дескриптивным родо-видовым признаком и противопоставлены по каким-либо другим семантическим признакам. Одной из важных задач, решению которой посвящена и наша работа, в исследовании многоуровневой структуры ЛСГ является выяснение внутренних и внешних соотношений компонентов различных микросистем. Антонимические отношения как между отдельными глаголами, так и между противопоставленными по семантике микрогруппами — одно из основных проявлений внутрисистемной парадигматики ЛСГ. Как отмечает Ф. П. Филин, синонимические и антонимические отношения — два наиболее важных, конструктивно значимых вида семантических связей слов в структуре ЛСГ [Филин 1982: 27].

Глаголы со значением смеха, как и глаголы со значением плача, представляют отдельные подгруппы в составе ЛСГ глаголов эмоции. Однако по признаку воспроизведения звуков смеха и плача они приближены к ЛСГ глаголов звучания. М. Г. Усманова относит глаголы смеха в башкирском языке к ЛСГ глаголов звучания, выделяя их в особую подгруппу глаголов звучания, издаваемых человеком (не связанных с его речью) [Усманова 2002: 32]. Ю. А. Кузнецов выводит лексические единицы русского языка, обозначающие смех, в отдельное лексико-семантическое поле и при этом отмечает, что они находятся на пересечении нескольких семантических группировок — эмоций, звукообозначений, мимики, жестов и межличностных отношений [Кузнецов 2005: 6]. Мы же выводим эти глаголы в подгруппу глаголов проявления эмоции в составе ЛСГ глаголов эмоции, где они образуют два синонимических ряда: глаголы смеха и глаголы плача.

Отличительной особенностью глаголов смеха и плача от других членов ЛСГ глаголов эмоции (например, *горевать, радоваться, сердиться*) является то, что они обозначают не пребывание субъекта в каком-либо эмоциональном состоянии (переживании), а внешнее проявление эмоционального состояния: как правило, глаголы смеха — положительного (по этому признаку мы в эту же группу относим глаголы улыбки, что в дальнейшем не оговаривается), а глаголы плача — отрицательного. Деление эмоций на положительные и отрицательные достаточно условно, т. к. их оценка с точки зрения переживающего их человека и с точки зрения окружающих или общественных моральных устоев может не совпадать. По этому поводу американский психолог К. Э. Изард пишет: «Вспышка гнева может способствовать выживанию индивида или чаще — защите личного достоинства, сохранению личностной целостности, исправлению социальной несправедливости. Полезным для выживания может стать и страх; он, как и стыд, выступает регулятором агрессивности и служит утверждению социального порядка» [Изард 1999: 3]. В нашем случае также отмечается выражение глаголами смеха отрицательных эмоций, когда причиной смеха (или улыбки) может быть, например, растерянность, страх, злость и т. д.: *Ол, аргызын үдезип, хомзыныстыг ла күлімзіреен* (из разговорной речи) ‘Провожая друга, он только грустно улыбался’; *Күлінче, позы ылганча* [ХХС: 50] ‘Улыбается, а сам плачет’; *Ол, хатхырза даа, мин көргем: аның істінде изі чох полган* [Д: 26] ‘Хотя она и улыбалась, я видел, что в душе ей было тяжело’. Плач также может быть проявлением положительных эмоций, например, радости, восхищения, гордости: *Күн тооза чөскіннеп, ибзер айланганда, Ян өрінгеніне ылгамзырабысхан — стол кистінде харибдең позыдылган пабазы одырчатхан* [ТС: 6] ‘Ян шатался где-то целый день, а когда пришел домой, прослезился от радости — за столом сидел вернувшийся из тюрьмы отец’.

С точки зрения физиологии, «при смехе после вдоха следует не один, а целый ряд продолжающихся (иногда долго) коротких спазматических выдыханий при открытой голосовой щели; если голосовые связки приводятся при этом в колебательные движения, то получается громкий, звонкий смех — *хохот* (курсив наш. — М. Ч.); если же связки остаются в покое, то смех бывает тихим, беззвучным. (...) Что касается мимики при смехе, то она обуславливается сокращением определенных групп лицевых мышц, придающих лицу известное выражение, свойственное смеющемуся человеку. Есть много общего в изменениях дыхания и мимики при смехе и плаче или рыданиях, вследствие чего эти состояния, с внешней стороны, могут быть смешаны между собой, а у детей эти состояния даже легко переходят друг в друга» [Смех]. Плач «представляет ряд видоизмененных дыхательных движений с сопровождающей их особой мимикой и слезотечением. Характерны изменения дыхания — что вслед за выдохом следует не одно выдыхание, а ряд то коротких, то протяжных выдыханий с весьма изменчивым ритмом — то отличным, то напоминающим ритм при смехе; и так как дыхательная щель в течение всего времени бывает открыта и голосовые связки приводятся в характеристичные колебательные движения, то плач, подобно смеху, сопровождается рядом весьма разнообразных голосовых звуков, то протяжных, то отрывочных, свойственных данному акту» [Плач]. Поскольку с физиологической точки зрения явления плача и смеха очень близки друг другу, естественно ожидать в лексических микросистемах, описывающих эти явления, значительные сходства и пытаться рассматривать их вместе.

Ядро подгруппы глаголов смеха представляют наиболее употребительные нейтральные глаголы: *хатхыр-* ‘смеяться (громко), хохотать’ [ХРС 2006: 824] и *күлін-*, соответствующий русскому *улыбаться* [ХРС 2006: 824], — аналогичная семантика которых представлена во всех языках. Производный от корня *күл-* глагол *күлімзіре-* ‘улыбаться слегка, чуть заметно’ также является частотным и в своем основном лексико-семантическом варианте (далее — ЛСВ) обозначает улыбку.

Однокоренные с названными глаголами *хатхыраңна-* ‘посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-либо, чем-либо’ [ХРС 2006: 824] и *күл-* 1) ‘улыбаться, смеяться, усмехаться’, 2) ‘высмеивать кого-либо, насмехаться над кем-либо; позорить кого-либо’ [ХРС 2006: 213] синонимизируются по признаку ‘насмехаться над кем-либо или чем-либо’ и характеризуются негативным отношением к реципиенту. Г. А. Сисалиева сформулировала общее определение семантики глаголов со значением насмешки таким

образом: «Совершая действие: вербальное устное, письменное (добродушно, дружелюбно, зло и т. д.), кинесическое, субъект хочет, чтобы объект предстал смешным в глазах людей. Субъект также может испытывать от своего действия удовольствие, унижая объект {...}. Смех {...} может считаться неуместным, грубым или даже кощунственным» [Сисалиева 2009: 789]. Глаголы *хатхыраңна-* и *күл-* в первичных ЛСВ имеют значение ‘улыбаться’. Глагол *хатхыраңна-* образован от корня *хатхыр-* ‘смеяться’ при помощи словообразующего аффикса *-аңна*, который привносит в семантику данного глагола сему неполноты действия — ‘слегка, чуть-чуть’. Таким образом, глагол *хатхыраңна-*, помимо вышеуказанного в [ХРС 2006: 824] значения ‘посмеиваться, насмеяться, посмеиваться над кем-либо, чем-либо’, в контекстах может приобретать значение ‘пытаться улыбаться в неловкой ситуации’: *Ол ниме дее нандырчалан пилбин, хатхыраңнаан* (из разговорной речи) ‘Не зная, что ответить, он натужно улыбался’. Во вторичных ЛСВ глаголы *хатхыраңна-* и *күл-* находятся в пограничной зоне глаголов смеха и поведения: *Улуу тарыхта даа полза, хан, чалгана, күлген хыссар* [ХП: 24] ‘Хотя царь и был сильно разгневан, умоляя девушку, он улыбался ей’. В значении ‘насмеяться’ адресат глагола обычно выражается именем в дательном падеже. Хотя с этической точки зрения насмешка воспринимается отрицательно, такое проявление эмоции доставляет самому субъекту удовольствие.

Фонетические варианты стилистически окрашенных глаголов *ырсай-* (разг., груб.) 1) ‘выступать, выдаваться, торчать (например, о верхних зубах, о нитках при шитье)’, 2) ‘оскаливать, скалить (зубы)’, 3) ‘улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться’ [ХРС 2006: 1046] и *ырчай-* ‘то же, что и *ырсай-*’ [ХРС 2006: 1047] обозначают смех также во вторичном ЛСВ.

Некоторые глаголы, не имеющие прямого значения ‘смеяться’, приобретают его в контексте. Глаголы *ээр-* 1) ‘закатываться (смехом, кашлем, слезами)’, 2) ‘хототать, смеяться’ [ХРС 2006: 1060] и *талчых-* указывают на высокую степень интенсивности смеха. В [ХРС 2006] глаголу *талчых-* дается толкование ‘лишаться чувств, терять сознание’: *изгден талчыгарга* 1) ‘изнемогать (обессилеть) от жары’, 2) ‘задохнуться от жары’ [ХРС 2006: 584]. Хотя словарная статья глагола *талчых-* не отражает его семантическую связь с процессом смеха, следует отметить, что она все-таки обеспечивается за счет наличия дифференциальной семы в его семантике: *Ниме иди талчыхчазың?* (из разговорной речи) ‘Что ты так хохочешь?’, *Каскарның чоогына аргыстары чоо талчыхчатхан* (из разговорной речи) ‘Друзья Каскара прямо закатывались от смеха, слушая его рассказы’. Глагол *чалбай-* также может иметь контекстуальное значение смеха: 1) ‘сплющиваться, делаться плоским’, 2) ‘быть широким’, 3) (перен., разг.) ‘широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке’, *Кемге пиди чалбайбыстың?* ‘Перед кем это ты так разулыбался?’, *Палачах чалбайча* ‘Младенец радостно улыбается’ [ХРС 2006: 932]. В данном случае признак смеха (выражения положительной эмоции) глаголу *чалбай-* придает его синтагматическая связь с производителем процесса, т. е. одушевленным субъектом: мимическое движение расширяет лицо, и оно как бы расплющивается.

Глаголы *ырчаңна-* (разг., груб.) ‘хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)’ [ХРС 2006: 1048] и *кідіре-* ‘смеяться раскатисто, гоготать’ имеют экспрессивный характер. Глагол *кідіре-* отсутствует в [ХРС 2006], там есть лишь его каузативная форма *кідірет-* ‘производить раскатистые дробные звуки’: *кідіреде хатхыраңга* ‘раскатисто смеяться’; *кідіреде сегіреге* ‘плясать, выбивая дробь’¹ [ХРС 2006: 175].

Нами также зафиксированы малоупотребительные и отсутствующие в [ХРС 2006] глаголы: *иуде-* ‘закатываться смехом, давиться от смеха’, близкий по значению глаголу *талчых-* ‘закатываться смехом’ (*Көстігестің табызына, тогырхы чурттың сиденін азыра ілін парын, Күлчең Иван тохтабин иуде-четкен* [КХ: 54] ‘Улыбчивый Иван, сидя на заборе противоположного дома, беспрерывно закатывался смехом, слыша голос Костигеса’), и *кимзей-* ‘слегка улыбаться беззубым ртом’, — значения которых выведены из анализа имеющегося у нас материала. Возможно, значение глагола *кимзей-* ассоциативно связано с глаголом *кимзій-* ‘выступать вперед (о челюсти)’ [ХРС 2006: 164].

В [ХРС 2006] зафиксированы также глаголы *кізеңне-* ‘чуть-чуть улыбаться’ (*кізеңнеп чоохтанарга* ‘говорить, улыбаясь (с улыбкой)’) [ХРС 2006: 175] и *мызай-* ‘слегка улыбаться (одними губами)’ (*ир кізі мызай салган* ‘мужчина слегка улынулся’) [ХРС 2006: 260], однако в современном хакасском языке они не используются — мы не обнаружили ни одного примера их употребления. Возможно, они были вытеснены из речи другими активными глаголами со значением улыбки и перешли в разряд архаизмов. Ср. в эпосе «Ай-Хуучин», записанном на кызыльском диалекте: *Чабал сырайлыг Хыс Хан // Одырганнаң*

¹ На наш взгляд, второй иллюстративный пример выбран не совсем удачно. Более правильным эквивалентом выражения ‘плясать, выбивая дробь’ нам представляется *тычырада сегіреге* (глагол *тычыра-* ‘трещать, потрескивать, хрустеть’, например: *сынган салаалар тычырап түсче* ‘сломанные ветки падают с треском’, *одың тычырап күйче* ‘дрова горят, потрескивая’ [ХРС 2006: 710]).

мызай турадыр ‘Страшноликая Хыс-Хан, // Сидя тут, улыбноулась’ [АХ: 2670]; *Хан Мирген мызайа тўскен*: // «Эх-хе, чача кизи, // Хат артых па, нога албачаң?» ‘Хан Мирген улыбноулся: // «Э-эх-хе, старшая сестра, // Жена не лишняя, почему бы не жениться?’ [АХ: 2680].

Таким образом, наша картотека насчитывает 16 глаголов со значением смеха. Все они объединяются по общему признаку ‘издавать смех / улыбаться’, выражая, как правило, положительные (радость, веселье и т. д.) эмоции (ср. выше об условности такого определения).

Базовым глаголом в подгруппе глаголов смеха является стилистически нейтральный и обладающий широкой сочетаемостью глагол *хатхыр-* ‘смеяться’. Все глаголы смеха по семе ‘интенсивность восприятия смеха’ подразделяются на три синонимических ряда.

1. Смех высокой интенсивности:

ээрe- 1) ‘закатываться (смехом, кашлем, слезами)’, 2) ‘хохотать, смеяться’: *Мойнына читіре хызырып, чоо эереен Кабрўс* [КХ: 131] ‘Краснея до шеи, Кабрус закатывался хохотом’;

талчых- в ЛСВ ‘закатываться смехом’: *Кабрис, чоогын тоос полбин, чоо талчыхча* [КХ: 24] ‘Кабрис так закатывается смехом, что не может закончить свой рассказ’;

ииде- ‘закатываться смехом, давиться от смеха’: *Катя, иидеп парыбызып, аның көксінзер пазын салча* [ХХС: 45] ‘Катя, давясь от смеха, кладет голову ему на плечо’.

Глаголы *ииде-* ‘закатываться смехом, давиться от смеха’ и *талчых-* ‘закатываться смехом’ выражают прерывистый, подавленный смех (то, что по-русски изображается междометием *хи-хи-хи*), в отличие от них глагол *ээрe-* 1) ‘закатываться (смехом, кашлем, слезами)’, 2) ‘хохотать, смеяться’ обозначает громкий, раскатистый смех (хохот) с широко открытым ртом (типа *ха-ха-ха*). Подтверждением признаков открыто / незаметно и громко / тихо воспроизводимого смеха может служить возможность сочетания глаголов *ииде-* и *талчых-* с такими наречиями образа действия, как *харанга* ‘тайком, исподтишка, незаметно’, *сым-туюххан* ‘потихоньку, тайком’ или *агырин* ‘тихо’. Глагол *ээрe-* способен к сочетанию с конкретизаторами *харанга* и *сым-туюххан*, но исключает возможность сочетания с *агырин* ‘тихо’.

Доминанта синонимического ряда — глагол *ээрe-*.

2. Смех нейтральной интенсивности:

хатхыр- ‘смеяться, хохотать’: — *Амды Девяткин чойлап сыгар, — хатхырыбысхан Степа* [О: 45] ‘«Сейчас Девяткин начнет врать», — засмеялся Степа’;

кідіре- ‘смеяться громко, раскатисто’: *Хамаанаң тирін чысхлап, прайзынаң хада кідіренче Кимовна* [АТ: 140] ‘Вытирая пот со лба, вместе со всеми смеется Кимовна’;

ырчаңна- ‘хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)’: *Пабам трактор кўўлезінең тыңоң иде кўзўреде ырчаңнабысхан* [ТКӨ: 27] ‘(Мой) отец раскатисто захохотал, заглушая гул трактора’.

Доминанта синонимического ряда — глагол *хатхыр-* ‘смеяться’.

Как видно из примеров, глаголы данного синонимического ряда могут обозначать также смех высокой интенсивности при сочетании с соответствующими конкретизаторами, выражающими усиление действия: например, вполне нормальны выражения типа *чоо хатхыр-* ‘громко смеяться’, *хайдадар ырчаңна-* ‘хохотать’, *матап кідіре-*, *кўзўреде кідіре-* ‘громко / раскатисто смеяться’.

3. Смех низкой интенсивности, улыбка:

кўлін- ‘улыбаться’: *Андада Сарыг Пазычах, көлчө ырын тохтадып, сылтаг чох кўлін салча* [КХ: 11] ‘Тогда Сарыг Пазычах улыбається без причины, прерывая свою песню’;

кўл- ‘насмехаться, улыбаться’: *Хызычах, хара харагастарынаң минзер көрпін, паарсах кўлген* (из разговорной речи) ‘Глядя на меня своими черными глазками, девочка дружелюбно улыбалась’;

кўлімзіре- ‘улыбаться слегка, чуть заметно’: *Шишкин кўлімзіребіскен*: — *Син андаг махачы полган ползаң, нога тискезің немецтердең?* [ЛЧ] ‘Шишкин заулыбался: «Если ты такой смелый, почему же сбежал от немцев?»’;

ырсай- в ЛСВ ‘улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться’: — *Чарир, чарир, — ипчизи сырайына толдыра ырсайча* [ХО: 8] ‘«Хватит, хватит», — (его) жена широко улыбається’ (букв. ‘на все лицо’);

ырчай- в ЛСВ ‘широко улыбаться, обнажая зубы’: *Ол хара чўзіне толдыра тістерінең чалтырап ырчайча* [ХТ: 42] ‘Он широко (букв. ‘блестя зубами на все свое черное лицо’) улыбається всем своим черным лицом’;

чалбай- в ЛСВ ‘широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке’: *Наа чаап парган аппагас харны көр салып, ол таң өрінгеніне бе, таң хайхаанына ба сырайына толдыра чалбайыбысхан* (из разго-

ворной речи) ‘Увидев выпавший белый пушистый снег, он то ли от радости, то ли от удивления широко (букв. ‘на все лицо’) **улыбнулся**’²;

кимзей- ‘слегка улыбаться беззубым ртом’: *Улуг кизилер, айнаның чоо агырганын кем көрдү ни тин, кимзейс салганнар* [ХЧ: 7] ‘Пожилые люди **улыбнулись**: кто же видел, как болеет черт’;

хатхыраңна- ‘посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-либо, чем-либо’: *Пычон, наа килген кизе чойырхан, хатхыраңнаан-* ‘Пычон **улыбался**, заискивая перед незнакомцем’.

Доминанта синонимического ряда — глагол *күлүн-* ‘улыбаться’.

Собранный нами материал показывает, что в хакасском языке имеется семь глаголов со значением плача. Они объединяются в одну семантическую подгруппу по наличию в своем значении интегральной семы ‘издавать плач, выражая горе, боль, страдание, реже радость, восторг и т. д.’. Базовым глаголом является стилистически нейтральный и обладающий широкой сочетаемостью глагол *ылга-* ‘плакать’. Глаголы данной подгруппы по степени воспроизведения (интенсивности) плача, как и глаголы смеха, образуют три синонимических ряда.

1. Плач высокой интенсивности

Глаголы *марла-* 1) ‘реветь (о животных)’, 2) (разг.) ‘реветь; громко плакать (о людях)’ [ХРС 2006: 235] и *орла-* 1) ‘реветь (о животных)’, 2) (разг.) ‘орать (о людях)’ [ХРС 2006: 307] в первичных своих ЛСВ обозначают рев животных, а во вторичных ЛСВ могут обозначать громкий плач. Как показывает словарная дефиниция глагола *орла-*, его семантика нейтральна к признаку плача: *аба чили орлапча ‘ревет, как медведь’*. В отношении людей употребление данного глагола возможно, если человек громко кричит, однако чаще это слово применимо в случае громкого плача. Исходя из различных контекстов, мы считаем правильным определять значение этого глагола как ‘громко плакать, реветь, рыдать; орать’.

Глаголы *марла-* и *орла-* в своих первичных ЛСВ относятся к ЛСГ глаголов звучания, а в разряд глаголов плача они переходят с пометой ‘очень громко плакать’: *Кем анда марлапча?* (из разговорной речи) ‘Кто там **ревет**?’, *Түн хараада Коланың ипчизинің ачыг орлааны истілген* [КХ: 53] ‘В темную ночь было слышно, как **горько рыдала** жена Колы’.

К этим двум глаголам по семе ‘громко плакать’ приближается также глагол *сарла-* 1) ‘громко, с визгом плакать’, 2) ‘громко, с визгом кричать, орать’, который не зафиксирован в [ХРС 2006]: *Зойка, немец позынзар чагдапчатханда, тың хысхырып, сарлаан* [ЧХ: 48] ‘Когда немец подходил к Зойке, она **ревела в голос**’.

Следует отметить, что эти три глагола одинаково частотны, поэтому выделить среди них доминанту синонимического ряда представляется затруднительным.

2. Плач нейтральной интенсивности

Доминанта подгруппы глаголов плача — *ылга-* ‘плакать’ (в словаре дается только одно значение данного глагола) [ХРС 2006: 1039]: *Сынап ол тее халзаң, сагаа пір дее кизи ылгабас* [ХХС: 138] ‘Если даже и помрешь, над тобой никто **не будет плакать**’, *Ылгабысхан Хара хан, малына айабызып* [АХ: 69] ‘**Заплакал** Черный царь, пожалев свой скот’.

Следующий по частотности — глагол *сыхта-* ‘горько плакать, рыдать, причитать’ [ХРС 2006: 562]: *Прайзы ол хызычахха сыхтаан* (из разговорной речи) ‘Все **рыдали** об (по) этой девочке’, *Син сыхтапказың ма? Мини харах частыг үдезерге чарабас* [КХ: 188] ‘Ты **плачешь**, что ли? Меня нельзя провожать со слезами’, *Ичемни ирге тудыбох хондыртырлар. Амга теере сыхтапча* [КХ: 24] ‘Мою маму, оказывается, украли и выдали замуж. До сих пор **плачет**’.

Нужно добавить, что глаголы данного ряда (*ылга-* и *сыхта-*), как и глаголы нейтральной интенсивности смеха, могут обозначать процесс высокой интенсивности, сочетаясь с соответствующими обстоятельными словами.

3. Плач низкой интенсивности:

сүркүңне- ‘всхлипывать’ [ХРС 2006: 533]: — *Джамия! Джамия!* — *сүркүңнеем мин, харах частарыма пурлугып* [Д: 62] ‘«Джамия! Джамия!» — всхлипывал я, захлебываясь слезами’;

ылгамзыра- (производный от *ылга-*) 1) ‘прослезиться; захныкать’, 2) ‘делать вид, что плачешь, притворяться плачущим’ [ХРС 2006: 1039]: *Ол тылаасты ис салып, ничем ылгамзырабысхан* (из разговорной речи) ‘Услышав такую новость, моя сестра **прослезилась**’.

² Как видим из примеров, глаголы *ырсай-*, *ырчай-* и *чалбай-* могут быть выделены по мимическому критерию ‘широкое раскрытие рта’ в отдельный ряд.

В [ХРС 2006] приводится также глагол *сыгыт-* (простореч.) ‘заливаться слезами’ [ХРС 2006: 544], который в современном хакасском языке малоупотребителен. Нами зафиксирован лишь производный от него глагол *сыгыдын-*, значение которого, исходя из контекста, толкуется нами как ‘тихо, беззвучно плакать’: *Ол, ичезине кўрлеткен олган чили, сыгыдынча* [АТ: 22] ‘Он **плачет** тихо, как ребенок, наказанный матерью’.

Доминанта синонимического ряда — глагол *сўркүңне-* ‘всхлипывать’.

Ю. А. Кузнецов выделяет в синонимическом ряду глаголов со значением смеха следующие семантические параметры: 1) характер звука и мимика субъекта; 2) каузатор эмоционального состояния; 3) характер манифестируемого чувства; 4) интенсивность внешнего проявления эмоционального состояния и наличие самоконтроля; 5) длительность состояния; 6) тип субъекта; 7) обозначение свойственной субъекту манеры смеяться; 8) оценка обозначаемого состояния [Кузнецов 2005: 17]. Данные семантические параметры глаголов смеха отмечены с учетом синтагматического окружения глаголов смеха и являются релевантными для более полного описания рассматриваемых глаголов. Мы также применяли в ходе анализа семантики глаголов смеха и плача как парадигматические, так и синтагматические параметры.

Основным общим признаком противоположных по семантике подгрупп глаголов смеха и плача является выражение разных степеней интенсивности проявления эмоций, что обеспечивает данным подгруппам градуальный тип внутренней организации. Наряду со степенями интенсивности проявления эмоций, основанием внутрисистемных отношений глаголов является также и характер звучания. Таким образом, глаголы смеха и плача находятся в семантической оппозиции, опирающейся на такие основные качественные характеристики, как интенсивность и звучание. Внутренне противопоставленными по данным признакам являются не только отдельные синонимические ряды глаголов внутри подгрупп глаголов смеха и плача, но и отдельные лексемы. Семы ‘широкое раскрытие рта’, ‘наличие слез’ и ‘обнажение зубов’ характерны для семантики отдельных глаголов. Выявленные общие семы в семантике исследуемых глаголов обеспечивают синонимические и антонимические отношения как между отдельными глаголами, так и между подгруппами.

Ниже, в *Таблице 1*, показано распределение значений семантических признаков в рассматриваемых глаголах. Наличие тех или иных сем обозначается знаком +; отсутствие знаков в клетках обозначает немаркированность глаголов указанными семами.

Наиболее употребительные глаголы не охарактеризованы по признаку интенсивности: это глаголы смеха *хатхыр-* ‘смеяться, хохотать’, *ырчаңна-* ‘хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)’, а также глагол плача *ылга-* ‘плакать’, которые могут обозначать процесс как обычной, так и высокой и низкой интенсивности, что, как было показано выше, обеспечивается сочетанием с соответствующими обстоятельствами. Ср.: *Лүтке, тон алтында кёблче ылган, сыгыдын сыххан* [КХ: 15] ‘Людка, **тихонько плача** под шубой, начала всхлипывать’; *Кучер полчатхан сізік сырайлыг казак, кўңүріс үннең хатхырыбысхан* [КХ: 19] ‘Кучер, казак с опухшим лицом, **рассмеялся приглушенным голосом**’. Употребление со словами, указывающими на низкую интенсивность проявления, однако, достаточно редко; данную функцию в хакасском языке выполняют другие глаголы: *хатхыраңна-* ‘посмеиваться, насмеяться, посмеиваться над кем-либо, чем-либо’, *кўлін-* ‘улыбаться’, *ылгамзыра-* 1) ‘прослезиться; захныкать’, 2) ‘делать вид, что плачешь, притворяться плачущим’.

Глаголы *кідіре-* ‘смеяться громко, раскатисто’ и *сыхта-* ‘горько плакать, рыдать, причитать’ могут обозначать процесс как обычной, так и высокой интенсивности (тоже при сочетании с соответствующими обстоятельствами), однако исключается сочетание названных глаголов с обстоятельствами, показывающими низкую интенсивность. Так, нельзя сказать по-хакасски **сала ла кідіре-* ‘чуть-чуть смеяться’ или **кёмес сыхта-* ‘немного плакать’.

Семантика глаголов смеха, как и глаголов плача, маркированная одинаковыми семами, предопределяет не только синонимические, но и антонимические отношения внутри данных подгрупп. Например, глаголы высокой интенсивности смеха: *эре-* 1) ‘закатываться (смехом, кашлем, слезами)’, 2) ‘хохотать, смеяться’, *талчых-* в ЛСВ ‘закатываться смехом’, *ииде-* ‘закатываться смехом, смеяться беззвучно’ — антонимически противопоставлены по признаку положительной / отрицательной эмоции глаголам высокой интенсивности плача: *марла-* в ЛСВ ‘реветь; громко плакать (о людях)’, *орла-* в ЛСВ ‘громко плакать; выть; орать, рыдая’, *сарла-* в ЛСВ ‘громко, с визгом плакать’. Однако по признакам высокой интенсивности эмоции и наличия спазматических выдохов эти группы синонимичны.

Аналогичным образом по признаку ‘звучание’ рассматриваются антонимические взаимоотношения отдельно взятых глаголов как внутри подгруппы, так и между противопоставленными подгруппами. Например, два базовых глагола *хатхыр-* ‘смеяться’ и *ылга-* ‘плакать’ являются антонимами по признаку положительной / отрицательной эмоции и синонимами по совокупности признаков — интенсивности эмоции (нейтральная) и звучания (наличие).

Таблица 1

№	глаголы	интенсивность эмоции		спазматические выдохи	наличие звучания			мимические признаки		
		высокая	низкая		есть		нет	широкое раскрытие рта	обнажение зубов	наличие слез
					громкое	тихое				
глаголы со значением положительной эмоции ('смех')										
1	<i>ээрe-</i> 1) 'закатываться (смехом, кашлем, слезами)', 2) 'хохотать, смеяться'	+		+	+			+		+
2	<i>талчых-</i> в ЛСВ 'закатываться смехом'	+		+			+	—		+
3	<i>ииде-</i> 'закатываться смехом, давиться от смеха'	+		+	+			—		+
4	<i>хатхыр-</i> 'смеяться, хохотать'			+	+					
5	<i>ырчаңна-</i> 'хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)'			+	+			+	+	
6	<i>кідіре-</i> 'смеяться громко, раскатисто'			+	+			+		
7	<i>күлін-</i> 'улыбаться'		+				+			
8	<i>күл-</i> 'улыбаться, смеяться, усмехаться'		+				+			
9	<i>хатхыраңна-</i> 'посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-либо, чем-либо'		+	+		+				
10	<i>күлімзіре-</i> 'улыбаться слегка, чуть заметно'		+	—			+			
11	<i>ырсай-</i> / <i>ырчай-</i> в ЛСВ 'улыбаться, обнажая зубы; оскалиться'		+	—			+		+	
12	<i>чалбай-</i> в ЛСВ 'широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке'	+		—			+	+		
13	<i>кимзей-</i> 'слегка улыбаться беззубым ртом'		+				+	—	—	
глаголы со значением отрицательной эмоции ('плач')										
1	<i>марла-</i> в ЛСВ 'реветь; громко плакать (о людях)'	+		+	+			+		
2	<i>орла-</i> в ЛСВ 'громко плакать; выть; орать, рыдая'	+		+	+			+		
3	<i>сарла-</i> в ЛСВ 'громко, с визгом плакать'	+		+	+			+		
4	<i>ылга-</i> 'плакать'			+	+					+
5	<i>сыхта-</i> 'горько плакать, рыдать, причитать'			+	+			+		+
6	<i>сүркүңне-</i> 'всхлипывать'		+	+		+				+
7	<i>ылгамзыра-</i> 1) 'прослезиться; захныкать', 2) 'делать вид, что плачешь, притворяться плачущим'		+	+		+	+			+
8	<i>сыгыдын-</i> 'тихо, беззвучно плакать'		+	+		+	+			+

Таким образом, исходя из данных *Таблицы 1*, можно вывести *Таблицу 2*, в которой указываются антонимические отношения глаголов смеха и плача. Следует отметить, что в подобных антонимических отношениях находятся любые из членов противопоставленных синонимических рядов. Об антонимических отношениях глаголов смеха и плача свидетельствуют совпадения их дифференциальных сем по рассматриваемым параметрам.

Таблица 2

глаголы со значением смеха	звучание	интенсивность	глаголы со значением плача
антонимический ряд 1			
<i>ээре-</i> 1) 'закатываться (смехом, кашлем, слезами)', 2) 'хохотать, смеяться'	громкое	высокая	<i>марла-</i> в ЛСВ 'реветь; громко плакать (о людях)'
<i>талчых-</i> в ЛСВ 'закатываться смехом'; <i>ииде-</i> 'закатываться смехом, давиться от смеха'		высокая	<i>орла-</i> в ЛСВ 'громко плакать; выть; орать, рыдая'; <i>сарла-</i> в ЛСВ 'громко, с визгом плакать'
антонимический ряд 2			
<i>кідіре-</i> 'смеяться громко, раскатисто'	громкое	нейтральная	<i>сыхта-</i> 'горько плакать, рыдать, причитать'
<i>хатхыр-</i> 'смеяться, хохотать'; <i>ырчаңна-</i> 'хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)'		нейтральная	<i>ылга-</i> 'плакать'
антонимический ряд 3			
<i>күлін-</i> 'улыбаться'; <i>күл-</i> 'насмеяться, улыбаться'; <i>хатхыраңна-</i> 'посмеиваться, насмеяться, посмеиваться над кем-либо, чем-либо'; <i>күлімзіре-</i> 'улыбаться слегка, чуть заметно'; <i>ырсай- / ырчай-</i> в ЛСВ 'улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться'; <i>чалбай-</i> в ЛСВ 'широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке'; <i>кимзей-</i> 'слегка улыбаться беззубым ртом'		низкая	<i>сүркүңне-</i> 'всхлипывать'; <i>ылгамзыра-</i> 1) 'прослезиться; захныкать', 2) 'делать вид, что плачешь, притворяться плачущим'; <i>сыгыдын-</i> 'тихо, беззвучно плакать'

Глаголы смеха и плача антонимического ряда 3 синонимичны по шкале 'низкая интенсивность эмоции', однако они находятся в разнообразных отношениях по шкалам 'наличие спазматических выдохов' и 'звучание'. В отличие от глаголов плача, для которых обязательно наличие спазматических выдохов (по наличию звучания они охарактеризованы либо как 'нет', либо как 'тихо'), в семантике глаголов смеха спазматические выдохи могут отсутствовать (тогда это значение улыбки, и в этом случае звучание также отсутствует), а могут наличествовать (в случае глагола *хатхыраңна-*, который по звучанию охарактеризован как 'тихо').

Таким образом, в статье рассмотрены 13 глаголов со значением смеха и 9 глаголов со значением плача, синонимические и антонимические отношения которых выявлены в пределах иерархической структуры одной ЛСГ. Наиболее релевантными признаками, по которым можно дифференцировать семантику глаголов смеха и плача в хакасском языке, являются: интенсивность эмоции, наличие и громкость звучания смеха или плача, а также семы, доминирующие в семантике отдельных глаголов — 'широкое раскрытие рта', 'наличие слез' и 'обнажение зубов'.

Сокращения

Источники

- АТ — Ах тасхыл. Альманах / Отв. ред. Доможаков Н. Г. 1959, 7.
 АХ — Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» / Зап. и подгот. текста, примеч. и комм. Майногашевой В. Е. Новосибирск, 1997.
 Д — Айтматов Ч. Т. Джамия. Ағбан, 1992.
 КХ — Нербышев К. Т. Көгім хорымнарда. Роман. Ағбан, 1983.

- ЛЧ — Ленин чолы. Газета. 1990, 16-ое июня.
 О — *Балтыжаков Т. Н.* Орис. Повесть. Ағбан, 1964.
 ТКӖ — *Тиников Н. Е.* Тіріг кизи ѓлбечен. Ағбан, 1982.
 ТС — *Баинов Б.* Тас сом. Очерктер. Ағбан, 1967.
 ХО — Хакасия оттары. Литературно-художественный альманах. Ағбан, 1952, 4.
 ХП — Хара паар. Нымахтар. Ағбан, 1985.
 ХТ — Хан тигір. Альманах. 1995, 2.
 ХХС — *Нербышев К. Т.* Хорлаңа хара суг. Ағбан, 1972.
 ХЧ — Хакас чирі. Газета. 2001, 4.
 ЧХ — *Костяков И. М.* Чібек хур. Роман. Ағбан, 1989.

Общие

букв. — буквально	перен. — переносное значение
груб. — грубое	простореч. — просторечное
ЛСВ — лексико-семантический вариант	разг. — разговорное
ЛСГ — лексико-семантическая группа	

Литература

- Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. {*Après'an Ju. D.* Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola. M., 1967.}
- Апресян 1995 — *Апресян В. Ю.* Недавние американские исследования в области эмоции и эмоциональной лексики // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995. С. 82—97. {*Après'an V. Ju.* Nedavnie amerikanskije issledovanija v oblasti emocii i emocional'noj leksiki // Semiotika i informatika. Vol. 34. M., 1995. P. 82—97.}
- Бабенко 1985 — *Бабенко Л. Г.* Функционально-семантический класс глаголов эмоциональной деятельности // Лексико-семантические группы современного русского языка. Новосибирск, 1985. С. 41—48. {*Babenko L. G.* Funkcional'no-semantičeskij klass glagolov emocional'noj dejatel'nosti // Leksiko-semantičeskije grupy sovremennogo russkogo jazyka. Novosibirsk, 1985. P. 41—48.}
- Барыс-Хоо 2006 — *Барыс-Хоо В. С.* Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. {*Barys-Xoo V. S.* Leksiko-semantičeskaja grupa glagolov dviženija v tuvinskom jazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2006.}
- Васильев 1971 — *Васильев Л. М.* Семантические классы глаголов чувства, речи, мысли // *Васильев Л. М.* Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. С. 213—266. {*Vasil'ev L. M.* Semantičeskije klassy glagolov čuvstva, reči, mysli // *Vasil'ev L. M.* Očerki po semantike russkogo glagola. Ufa, 1971. P. 213—266.}
- Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н. К.* Глаголы движения // *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М., 1962. С. 590—598. {*Dmitriev N. K.* Glagoly dviženija // *Dmitriev N. K.* Stroj t'urkskix jazykov. M., 1962. P. 590—598.}
- Жуковская 1971 — *Жуковская Е. Е.* Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. {*Žukovskaja E. E.* Semantičeskij analiz nekotoryx glagolov emocional'nogo sostojanija i ix proizvodnyx. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 1971.}
- Зализняк 1983 — *Зализняк Анна А.* Семантика глагола 'бояться' в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 42. № 1. М., 1983. С. 59—66. {*Zalizn'ak Anna A.* Semantika glagola 'bojat's'a' v russkom jazyke // *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka.* Vol. 42. № 1. M., 1983. P. 59—66.}
- Изард 1999 — *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб., 1999. {*Izard K. E.* Psixologija emocij. SPb., 1999.}
- Козырев 1999 — *Козырев Т. А.* Лексико-семантическая группа эмотивных глаголов в тюркских языках Южной Сибири и казахском (в сопоставительном аспекте). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. {*Kozyrev T. A.* Leksiko-semantičeskaja grupa emotivnyx glagolov v t'urkskix jazykax Južnoj Sibiri i kazaxskom (v sopostavitel'nom aspekte). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 1999.}
- Кузнецов 2005 — *Кузнецов Ю. А.* Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. {*Kuznecov Ju. A.* Leksiko-semantičeskoe pole smexa kak fragment russkoj jazykovoj kartiny mira. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 2005.}
- Кузнецова 1979 — *Кузнецова Э. В.* О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979. С. 5—12. {*Kuznecova E. V.* O principax i metodax vydelenija ob'ema semantičeskix klassov russkix glagolov // *Klassy slov i ix vzaimodejstvie.* Sverdlovsk, 1979. P. 5—12.}
- Оразов 1983 — *Оразов М.* Семантика казахского глагола: Опыт семантической классификации. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1983. {*Orazov M.* Semantika kazaxskogo glagola: Opyt semantičeskoi klassifikacii. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Alma-Ata, 1983.}

Плач — Статья на сайте «Википедия (Свободная энциклопедия)»: Плач // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%EВ%Е0%F7>, 2014. {Stat'ja na sajte "Wikipedia (the Free Encyclopedia)": Plač // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%EВ%Е0%F7>, 2014.}

Псянчин 1990 — Псянчин Ю. В. Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. {*Ps'ančin Ju. V. Leksiko-semantičeskoe pole glagolov dviženija baškirkogo jazyka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Baku, 1990.*}

Салчак 2005 — Салчак А. Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. {*Salčak A. Ja. Leksiko-semantičeskaja grupa glagolov povedenija v tuvinskom jazyke: v sopostavitel'nom aspekte. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2005.*}

Саналова 2004 — Саналова Б. Б. Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. {*Sanalova B. B. Glagoly intellektual'noj dejatel'nosti v altajskom jazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2004.*}

Сарыбаева 1988 — Сарыбаева А. М. Семантические особенности глаголов чувства в русском и киргизском языках // Сопоставительно-типологические исследования русского и киргизского языков: Лексика. Фрунзе, 1988. {*Sarybaeva A. M. Semantičeskije osobennosti glagolov čuvstva v russkom i kirgizskom jazykach // Sopostavitel'no-tipologičeskije issledovanija russkogo i kirgizskogo jazykov: Leksika. Frunze, 1988.*}

Сисалиева 2009 — Сисалиева Г. А. Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «осмеяние» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. 2009, 4 (3). С. 788—792. {*Sisalieva G. A. Leksiko-frazeologičeskoe pole, reprezentirujuščee koncept "osmejanie" // Izvestija Samarskogo naučnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Vol. 11. 2009, 4 (3). P. 788—792.*}

Смех — Статья на сайте «Википедия (Свободная энциклопедия)»: Смех // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EC%E5%F5>, 2014. {Stat'ja na sajte "Wikipedia (the Free Encyclopedia)": Smex // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EC%E5%F5>, 2014.}

Тыбыкова 1991 — Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка: Простое предложение. Новосибирск, 1991. {*Tybykova A. T. Issledovanija po sintaksisu altajskogo jazyka: Prostoje predloženie. Novosibirsk, 1991.*}

Усманова 2002 — Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Уфа, 2002. {*Usmanova M. G. Funkcional'no-semantičeskaja klassifikacija glagolov baškirkogo jazyka. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Ufa, 2002.*}

Филин 1982 — Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. {*Filin F. P. Očerki po teorii jazykoznanija. M., 1982.*}

Халиков 1967 — Халиков К. Глаголы движения в узбекском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967. {*Xalikov K. Glagoly dviženija v uzbekskom jazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Samarkand, 1967.*}

ХРС 2006 — Хакасско-русский словарь / Отв. ред. Субракова О. В. Новосибирск, 2006. {*Xakassko-russkij slovar' / Ed. Subrakova O. V. Novosibirsk, 2006.*}

Чертыкова 1996 — Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1996. {*Čertykova M. D. Glagoly govorenija v xakasskom jazyke. Diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 1996.*}

Чертыкова 2005 — Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан, 2005. {*Čertykova M. D. Glagoly govorenija v xakasskom jazyke (sistemno-semantičeskij aspekt). Abakan, 2005.*}

Чугунекова 2002 — Чугунекова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке. Учебное пособие. Абакан, 2002. {*Čugunekova A. N. Glagoly dviženija v xakasskom jazyke. Učebnoe posobie. Abakan, 2002.*}

Шапилова 1967 — Шапилова Н. И. Из наблюдений над ЛСГ глаголов чувств в современном русском языке // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1967. С. 61—64. {*Šapilova N. I. Iz nabl'udenij nad LSG glagolov čuvstv v sovremennom russkom jazyke // Aktual'nye problemy leksikologii. Novosibirsk, 1967. P. 61—64.*}

Юлдашев 1961 — Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 294—461. {*Juldašev A. A. Glagoly čuvstvennogo vosprijatija v t'urkskix jazyках // Istoričeskoe razvitie leksiki t'urkskix jazykov. M., 1961. P. 294—461.*}

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена выявлению и описанию парадигматических отношений глаголов проявления эмоции в хакасском языке внутри иерархической структуры одной лексико-семантической группы. В ходе анализа семантики 13 глаголов со значением смеха и 9 глаголов со значением плача выявляются дифференциальные семы, на основе которых рассматриваются их синонимические и антонимические отношения.

SUMMARY

Article is devoted to identification and description of the paradigmatic relations of the verbs of emotion manifestation in the hierarchical structure of one lexico-semantic group in Khakas. During the semantic analysis of 13 verbs of laughter and 9 verbs of crying the differential semes are identified; on the basis of these semes synonymous and antonymous relations are considered.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, глаголы смеха, глаголы плача, семантика, сема, синонимия, антонимия, хакасский язык

Keywords: lexico-semantic group, verbs of laughter, verbs of crying, semantics, seme, synonymy, antonymy, Khakas

**И. В. Кормушин — ведущий исследователь
древнетюркских рунических памятников Сибири и Монголии
(к 75-летию ученого)**

Памятники тюркского рунического письма — основной древнеписьменный источник по языку, истории и культуре коренных народов Сибири, в первую очередь тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Исследованию данного письма посвящены работы многих отечественных ученых: В. В. Радлова (1895), И. Р. Аспелина (1896), С. Е. Малова (1936, 1951, 1952, 1959), И. А. Батманова (1959, 1963—1965), Л. Р. Кызласова (1960, 1965), З. Б. Чадамба (1961—1963, 1980), А. М. Щербака (1961, 1964, 1970), Ф. Г. Бабушкина (1962), Д. М. Насилова (1963, 1971), А. Ч. Кунаа (1963—1965), С. И. Вайнштейна (1963), С. Г. Кляшторного (1973, 1976, 1992), А. С. Аманжолова (1974, 1978, 1981, 2003), Д. Д. Васильева (1976, 1978, 1981, 1983, 1986), И. Л. Кызласова (1977, 1979, 1994) и др.

Значительный вклад в мировую тюркскую рунологи внес ведущий ученый в области алтайских языков, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН Игорь Валентинович Кормушин.

Игорь Валентинович исследует древнетюркскую письменность с середины 60-х гг. XX в. Именно он обрабатывал материалы рунических памятников для «Древнетюркского словаря» [ДТС 1969]. Первая статья И. В. Кормушина об основных понятиях тюркской рунической палеографии, посвященная совершенно не разработанной в тюркологии области, была опубликована в 1975 г. в журнале «Советская тюркология» [Кормушин 1975] и послужила поворотным пунктом в изучении и дешифровке тюркского рунического письма [Türik bitig]. Впервые им была разработана также руническая графемика, проведен структурный анализ формообразующих элементов рунических букв, на основании которого удалось построить научную руническую палеографию.

А именно, во-первых, стало возможным составить на основании опорных (надежно датированных и локализованных) памятников таблицы графических поэлементных изменений знаков алфавита, которые применяются для приблизительного датирования недатированных текстов. Благодаря этому выстроилась историческая последовательность вариаций рунического письма: 1) доорхонские (710—720 гг.); 2) орхонские (730 гг.); 3) уйгурские (760—840 гг.); 4) енисейские (после середины IX в.); 5) таласские (позднее X в.). Открытые позднее памятники пока в основном вписываются в эту последовательность, что указывает на высокую продуктивность идеи И. В. Кормушина. Во-вторых, исчисление вариативности элементов рунических знаков в ряде случаев помогло уточнить прочтение надписей.

Как полевик-исследователь И. В. Кормушин начал изучать наскальные надписи Тувы, Хакасии, Монголии и Киргизии с 1987 г. Памятники Енисея, по его словам, были «наименее изученной областью тюркских рунических надписей». «У них язык не так хорошо обработан, как у орхонских памятников. И они (...) совершенно не привязаны к истории, у них нет ни одной даты, которая бы говорила о времени их написания» [Даргын-оол 2006: 470]. Постоянно выезжая в эпиграфические экспедиции, Игорь Валентинович собрал богатый материал, результаты исследования которого обсуждались на международных конференциях по проблемам древнетюркской письменности, проводимых в разных городах России, ФРГ, Венгрии, США, Турции, Кипра, Финляндии, Монголии, Казахстана и Киргизии.

Научные изыскания ученого, посвященные проблемам орхоно-енисейской письменности, характеризуют его как исследователя огромной трудоспособности, стремящегося «докопаться до истины», точно фиксируя исследуемый материал. Изучая тексты древнетюркских рунических надписей, Игорь Валентинович сделал серьезные поправки и уточнения в составе знаков, а при чтении более 50 наиболее значительных и хорошо сохранившихся надписей дал новые переводы и толкования [Кара-оол 2013: 174]. В 2000 г. им впервые были прочитаны надписи в районе Кара-Холя Республики Тыва — Е-153 и Е-154.

Очень продуктивным оказался также метод классификации надписей по сопровождающим их тамгам. Впервые эти данные использовал Л. Р. Кызласов, а И. В. Кормушин продолжил и расширил эту работу. Надписи с тамгами объединяются в ареалы, для которых удается выделить определенную языковую специфику. В частности, Игорь Валентинович зафиксировал однотипные тамги в надписях из долины р. Алаш (Западная Тува) и местности Суджи (Северная Монголия) и в одной из своих статей дал оценку этнической принадлежности надписи из Суджи [Кормушин 2009].

Работа И. В. Кормушина над енисейскими памятниками вылилась в публикацию двух монографий [Кормушин 1997, 2008], в которых проведено тщательное критическое исследование древнетюркских рунических памятников Сибири и Монголии, к настоящему времени обработанных рунологами. Корректируя тексты енисейских памятников, И. В. Кормушин указывает, кем впервые издан тот или иной памятник, кто и какие поправки внес при последующем чтении и переводе, а затем после проверки поправок предшественников вносит собственные исправления в состав знаков или полностью перечитывает ту или иную строку памятника. В книге [Кормушин 1997] исследованы 56 памятников, которые сгруппированы по тамговым особенностям: 43 — из Тувы, 13 — из Хакасии. Во второй монографии [Кормушин 2008] исследованы 75 памятников, сгруппированные по порядковому номеру: 56 — из Тувы, 17 — из Хакасии, 2 — из Монголии.

В третьей части монографии [Кормушин 2008] ученый показывает, что исследуемые памятники в определенной мере могут быть и объектом исторической грамматики. Игорь Валентинович определил основные черты грамматики енисейских памятников [Кормушин 2008: 172—238] — в сравнении с текстами больших орхонских памятников, грамматика которых была описана в свое время А. Н. Кононовым [Кононов 1980].

Последняя, четвертая, часть монографии посвящена новаторским для тюркологии в целом текстологическим наблюдениям. Автор выделяет в стандартизованных текстах эпитафий коммуникативные единицы — **текстемы**, объединенные в текстемные блоки, «отрезки текстов (...), выполняющие в нем определенную коммуникативную задачу одного и того же функционального плана» [Кормушин 2008: 242].

1) **Деплоративные текстемы.** Ученый отметил, что данные текстемы выявились далеко не сразу, т. к. в семантическом ключе (как «слова, передающие прямо или косвенно чувства сожаления, досады, горечи, разочарования по поводу смерти меморианта») были прочтены лишь недавно [Кормушин 2008: 245]. Енисейские эпитафии, в отличие от торжественных официально-государственных орхонских, несут в себе сильное эмоционально-экспрессивное начало, хотя те и другие являются поминальными [Кормушин 2001: 104].

2) **Текстемы адресации.** В енисейских эпитафиях обращения адресованы к членам семьи, родственникам, правителю, народу, воинам, а также к Солнцу, Луне, родной земле и т. д. И. В. Кормушин проанализировал, как каждый предыдущий исследователь читал и трактовал ту или иную лексему, используемую в качестве обращения, и внес свои поправки или же сумел объяснить не разгаданные до этого слова, аргументируя их лексически, морфологически и фонетически.

3) **Репрезентативные текстемы.** И. В. Кормушин зафиксировал два вида представления меморианта — краткое и пространное. Краткое представление состоит из собственного имени с титулом, например: *Кара Барс ынанчу чигши мен* ‘Я Кара Барс ынанчу чигши’. В пространном представлении имя-титул сопровождается перечислением чина, должности и возраста, например: *Атым — Эл Тоган Тутук бен, теңри элимке элчиси эртим алты баг бодунга беги эртим* ‘Имя мое — Эль Тоган-тутук, для небесного государства (моего) (был) послом, для (моего) народа из шести уделов — (был) беком’. Автор также уточнил способы и формулы именованья и более подробно рассмотрел титулатуру [Кормушин 2008: 288—297], которая может быть интересна для исследователей военной лексики как в древнетюркском, так и в современном тюркском языке.

4) **Повествовательные текстемы.** По мнению ученого, в повествованиях о жизни меморианта наиболее значимыми являются темы ратных свершений героя и его успехов во время охоты — любимого занятия, по поводу которого горюет мемориант.

5) **Этнонимика и топонимика.** На примере значительного языкового материала анализируются этнонимы и топонимы, зафиксированные в текстах орхоно-енисейской письменности.

б) **Завещательные тексты.** Данные тексты Игорь Валентинович рассматривает на примере трех надписей (Е-10, Е-11 и из Суджи) и объясняет это редкостью обращений меморианта с призывами и увещаниями.

Результаты многолетних экспедиций Игоря Валентиновича, опубликованные в рассматриваемых монографиях, получили высокую оценку в научных кругах России и за рубежом.

В последние годы И. В. Кормушин исследует надписи, находящиеся на территории центральной и средне-западной частей Монголии: это наиболее известные комплексы, посвященные Тоньюкуку, Алп-Элетмишу (Онгинская надпись) и Кюли-чору. Хотя эти надписи сохранились до сегодняшнего дня, они имеют повреждения, требующие корректировки при чтении текстов. Помимо общеизвестных надписей И. В. Кормушин исследовал и наименее известные, например, из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв Ховдского аймака [Кормушин 2005] и в Хангидае (Центральная Монголия) [Баттулга, Кормушин 2009].

Игорь Валентинович успешно сочетает академическую науку с преподавательской деятельностью и на протяжении последних двадцати лет читает лекции по языку орхоно-енисейских памятников студентам филологического факультета Тувинского государственного университета (ТувГУ). Во время эпиграфических экспедиций он бескорыстно передает свой богатый научный опыт аспирантам и студентам, постигающим навыки полевого исследователя, щедро делится своими профессиональными знаниями.

Игоря Валентиновича как истинного ученого, исследующего памятники орхоно-енисейской письменности, волнует проблема их сохранения. Как известно, большая часть енисейских надписей собрана в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова, а с середины прошлого столетия их стали собирать в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Влажностный и температурный режимы в музеях не всегда идеально отвечают оптимальным условиям хранения памятников. И. В. Кормушин на правительственном уровне поднимал вопрос об их сохранности, пригласив членов правительства Тувы на специальную лекцию о значимости енисейских надписей для истории и культуры Тувы, которая проводилась в стеларии старого музея. Эта встреча оказалась результативной — сегодня в районе нового музея им. Алдан-Маадыр строится крытый стеларий для памятников енисейской письменности.

Игорь Валентинович находит время и для написания учебно-методических работ: он составил и опубликовал программу курса «Древние тюркские языки», а в 2004 г. под грифом Министерства образования и науки РФ выпустил учебное пособие «Древние тюркские языки» для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Востоковедение», «Филология» и «Родной язык и литература» (тюркская языковая семья). Благодаря этому учебнику студенты имеют возможность познакомиться с памятниками в контексте анализа взаимоотношений древних тюркоязычных этносов, а на образцах текстов древнеписьменного творчества тюркоязычных народов — с их языком и стилем.

В настоящее время для широкого круга читателей, интересующихся историей Саяно-Алтая и населявших его народов, Игорь Валентинович подготавливает научно-популярную книгу «Рунические надписи древней Тувы», которая выйдет на двух языках — русском и тувинском.

Велика заслуга ученого и в подготовке научных кадров для тюркоязычных республик России, а также Монголии. Под руководством И. В. Кормушина защитились десять аспирантов, еще три аспиранта работают над кандидатскими диссертациями, и один из них (Начын Монгуш) занимается языком енисейских памятников Тувы.

Игорь Валентинович — ученый с широкими и многогранными научными интересами: история тюркских языков, сравнительно-историческое языкознание, лексика и грамматика тюркских языков, реконструкция морфологической системы тюркских языков, картина мира пратюркского этноса по данным языка, алтаистика, тунгусоманьчжуроведение, монголоведение.

Сегодня Игорь Валентинович известен как автор более 200 научных работ, в том числе 13 монографий. Проблемам уникальных орхоно-енисейских надписей посвящены более 50 исследований, в том числе две монографии и учебное пособие с программой (см. выше).

Многолетние научные, научно-методические и научно-организаторские заслуги И. В. Кормушина отмечены почетными званиями: Почетный член Турецкого лингвистического общества (2000), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003), Почетный профессор Тувинского государственного университета (2006), Заслуженный деятель науки Республики Тыва (2010).

Литература

Баттулга, Кормушин 2009 — *Баттулга Ц., Кормушин И. В.* О поминальной надписи на скале в Хангидае (Центральная Монголия) // Тюркологический сборник 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 5—14. {*Battulga C., Kormušin I. V.* О pominal'noj nadpisi na skale v Xangidae (Cen-

tral'naja Mongolija) // *T'urkologičeskij sbornik 2007—2008: Istorija i kul'tura t'urkskix narodov Rossii i sopredel'nyx stran*. М., 2009. Р. 5—14.}

Даргын-оол 2006 — *Даргын-оол Ч.* Игорь Кормушин: Я работаю с пятьюдесятью языками // *Люди Центра Азии*. Кызыл, 2006. С. 467—472. {*Dargyn-ool Č. Igor' Kormušin: Ja rabotaju s p'at'judes'at'ju jazykami // L'udi Centra Azii*. Kyzyl, 2006. P. 467—472.}

ДТС 1969 — *Древнетюркский словарь* / Ред. *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Боровкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летягина Н. И., Тугушева Л. Ю.* Л., 1969. {*Drevnet'urkskij slovar' / Ed. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M., Borovkova T. A., Dmitrieva L. V., Zyrin A. A., Kormušin I. V., Let'agina N. I., Tuguševa L. Ju. L.*, 1969.}

Кара-оол 2013 — *Кара-оол Л. С.* Исследование енисейских памятников Тувы: И. В. Кормушин // *Тюркская руника: Язык. История. Культура* (К 120-летию дешифровки орхоно-енисейской письменности). Часть II. Материалы международной научной конференции (Кызыл, 10—11 июля 2013 г.). Абакан, 2013. С. 174—177. {*Kara-ool L. S. Issledovanie enisejskix pam'atnikov Tuvy: I. V. Kormušin // T'urkskaja runika: Jazyk. Istorija. Kul'tura* (K 120-letiju dešifrovki orkhono-enisejskoj pis'mennosti). Part II. Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii (Kyzyl, 10—11 ijul'a 2013 g.). Abakan, 2013. P. 174—177.}

Кононов 1980 — *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. {*Kononov A. N. Grammatika jazyka t'urkskix runičeskix pam'atnikov VII—IX vv. L.*, 1980.}

Кормушин 1975 — *Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // *Советская тюркология*. 1975, 2. С. 25—47. {*Kormušin I. V. K osnovnym pon'atijam t'urkskoj runičeskoj paleografii // Sovetskaja t'urkologija*. 1975, 2. P. 25—47.}

Кормушин 1997 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М., 1997. {*Kormušin I. V. T'urkskie enisejskie epitafii: Teksty i issledovanija*. М., 1997.}

Кормушин 2001 — *Кормушин И. В.* Следы и элементы литературы в енисейских надписях // *Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии*. Вып. V. Абакан, 2001. С. 102—106. {*Kormušin I. V. Sledy i elementy literatury v enisejskix nadpis'ax // Ežegodnik Instituta sajano-altajskoj t'urkologii*. Vol. V. Abakan, 2001. P. 102—106.}

Кормушин 2005 — *Кормушин И. В.* К прочтению надписи из местечка Шар-булаг в сомоне Дарв Ховдского аймака (Северо-Западная Монголия) // *Тюркологический сборник 2003—2004: Тюркские народы в древности и средневековье*. М., 2005. С. 118—125. {*Kormušin I. V. K pročteniju nadpisi iz mestečka Šar-bulag v somone Darv Xovdskogo ajmaka (Severno-Zapadnaja Mongolija) // T'urkologičeskij sbornik 2003—2004: T'urkskie narody v drevnosti i srednevekov'e*. М., 2005. P. 118—125.}

Кормушин 2008 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии: Грамматика. Текстология. М., 2008. {*Kormušin I. V. T'urkskie enisejskie epitafii: Grammatika. Tekstologija*. М., 2008.}

Кормушин 2009 — *Кормушин И. В.* Тамговые аналогии наскальных надписей из долины р. Алаш (Западная Тува) и стелы из Суджи (Северная Монголия), или Еще раз к вопросу о кыргызском характере Суджинской надписи // *Тюркологический сборник 2007—2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. М., 2009. С. 177—188. {*Kormušin I. V. Tamgovye analogii naskal'nyx nadpisej iz doliny r. Alaš (Zapadnaja Tuva) i stely iz Sudži (Severnaja Mongolija), ili Ešče raz k voprosu o kyrgyzskom karaktere Sudžinskoj nadpisi // T'urkologičeskij sbornik 2007—2008: Istorija i kul'tura t'urkskix narodov Rossii i sopredel'nyx stran*. М., 2009. P. 177—188.}

Türik bitig — *Türik bitig: Комитет по языкам Министерства культуры и информации* // <http://irq.kaznpu.kz/?lang=r&mod=1&tid=2&oid=4&m=1>, 2014. {*Türik bitig: Komitet po jazykam Ministerstva kul'tury i informacii* // <http://irq.kaznpu.kz/?lang=r&mod=1&tid=2&oid=4&m=1>, 2014.}

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится попытка анализа роли ведущего ученого-тюрколога И. В. Кормушина в исследовании орхоно-енисейской письменности Сибири и Монголии.

SUMMARY

In the paper the author studies Igor Kormushin's role in the research on the Orkhon-Yenisey written script of Siberia and Mongolia.

Ключевые слова: древнетюркские памятники, орхоно-енисейская письменность, енисейские эпитафии, руника, текстаема

Keywords: ancient Turkic written monuments, Orkhon-Yenisey written script, Yenisey epitaph, runic alphabet, texteme

Михаил Иванович Боргояков (1930—1983). К 30-летию кончины

Боргояков Михаил Иванович — один из основоположников современного хакасского языкознания, тюрколог-хакасовед, доктор филологических наук. Он является первым доктором наук, защитившим докторскую диссертацию на материале современного хакасского языка.

Михаил Иванович Боргояков родился 5 мая 1930 г. в д. Нижняя Тея Аскизского района Республики Хакасия. Его родители: отец Иван Петрович Боргояков и мать Марфа Мефодьевна Кичеева — всю свою жизнь занимались скотоводством. В годы советской власти отец завел колхозной молочно-товарной фермой. Михаил Иванович, самый младший из шестерых детей, как и старшие, учился в хакасских школах — в Политовской начальной и в Усть-Чульской семилетней школах, — а после их окончания — на хакасском отделении Абаканского педагогического училища. После успешного окончания педагогического училища он поступил на хакасское отделение филологического факультета Абаканского государственного педагогического института, который окончил в 1952 г. и был направлен на работу в Хакасское книжное издательство.

В 1956 г., после окончания аспирантуры при кафедре тюркологии Ленинградского университета имени А. А. Жданова, Михаил Иванович продолжил научно-исследовательскую работу в должности старшего научного сотрудника, а затем руководителя Сектора языка Хакасского НИИЯЛИ. Научное руководство его работой

над кандидатской диссертацией взял на себя крупный тюрколог нашей страны, доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов. Кандидатскую диссертацию «Прямое дополнение в хакасском языке» М. И. Боргояков защитил в Томском государственном университете в 1961 г.

На основании своей кандидатской диссертации и многочисленных более поздних разработок в 1976 г. М. И. Боргояков опубликовал монографию «Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке». Эта работа представляет собой детальное исследование всей падежной системы хакасского языка, набора падежей, их значений и особенностей употребления. Хакасский материал, включающий все диалектные системы, рассматривается на общетюркском фоне, с особым вниманием к окружающим тюркским языкам и диалектам Южной Сибири, что позволяет автору сделать ряд нетривиальных выводов об истории падежных форм. В частности, показано, что «в хакасском языке фактически сформировались еще два новых падежа: “причинно-следственный” (-наңар / -неңер, -даңер / -деңер, -таңар / -теңер) и “продольно-сравнительный” (-ча / -че, -ча / -че)». В настоящее время сфера употребления этих новых падежей продолжает расширяться, как отмечает профессор В. Г. Карпов [Карпов 1984].

Огромный материал, собранный М. И. Боргояковым, был обобщен в его докторской диссертации «Проблемы формирования и развития хакасского языка». В 1979 г. он успешно защитил ее в Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР (г. Алма-Ата). Это была первая докторская работа на материале современного хакасского языка. Михаил Иванович проявил себя не только как языковед, но и как историк. Опираясь на лингвистические исследования, он сделал вывод в своей работе о том, что «хакасы как народность сложились из различных родоплеменных групп тюркского и ассимилированного происхождения».

На основе своей докторской диссертации М. И. Боргояков подготовил и в 1981 г. издал монографию «Источники и история изучения хакасского языка». В этой работе впервые подробно анализируются прямые и косвенные источники, сохранившиеся с XVIII в. до настоящего времени языковые материалы, по которым можно проследить историю формирования языка. На основе анализа лексики, грамматики и

фонетики он показал тесную связь хакасского языка с древнекиргызским языком и более ранними древнеуйгурскими племенными языками. Он установил, что «некоторые фонетические и морфологические материалы свидетельствуют о том, что важные отличительные признаки хакасского языка и его диалектов в основном были уже сформированы в XVIII в., в последующее столетие происходило их дальнейшее развитие и распространение».

Михаил Иванович активно участвовал в составлении первой грамматики хакасского языка, вышедшей в 1975 г. в издательстве «Наука» под редакцией профессора Н. А. Баскакова. Он является одним из авторов большого «Хакасско-русского словаря». Под его руководством учеными института были подготовлены учебники по хакасскому языку для 5—6 и 7—8 классов. Также М. И. Боргояков разрабатывал программы для изучения хакасского языка в школах и методические указания для учителей, преподавателей хакасского языка.

Работы М. И. Боргоякова неоднократно печатались в научных журналах Москвы, Томска, Новосибирска, Баку, Алма-Аты, Бишкека, Ашхабада и Кызыла. Он выступал с докладами на VII Международном социологическом конгрессе в г. Варна (Болгария) и на региональных, общесоюзных и международных конференциях и симпозиумах. Всего им опубликовано более 70-ти научных работ в области лексики и грамматики хакасского языка, диалектологии, истории языка и топонимики. Однако Михаил Иванович не ограничивался лингвистикой: он живо интересовался проблемами фольклора, а также им написан целый ряд статей по этногенезу и истории хакасов [Боргояков 2005].

К М. И. Боргоякову поступали просьбы о написании отзыва или выступлении в качестве оппонента на защите кандидатских и докторских диссертаций, и обычно он не отказывал, поэтому многие ученые-языковеды считают его своим наставником.

Авторитет и известность Михаила Ивановича в научном мире были столь высоки, что он как талантливый языковед был избран в состав Ученых советов Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, Киргизского госуниверситета, Института языкознания Академии наук СССР. Также он был членом Комитета тюркологов Советского Союза.

Многие годы М. И. Боргояков руководил Сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Он читал лекции для студентов Абаканского пединститута и для слушателей Института усовершенствования учителей. Вместе с этим он оказывал большую помощь молодым преподавателям пединститута и педучилища, а также сотрудникам ХакНИИЯЛИ в их творческом становлении.

Ранняя кончина Михаила Ивановича Боргоякова — в возрасте пятидесяти трех лет — явилась большой потерей для науки и образования Хакасии. Однако его научное наследие не потеряло своего значения и продолжает служить тюркологии. Научные труды М. И. Боргоякова высоко ценятся коллегами-лингвистами, фольклористами, историками, этнографами и деятелями культуры. В Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова и Хакасском НИИЯЛИ проводятся «Боргояковские чтения». Его имя увековечено на мемориальной доске, установленной на фасаде родного института.

Литература

Боргояков 2005 — Боргояков Михаил Иванович (К 75-летию со дня рождения): Библиографический сборник / Сост. Сунчугашев Р. Д., Субракова О. В. Абакан, 2005. {Borgojakov Mixail Ivanovič (K 75-letiju so dn'a roždenija): Biibliografičeskij sbornik / Sost. Sunčugašev R. D., Subrakova O. V. Abakan, 2005.}

Карпов 1984 — Карпов В. Г. Михаил Иванович Боргояков: Некролог // Вопросы хакасского литературного языка. Абакан, 1984. С. 194—197. {Karpov V. G. Mixail Ivanovič Borgojakov: Nekrolog // Voprosy xakasskogo literaturnogo jazyka. Abakan, 1984. P. 194—197.}

РЕЗЮМЕ

В данной работе содержится анализ роли тюрколога М. И. Боргоякова в исследовании хакасского языка.

SUMMARY

In the paper the author studies Mikhail Borgoyakov's role in the research on the Khakas language.

Ключевые слова: хакасский язык, тюркские языки, тюркология, лексика, грамматика

Keywords: the Khakas language, the Turkic languages, turkology, lexicon, grammar

Словарь срединного говора удмуртского языка

Удмуртский язык традиционно делится на три наречия: северное, южное и бесермянское.

Северное наречие охватывает три диалекта: верхнечепецкий, среднечепецкий и нижнечепецкий. В свою очередь эти диалекты членятся на ряд более мелких единиц — говоров. Носителями северного наречия являются в основном жители северных районов Удмуртской Республики (Ярского, Юкаменского, Глазовского, Бalezинского, Красногорского, Дебесского, Кезского, Игринского и северной части Шарканского района), а также некоторых районов Кировской области (Слободского, Зуевского, Фаленского и Унинского).

Южное наречие удмуртского языка делится на два крупных диалекта: центрально-южный и периферийно-южный. К первой группе относят кизнерско-можгинский, среднеюжный, граховский, алнашский и кырымасский говоры. Центрально-южный диалект распространен на территории южных районов Удмуртии (Алнашском, Граховском, Киясовском, южной части Малопургинского, Можгинского и Кизнерского районов) и в нескольких населенных пунктах Агрызского и Менделеевского районов Республики Татарстан. Периферийно-южный диалект распространен за пределами Удмуртской Республики и охватывает следующие говоры: шошминский (Балтасинский район Республики Татарстан, Мари-Турекский район Республики Марий Эл, Малмыжский район Кировской области), кукморский (Кукморский и Мамадышский районы Республики Татарстан), бавлинский (Бавлинский район Республики Татарстан и Ермакеевский район Республики Башкортостан), татышлинский (Татышлинский район Республики Башкортостан), закамский или буйско-таныпский (Янаульский, Калтасинский и Бураевский районы Республики Башкортостан и Куединский район Пермской области), красноуфимский (Красноуфимский район Свердловской области), канлинский (с. Канлы Кушнаренковского района Республики Башкортостан) и др.

Бесермянское наречие, наиболее малочисленное по количеству носителей по сравнению с остальными наречиями, распространено в ряде населенных пунктов Бalezинского, Юкаменского и Ярского районов, а также в д. Малая Итча Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики.

Кроме того, на стыке северного и южного наречий выделяют промежуточную группу срединных говоров, распространенных на территории центральных и частично южных районов Удмуртской Республики (Селтинского, Сюмсинского, Увинского, Вавожского, юго-западной части Игринского, южной части Шарканского, Якшур-Бодьинского, Завьяловского, северной части Кизнерского, Можгинского, Малопургинского районов), а также в нескольких населенных пунктах Малмыжского и Вятско-Полянского районов Кировской области. Они отличаются сочетанием особенностей северных и южных наречий на различных языковых уровнях. При этом количество северных особенностей в срединных диалектах при движении с севера на юг постепенно уменьшается, а количество южных — увеличивается. К этой группе переходных говоров на сегодняшний день относят такие диалекты, как среднезападный (в т. ч. прикильмезские говоры), средневосточный, водзимоньинско-омгинский, среднеижский, а также нылгинский говор¹.

Отдельным срединным говорам посвящены статьи С. К. Бушмакина [Бушмакин 1965, 1968, 1969а, 1969б, 1971а, 1977], Б. Ш. Загуляевой [Загуляева 1977, 1978, 1980а, 1981, 1983], Л. Е. Зверевой [Зверева 1982], В. К. Кельмакова [Кельмаков 1992], И. В. Тараканова [Тараканов 1998], Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1973], монографии В. К. Кельмакова [Кельмаков 1981, 1990], а также две диссертационные работы [Бушмакин 1971б; Загуляева 1980б].

Словарь по срединным говорам, представленный ниже, собран в ходе полевых исследований 2013 г. в д. Вылынгурт Сюмсинского района Удмуртской Республики. Данный населенный пункт расположен всего в нескольких километрах от районного центра — с. Сюмси; в нем насчитывается не более 25—30 дворов. В своей речи жители данной деревни довольно широко используют русские заимствования. Дети, как правило, удмуртского языка уже не знают.

В словник вошли слова исконной пермской лексики. Собранный материал был обработан с помощью специальной программы Praat, позволяющей анализировать устную речь человека. Для транскрипции слов использованы символы (обозначения) Международного фонетического алфавита.

¹ Более подробную классификацию диалектов и говоров удмуртского языка см. в [ДАУЯ 2009].

Состав согласных практически полностью соответствует современному удмуртскому литературному языку. Однако в данном говоре встречаются еще специфические согласные, обозначенные нами как z' ² и s' ³.

б = b	з = z	л' = l'	с' = c
в = v	з' = z'	м = m	с' = s'
г = g	z'	н = n	т = t
д = d	ž = dʒ	н' = n'	т' = t'
д' = d'	й = j	п = p	ч = tɕ
ж = ʒ	к = k	р = r	ч' = tɕ'
ж' = dʒ'	л = l	с = s	ш = ʃ

Состав гласных также несколько отличается от литературного языка — наличием дополнительной восьмой фонемы ϵ ⁴.

а = a	у = u
и = i	ы = i
о = o	э = ε
ö = ɔ	е = e

Анализ показателей двух первых формант (F1 и F2) гласных первого слога позволяет рассчитать средний показатель для каждой фонемы и выстроить следующую систему гласных рассматриваемого говора (Рис. 1).

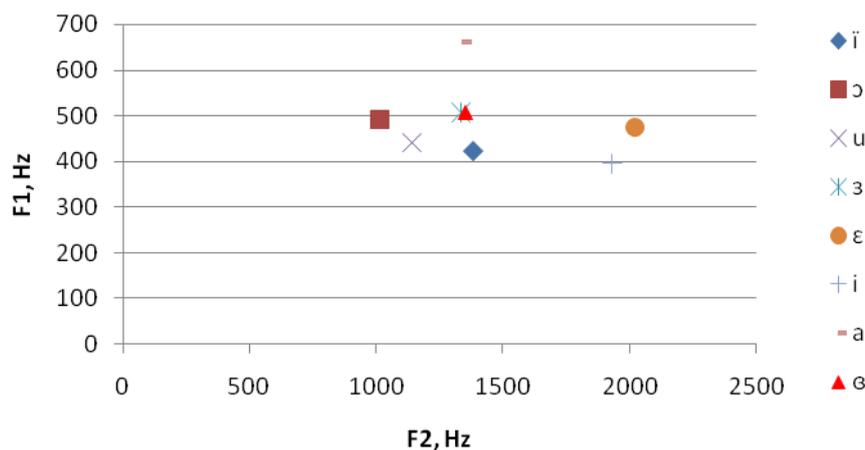

Рис. 1.

Говор д. Вылынгурт имеет следующие фонетические особенности, отличающие его от литературного удмуртского языка⁵:

1) употребление аффрикаты $dʒ$ в соответствии с литер. щелевым z' : adz — литер. az' 'перед, передняя часть'⁶, $gīr'édz$ — литер. $гыр'эз'$ 'сырой, недоваренный (например, о картофеле)', $kīdʒnī$ — литер. $киз'ыны$ 'сеять, посеять', $kudʒīt$ — литер. $куз'ым$ 'солёный', $kīdʒ$ — литер. $кыз'$ 'моча', $kedʒīt$ — литер. $кэз'ым$ 'холод, мороз', $ludʒ$ — литер. $луз'$ 'овод', $ledʒnī$ — литер. $лэз'ыны$ 'отпустить, пустить', $pīdʒīrtīnī$ — литер. $пыз'ыртыны$ 'выжать, отжать', $sīdʒīl$ — литер. $сиз'ыл$ 'осень', $vadʒ$ — литер. $ваз'$ 'рано';

2) употребление аффрикаты $dʒ$ в соответствии с литер. щелевым $ж$: $kīrnīdʒ$ — литер. $кырныж$ 'ворон', $kīrīdʒ$ — литер. $кырыж$ 'кривой', $kendʒīnī$ — литер. $кэнжыны$ 'загореться, зажечься, вспыхнуть', $nīdʒ$ — литер. $ныж$ 'тупой, плохо (недостаточно) отточенный (о режущих инструментах)', $vajīdʒ$ — литер. $вайыж$ 'оглобля', $vīdʒīnī$ — литер. $выжыны$ 'перейти, переправиться';

3) употребление $tɕ$ в соответствии с литер. $ч$: $pīteanī$ — литер. $пычаны$ 'впитаться', $sīteé$ — литер. $сычэ$ 'такой', $teafjīnī$ — литер. $чашиыны$ 'поразить молнией', $teuz$ — литер. $чууж$ 'желтый', $teuzjēt$ — литер.

² Палатализованный вариант фонемы z .

³ Палатализованный вариант фонемы c .

⁴ Огубленный (? слабогубленный) гласный среднего ряда средне-нижнего подъема.

⁵ Все особенности имеют спорадический характер.

⁶ К каждому примеру приводится транскрипционный вариант слова в современном удмуртском литературном языке. Перевод с удмуртского на русский язык дается по электронному словарю [Электрокыллюкам].

čужжэйэм ‘солод’, *teuzini* — литер. *čужжыны* ‘месты, подметать’, *teiziviziós* — литер. *čужжывыжжыос* ‘родня, родственники’, *težé* — литер. *čожэ* ‘за, в течение, в продолжение’;

4) употребление *f* перед *k* в соответствии с литер. *ш*: *bifkaní* — литер. *бышканы* ‘колоть, тыкать; истыкать’, *ifkaní* — литер. *ишканы* ‘дергать, рвать’, *kwafkaní* — литер. *куашканы* ‘разрушиться; разрушаться’, *puifkin* — литер. *пушкын* ‘внутри’, *viifki* — литер. *вышкы* ‘кадка, кадушка’;

5) употребление *s'* в соответствии с литературным *c'*: *azvés'* — литер. *азвэс'*, *jirs'í* — литер. *йырси* ‘волос; волосы’, *s'ijini* — литер. *с'ийины* ‘есть, съесть’, *s'ijés* — литер. *с'ийэс* ‘хомут’, *s'in* — литер. *с'ин* ‘глаз’, *s'ul* — литер. *с'ул* ‘полоз (саней)’, *s'ulém* — литер. *с'улэм* ‘сердце’, *s'urs* — литер. *с'урс* ‘тысяча’, *s'urés* — литер. *с'урэс* ‘дорога’, *s'erér* — литер. *с'эрэл* ‘гнида’;

6) употребление *e* в соответствии с литер. *ö*: *déd'í* — литер. *дөд'ы* ‘сани’, *gertém* — литер. *гөртэм* ‘иней, изморозь’, *jel* — литер. *йөл* ‘молоко’, *kėki* — литер. *көкы* ‘зыбка, люлька’, *n'el* — литер. *н'өл* ‘стрела’, *pez* — литер. *пөз* ‘варежка’, *es* — литер. *өс* ‘дверь’, *eskiní* — литер. *өскыны* ‘рвать; тошнить’, *ezít* — литер. *өжыт* ‘мало, немного’;

7) употребление *e* в соответствии с литер. *ö*: *n'er* — литер. *н'өр* ‘прут; ветка; лоза’, *edjaní* — литер. *өдйаны* ‘начинать’, *er* — литер. *өр* ‘русло, ложе (реки)’;

8) употребление *i* в соответствии с литер. *ы*: *n'il'* — литер. *н'ыл'* ‘четыре’, *n'ipjét* — литер. *ныпйэт* ‘заплетенная люлька на лямках (для ношения ребенка или груза на спине)’, *vil'* — литер. *выл'* ‘новый’, *willkak* — литер. *чылкак* ‘совсем, абсолютно’;

9) выпадение конечной гласной основы инфинитивных форм: *juní* — литер. *йуыны* ‘пить’, *kidni* — литер. *кизыны* ‘сеять; посеять’, *kulni* — литер. *кулыны* ‘умирать; умереть’, *kil'ni* — литер. *кыл'ыны* ‘раздеть; снять одежду’, *kin'ni* — литер. *кын'ыны* ‘закрывать (глаза)’, *ledni* — литер. *лэзыны* ‘отпустить, пустить’, *min'í* — литер. *мыныны* ‘идти, пойти; ехать’, *pil'ni* — литер. *пил'ыны* ‘расколоть (например, дрова)’, *serni* — литер. *сөрыны* ‘разбить, сломать’, *vajni* — литер. *вайыны* ‘принести; привести’.

Словарь говора д. Вылынгурт Сюмсинского района Удмуртской Республики

№	Удмуртское слово	Перевод на русский язык
1	ad'amí	человек
2	ají	самец
3	al	колени; лоно; подол
4	an	челюсть
5	angés	подбородок
6	ar	год
7	azvés'	серебро
8	adz	перед, передняя часть
9	adz:ini	видеть, увидеть
10	bad'pú	ива
11	basmá	платок
12	bin'altón	портянка; онуча
13	bin'aní	замотать, смотать, мотать
14	budetini	воспитать, вырастить
15	bur	правый
16	biz	хвост
17	bifkaní	колоть, тыкать, истыкать
18	bod:or	стена
19	ber	зад, задняя часть; поздно
20	bergani	кружиться, крутиться, вертеться, вращаться
21	beriz	липа
22	dugdini	остановиться
23	dun	цена, стоимость
24	dur	берег, кромка, край
25	dil'dí	слюна
26	difini	привыкнуть, свыкнуться
27	dongini	толкнуть, подтолкнуть; столкнуть
28	dorin	у, около
29	doldol	совсем, все, целиком
30	derá	холст, холстина

31	ded'í	сани
32	gad'	грудь
33	gadʒgés	выпученный, выставленный
34	gaʃlól kil':iní	лежать на спине
35	gid	хлев, загон
36	gizí	ноготь
37	gubí	гриб
38	gudirí	гром
39	gur	печь
40	gurdziní	рыгнуть, отрыгнуть
41	gužém	лето
42	gíbéđ	перегной
43	gíldzít	скользящий
44	gír	ступа
45	girk	дупло
46	gírédz	сырой, недоваренный (например, о картофеле)
47	gīz kiskiní	волочить, тянуть волоком
48	gord	красный
49	gerdzét	узел, петля (на нитке)
50	gertém	иней, изморозь
51	inbám	небо
52	ini	уже
53	iskál	корова
54	itiní	соединить, присоединить; удлинить, наставить
55	iʃkaní	дергать, рвать
56	jag	бор (сосновый)
57	jará	корка раны; струп, короста
58	ju	зерновые; посеы, хлеба
59	juaní	спросить, спрашивать
60	jumál	сладкий
61	jun	крепкий, прочный
62	juní	пить
63	jurmég	ласка
64	jurt:iní	помочь, помогать
65	juriekíní	проклинать, пожелать (желать) зла кому-либо
66	jurəmíní	заблудиться, сбиться с дороги
67	juskíní	распрячь, распрягать
68	jue	лебедь
69	juʃ	окунь
70	juʒ	наст
71	jídí	ячмень
72	jír	голова
73	jírjiní	грызть, глодать
74	jírs'í	волосы
75	jírəmíní	заблудиться, сбиться с дороги
76	jórós	примерно, приблизительно
77	józ	сверстник, ровесник
78	józví	сустав
79	jε	ремень
80	je	лед
81	jel	молоко
82	kad'	будто, словно, как, как будто, подобно
83	kal	завязка, шнур
84	kaltiní	ловить (неводом, сетью), тянуть сети
85	kal':én	медлительный, медленный
86	kapteí	легкий, нетрудный
87	kartospú	ботва картофеля

88	ki	рука, кисть руки
89	kibíós	насекомые
90	kil'	перхоть
91	kiemaní	спеть, зреть, созреть, созреть
92	kietíni	вылить; просыпать, высыпать
93	kizil'í	звезда
94	kiznini	чихнуть
95	kidzini	сеять, посеять, засеять
96	kínó	кто
97	krež'	гусли
98	ku	шкура, шкурка; кожа, мех
99	kudíz	который
100	kudimul'í	черника
101	kudó	большая корзина, короб
102	kujaní	бросать
103	kulní	умирать, умереть
104	kul'tó	сноп (конопли или льна)
105	kum	кум
106	kunúl	подмышка, подмышки
107	kurjaní	соскрести, соскрести; очистить, очищать (дно посуды)
108	kurini	попросить, просить
109	kurít	горький
110	kuregpúz kzm	скорлупа
111	kurég puz	яйцо
112	kurte:ilini	кусать
113	kus	поясница
114	kusíp	промежуток, расстояние
115	kusó fuk:ón	оселок, точильный камень
116	kutini	поймать; схватить
117	kuz	пара
118	kuini	выткать, ткать
119	kuř	поляна, лужайка (в лесу)
120	kuz	длинный
121	kuzil'í	муравей
122	kuzim	подарок, дар; гостинец
123	kuzim	сила, энергия, мощь
124	kudzál	горький
125	kudzit:urin, kuzit:urin	щавель
126	kudzit	соленый
127	kuřó	пестрый
128	kutekini	начинать
129	kúó	когда
130	kwajini	пополнить, полнеть, растолстеть, толстеть
131	kwalá	куала (культурная постройка, святилище)
132	kwaldini	отколоться
133	kwamín	тридцать
134	kwar	лист
135	kwas	лыжа, лыжи
136	kwat'	шесть
137	kwaemini	высохнуть
138	kwatřkaní	разрушиться, разрушаться
139	kwin'	три
140	kíd	отруби, шелуха; высевки
141	kij	змея
142	kik	два
143	kil	язык
144	kilini	услышать, слышать, расслышать

145	kīl'	зараза, заразная болезнь
146	kīl' :iní	лежать
147	kīl'ní	раздеть, снять одежду
148	kīl'iní	остаться, оставаться
149	kīmaní	опрокинуть, поставить вверх дном
150	kīmín	ничком, лицом вниз
151	kīmés	лоб
152	kīnmīnī	замерзнуть, мерзнуть
153	kīnmém	мерзлый, замерзший, застывший
154	kīn'ní	закрывать (глаза)
155	kīn'irtīnī	мигнуть, моргнуть; слегка зажмурить (закрывать) глаза, прищурить глаза
156	kīpí	чурбан
157	kīrnídž	ворон
158	kīrīnī	размыть, сносить водой
159	kīrīm	ладонь
160	kīrídž	кривой
161	kīsīnī	потушить, тушить, погасить, гасить
162	kītkīnī	запрячь
163	kītīnó	где
164	kīz	ель
165	kījkaní	испугаться, пугаться
166	kīz	двадцать
167	kīzpu	береза
168	kīdz	моча
169	kīdzó	как, каким образом
170	kījǝo	какой
171	kəlīnī	ступить в воду
172	koraní	рубить
173	korká	дом, изба
174	kort	железо
175	kosīnī	велеть, заставить, заставляя, потребовать, требовать
176	kot	мокрый, сырой
177	kozīnī	завернуть (свернуть) в сторону
178	kej	моль
179	kel'tīnī	оставить
180	ken	невестка, сноха
181	kenós	амбар
182	kenzal'í	ящерица
183	kendžīnī	загореться, зажечься, вспыхнуть
184	kert :iní	вязать; завязать
185	keēinī	порвать, рвать, оторвать
186	kedžít	холод, мороз
187	kzliní	переночевать
188	kztó	беременная
189	kej	сало, жир
190	kekí	зыбка, люлька
191	kel	глиста
192	kes	сухой
193	kef	невкусный
194	lajīnī	размесить, месить (например, глину, тесто)
195	lijál	пень, пенек
196	lud	поле
197	lul	душа
198	lulpú	ольха
199	lup	селезенка
200	lusjīnī	тесать, обтесать, подтесать
201	luiní	быть, стать, становиться

202	luś	песок
203	ludz	овод
204	lī	кость
205	līd	число, количество; счет
206	līdjaní	считать, подсчитать
207	līktīnī	прийти, приходиться
208	līm	бульон
209	līmí	снег
210	lis	хвоя
211	līdz:īnī	считать, подсчитать
212	lōbaní	летать
213	læctīnī	делать; строить
214	lædznī	отпустить, пустить
215	lædīnī	пушить, теребить, щипать (шерсть)
216	l'ipét	крыша
217	l'uk	груда, куча
218	l'ukīnī	делить, разделить
219	l'ukīt	тесно
220	l'em	черемуха
221	malpaní	думать, мыслить
222	matīn	близко
223	madzīnī	загадать загадку
224	márō	что
225	mi	мы
226	miekīnī	мыть
227	mugór	тело, туловище
228	mukét	другой, иной
229	mul'í	ягода; плод
230	murt	человек (незнакомый)
231	murí	яловый, бесплодный
232	mus	печень
233	muzjém	земля
234	muʃ	пчела
235	muʃʃ	кочка
236	mīn:í	идти, пойти; ехать
237	mīnám juemé poté	меня томит жажда
238	mīzík	кулак
239	mōn	я
240	mertaní	измерить; взвесить
241	nujaní	растянуться, растягиваться, тянуться
242	nunál	день
243	nuīnī	нести, носить; унести, уносить
244	nuʃí	деревянная колотушка
245	nīd	черенок
246	nīl	девочка, девушка
247	nīr	нос
248	nīr suzī	носовой хрящ
249	nīrkīnī	месить, замесить (например, тесто, глину)
250	nīdž	тупой, плохо (недостаточно) отточенный (о режущих инструментах)
251	nōkin	никто
252	nómīr	ничего
253	n'almit	пологий, отлогий
254	n'an'	хлеб
255	n'an' sukīrī	каравай хлеба
256	n'il'	четыре
257	n'im	имя
258	n'ipjét	заплечная люлька на лямках (для ношения ребенка или груза на спине)

259	n'iskīlaní	кататься, покататься
260	n'uk	лог, овраг; лощина
261	n'ulaní	вспотеть
262	n'ulīnī	лизать, облизать, облизывать
263	n'ur	болото
264	n'ur	влажный
265	n'ildīnī	ободрать, обдирать, содрать, сдирать
266	n'ilpú	пихта
267	n'ilīnī	глотать, проглотить
268	n'ozjaní	растягивать, растянуть (слова), протяжно говорить (петь, спеть)
269	n'er	прут; ветка; лоза
270	n'énokín	никто
271	n'énomír	ничего
272	n'el	стрела
273	rajá	лещ
274	pal	сторона, направление
275	paléz	рябина
276	pal'án	левый
277	pan'gatīnī	вдавить, раздавить, сплюснуть
278	pare	свинья
279	pac	дыра; отверстие
280	paʃpú	орешник
281	pi	сын, мальчик
282	pijaní	родить
283	pil'ní	расколоть (например, дрова)
284	pil'ém	облако, туча
285	pin'	зуб
286	pirú	осина
287	pu	дрова; дерево, древесина
288	pujǐ	мешочек; сумочка, сумка
289	pukīnī	сидеть
290	pum	конец
291	pumitaní	встречать
292	punīnī	вить, свить
293	puní sit'	веснушка
294	pun'í	ложка
295	purtí	котел
296	puríe	серый
297	purəmīnī	разгореться, разгораться
298	purdzīnī	подняться, разлететься (о пыли)
299	puʃjīnī	дать побеги
300	puʃmul'í	орех
301	puʒ	решето, сито
302	puʒí	вышивка, узор
303	puʒím	сосна
304	puʒéj	олень
305	puʃ	внутренность, внутреннее пространство
306	puʃ	жердочка, жердь; шест, жердина
307	puteí	верба, почка
308	pídés	дно; днище
309	píd'és	колени
310	pīlaekīnī	купаться; мыться
311	pīr	сквозь, через
312	pīrīnī	зайти, заходить, войти
313	pīʃ	конопля (растение)
314	pīz	мука
315	pīzīnī	печь, испечь

316	pīdzirtīnī	выжать, отжать
317	pīteanī	впитаться
318	pīteēj	короед
319	pādīnī	закрывать (например, окна, двери)
320	pəg	ком, комок
321	pəl	раз
322	pənīnī	положить
323	pərjanī	порхать
324	pəsīnī	мять, помять; комкать
325	pəz	мутный, грязный
326	pədló	внешняя часть, наружная сторона
327	pəjmīt	темный
328	pəkl'á	почка
329	pəl'	ухо
330	pən'	зола, пепел
331	pərés'	старый, пожилой
332	pəlī	большой палец
333	pəlīn	среди
334	pərtém	различный, разный
335	pəzékí	стриж
336	pəzētīnī	износиться (об одежде, обуви)
337	pəe	горячий
338	pəz	варежка
339	salkím	прохлада, свежесть
340	sijanī	остыть, стыннуть, остывать
341	sil'	мясо
342	sin'ís	нить, нитка
343	sit	кал, помет, испражнения
344	sitán	зад, ягодица
345	sit'anī	испражняться
346	siz	дятел
347	sidzíl	осень
348	su	сажа
349	suj	рука (от плеча до кисти)
350	sul	кора
351	susipú	можжевельник
352	sutīnī	догнать, догонять
353	sutér	смородина
354	suzér	младшая сестра
355	suz	пригоршня
356	sudzani	очистить, вычистить, чистить
357	sudzīnī	дотянуться, дотягиваться, тянуться, доставать
358	sīlál	соль
359	sīlīnī	стоять
360	sīn	расческа, гребенка
361	sīnanī	расчесывать
362	sīnīnī	ржаветь, заржаветь
363	sīskīnī	жевать
364	sīteé	такой
365	səzrnī	разбить, сломать
366	s'ijīnī	есть, съесть
367	s'ijés	хомут
368	s'in	глаз
369	s'inkīl'í	слеза
370	s'inlís	ресница
371	s'ul	полоз (саней)
372	s'ulém	сердце

373	s'urs	тысяча
374	s'urés	дорога
375	s'erér	гнида
376	ta	этот
377	tabapúd	рукоятка, сковородник
378	tapĩrtĩní	топать, цокать
379	tĩ	вы
380	tir	топор
381	trəs	много, множество
382	tudvú	половодье
383	tug	кисть, кисточка (для украшения); бахрома
384	tuj	береста
385	tujĩní	толочь, растолочь
386	tul	клин
387	tulís	весна
388	tul'ivít'	кулик
389	tunanĩ	гадать
390	tunác	гадалка
391	tupanĩ	подходить
392	tupál	заречная сторона, заречье
393	tur	тетерев
394	turí	журавль
395	turín	трава, сено
396	tuj	борода
397	tĩ	легкое
398	tĩ	озеро, пруд
399	tĩbír	спина
400	tĩl	огонь
401	tĩlí	перо (птицы)
402	tĩmét	плотина, дамба
403	tĩpĩ	дуб
404	tĩrmitĩní	заполнить, наполнить
405	tĩrĩní	погрузить, сложить
406	tĩj	тыльная часть, тупая сторона (топора и т. д.)
407	tədmæckĩní	познакомиться, знакомиться
408	tədnĩ	знать, узнать
409	təlalté	зима
410	tən	ты
411	təj	вошь
412	təl'	лес
413	tərni	вместиться, уместиться; войти
414	tətə:ĩní	прыгнуть
415	təl	ветер
416	ud	росток; всходы
417	uj	ночь
418	ujanĩ	плавать, плыть
419	ujvət	сон
420	ukmís	девять
421	ulĩní	жить
422	umój	хороший, добрый
423	urdlĩ	ребро
424	urĩní	полоть, прополоть
425	usĩ	борона
426	us'ĩní	упасть, падать
427	utĩní	лаять
428	ut'ĩní	беречь
429	uzĩ	земляника

430	uzír	богатый
431	uʃjaní	хвалить
432	uz	работа
433	ute:aní	искать
434	vajní	принести, привести
435	vajídʒ	оглобля
436	vajǒbǐʒ	ласточка
437	vakít	время, пора, момент, период
438	val	лошадь, конь
439	valaní	понять, осмыслить
440	val'iekíní	постелить, постлать
441	val'és	постель
442	vamíʃ	шаг
443	vandíní	резать, отрезать, нарезать
444	vaekíní	спуститься, слезть
445	vazerpín'	клык, бивень
446	vadž	рано
447	vijím	мозг, мозги
448	vil'	новый
449	viní	убить
450	vir	кровь
451	virser	вена
452	vis	промежуток, интервал; щель
453	vis'ní	болеть, хворать
454	vis'on	болезнь
455	vit'	пять
456	vit'í	утка
457	viz'	ум
458	vu	вода
459	vukó	мельница
460	vunetíní	позабыть, забыть
461	vuríní	шить, сшить; зашить
462	vuz karíní	продать, распродать
463	vuíní	прийти, приходиться, прибыть; успеть
464	vuʃtíní	тереть, натереть
465	vuz	старый
466	vijíní	утонуть, тонуть
467	vil	верхняя часть, поверхность
468	vırjıl	холм; пригорок
469	vızi	корень
470	vidzíní	перейти, переправиться
471	vidz	мост
472	vıʃkí	кадка, кадушка
473	vǎl'ıt	гладкий
474	vǎrdíní	родить
475	vǎʃtíní	менять, заменять
476	vǎzıt	совесть, стыд
477	vǎʒ	зеленый
478	vǎdzní	держат; удерживать
479	vektei	тонкий
480	vektei teibín'	мошкара
481	veraní	сказать, говорить, рассказать
482	ves'ák	всегда, постоянно, все время
483	vzliní	строгать
484	vej	масло
485	zumíní	нырнуть; погрузиться (например, в воду)
486	zín	запах

487	zĩn pətĩní	вонять; издавать зловоние
488	zĩranĩ	мазать, помазать
489	zĩrĩm	сопли
490	zɔr	дождь
491	zɜk	толстый
492	ĩbnĩ	выстрелить
493	il'	недопеченный, недоваренный, сырой
494	im	рот
495	ĩmdúr	губа
496	in	полог
497	ĩrgón	медь
498	ĩj'ik	прохладно, свежо
499	ĩj'ik	тень, затененное место
500	ĩzĩnĩ	спать
501	ĩzĩ	шапка
502	ĩz	овца
503	ɔdĩg	один
504	ɔmĩrtĩnĩ	черпнуть, зачерпнуть (например, ковшом, ложкой)
505	ɔmĩr	воздух
506	ɔskĩnĩ	верить, доверять
507	ɔtĩn	там
508	ɔf	бык
509	ɔdʒĩ	так, таким образом
510	ealaekĩnĩ	плеваться, плевать
511	ealá	рябчик
512	eig	чердак
513	eijemé pəté	я проголодался
514	eicmém	гниль; гнилой
515	eizĩm	семь
516	eu	сто
517	euɟ	земля, почва
518	eukác	квас
519	eul	кишка
520	eum'ik	бокал, рюмка
521	eur	рог
522	eurmĩnĩ	отвердеть (о мозоли)
523	eurĩ	насед (для кур); перекладаина, шест (для развешивания белья)
524	euɕ	воск; вощина; соты
525	eektanĩ	угостить, угощать, попотчевать, потчевать (вином)
526	eekitén	беременная
527	eekít	трудно, тяжело
528	euermét	узда, уздечка
529	euerekjanĩ	смеяться, хохотать
530	ezm	чешуя
531	edjanĩ	начинать
532	ektĩnĩ	танцевать, плясать
533	emédz	малина
534	er	русло, ложе (реки)
535	es	дверь
536	eskĩnĩ	рвать; тошнить; блевать
537	estĩnĩ	растопить, затопить, топить (печь)
538	ezít	мало, немного
539	ɟap'ik	капля, капелька
540	ɟĩ	жало
541	ɟu	калина
542	ɟug	трудно, тяжело
543	ɟunanĩ	таять, растаять

544	ʃundí	солнце
545	ʃuní	сказать, говорить
546	ʃunít	теплый
547	ʃupaní	высыхать, подсыхать
548	ʃur	река
549	ʃurdiní	бояться (высоты, глубины)
550	ʃutiní	заквасить
551	ʃid	суп
552	ʃir	мышь
553	ʃon'ér	прямо, правильно
554	ʃort	пряжа
555	ʃoriní	резать, отрезать (хлеб)
556	ʃer	редко, нечасто
557	ʃzm	вкус
558	ʃzr	брусок, точило
559	zu	раскаленные угли
560	ɖʒuj	мох, лишайник
561	ɖʒuk	каша
562	ɖʒiz	истлевший (например, о бумаге)
563	ɖʒɔg	быстро
564	ɖʒokaní	задышаться
565	ɖʒokám	утонувший
566	ɖʒomít	тускло, сумрачно
567	ɖʒopí	дымовое окно (в бане)
568	ɖʒzk	стол
569	ɖzar	утренняя заря
570	ɖziteí	лиса
571	ɖzirdít	пламенный
572	ɖziń	шарнир
573	ɖzɛɖzní	распороть, пороть
574	ɖzɛɛteiraní	качаться, покачаться (например, на качелях)
575	ʃʷidetskiní	отдыхать
576	ʃʷin	дым
577	ʃʷɔg	вешалка; кол, колышек
578	teagír	голубой
579	teal'ák	быстро
580	teapkiní	ударить, ударять ладонью; аплодировать
581	teajjiní	поразить молнией
582	teibín'	комар
583	teiginí	переломить
584	teil'aní	блестеть
585	tein'í	палец
586	teilkak	совсем, абсолютно
587	teunarı vətés	паутина
588	teun'í	жеребенок
589	teurít	твердый
590	teut	хромой
591	teuz	желтый
592	teuzjém	солод
593	teuziní	мести, подметать
594	teizivizíós	родня, родственники
595	teos	доска, тес
596	teozé	за, в течение, в продолжение
597	teel'í	мизинец
598	teepil'í	щепотка, щепоть
599	teeteég	трясогузка
600	teztiní	положить начало

Сокращения

литер. — литературный
F1 — первая форманта

F2 — вторая форманта
Hz — герц

Литература

Бушмакин 1965 — *Бушмакин С. К.* Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средневосточных говорах удмуртского языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1965. С. 23—25. {*Bušmakin S. K.* Sposoby vyraženiija stepenej sravneniija prilagatel'nyx v srednevostočnyx govoraх udmurtskogo jazyka // Vsesojuznaja konferencija po finno-ugrovedeniju: Tezisy dokladov i soobščeniij. Syktyvkar, 1965. P. 23—25.}

Бушмакин 1968 — *Бушмакин С. К.* Ассимиляция звуков в средневосточных говорах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1968, 4. С. 269—284. {*Bušmakin S. K.* Assimil'acija zvukov v srednevostočnyx govoraх udmurtskogo jazyka // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1968, 4. P. 269—284.}

Бушмакин 1969a — *Бушмакин С. К.* Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1969, 1. С. 59—69. {*Bušmakin S. K.* Morfoložičeskie osobennosti srednevostočnyx govoroв udmurtskogo jazyka // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1969, 1. P. 59—69.}

Бушмакин 1969b — *Бушмакин С. К.* Служебные слова в средневосточных говорах удмуртского языка // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, 1969. С. 157—163. {*Bušmakin S. K.* Služebnye slova v srednevostočnyx govoraх udmurtskogo jazyka // Vsesojuznaja konferencija po finno-ugrovedeniju: Tezisy dokladov i soobščeniij. Joškar-Ola, 1969. P. 157—163.}

Бушмакин 1971a — *Бушмакин С. К.* Послелогии в средневосточных говорах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. 1971, 2. С. 103—112. {*Bušmakin S. K.* Poslelogi v srednevostočnyx govoraх udmurtskogo jazyka // Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1971, 2. P. 103—112.}

Бушмакин 1971b — *Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. {*Bušmakin S. K.* Fonetičeskie i morfoložičeskie osobennosti srednevostočnyx govoroв udmurtskogo jazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971.}

Бушмакин 1977 — *Бушмакин С. К.* Артикуляция и употребление некоторых согласных в средневосточных говорах удмуртского языка // Филологические исследования в Удмуртии. Ижевск, 1977. С. 9—17. {*Bušmakin S. K.* Artikul'acija i upotreblenie nekotoryx soglasnyx v srednevostočnyx govoraх udmurtskogo jazyka // Filologičeskie issledovanija v Udmurtii. Iževsk, 1977. P. 9—17.}

ДАУЯ 2009 — *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. 1. Ижевск, 2009. {*Nasibullin R. Š., Maksimov S. A., Semenov V. G., Ostavnova G. V.* Dialektologičeskij atlas udmurtskogo jazyka: Karty i kommentarii. Vol. 1. Iževsk, 2009.}

Загуляева 1977 — *Загуляева Б. Ш.* Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка // *Fenno-Ugristica* (= Труды по финно-угроведению). Вып. 4. Тарту, 1977. С. 79—84. {*Zagul'aeva B. Š.* Osobennosti upotrebleniija affrikat v prikil'mezskix govoraх udmurtskogo jazyka // *Fenno-Ugristica* (= Trudy po finno-ugrovedeniju). Is. 4. Tartu, 1977. P. 79—84.}

Загуляева 1978 — *Загуляева Б. Ш.* Некоторые черты глагольных форм в прикильмезских говорах удмуртского языка // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 59—64. {*Zagul'aeva B. Š.* Nekotorue čerty glagol'nyx form v prikil'mezskix govoraх udmurtskogo jazyka // O dialektax i govoraх južnoudmurtškogo narečija. Iževsk, 1978. P. 59—64.}

Загуляева 1980a — *Загуляева Б. Ш.* Сочетания фонем в прикильмезских говорах удмуртского языка // *Fenno-Ugristica* (= Труды по финно-угроведению). Вып. 6. Тарту, 1980. С. 111—123. {*Zagul'aeva B. Š.* Sočetanija fonem v prikil'mezskix govoraх udmurtskogo jazyka // *Fenno-Ugristica* (= Trudy po finno-ugrovedeniju). Is. 6. Tartu, 1980. P. 111—123.}

Загуляева 1980b — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. {*Zagul'aeva B. Š.* Prikil'mezskie govory udmurtskogo jazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1980.}

Загуляева 1981 — *Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 103—125. {*Zagul'aeva B. Š.* Prikil'mezskie govory // Materialy po udmurtskoj dialektologii. Iževsk, 1981. P. 103—125.}

Загуляева 1983 — *Загуляева Б. Ш.* Некоторые лексические особенности прикильмезских говоров // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Ижевск, 1983. С. 36—49. {*Zagul'aeva B. Š.* Nekotorue leksičeskie osobennosti prikil'mezskix govoroв // Voprosy udmurtskoj dialektologii i onomastiki. Iževsk, 1983. P. 36—49.}

Зверева 1982 — *Зверева Л. Е.* Говоры Увинского и Вавожского районов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 60—72. {*Zvereva L. E.* Govory Uvinskogo i Vavožškogo rajonov // Obrazcy reči udmurtskogo jazyka. Iževsk, 1982. P. 60—72.}

Кельмаков 1981 — *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981. {*Kel'makov V. K.* Obrazcy udmurtskoj reči: Severnoe narečie i sredinnye govory. Iževsk, 1981.}

Кельмаков 1990 — *Кельмаков В. К.* Удмуртьёслэн вераськон сямьёссы. II. Шор вераськетъёс (= Образцы удмуртской речи. II. Срединные говоры). Ижевск, 1990. {*Kel'makov V. K.* Udmurt'joslen veras'kon s'am"jossy. II. Šor veras'ket"jos (= Obrazcy udmurtskoj reči. II. Sredinnye govory). Iževsk, 1990.}

Кельмаков 1992 — *Кельмаков В. К.* О некоторых общих особенностях срединных говоров удмуртского языка // Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag = Emlékkönyv Rédei Károly 60. születésnapjára. Wien — Budapest, 1992. S. 251—254. {*Kel'makov V. K.* O nekotoryx obščix osobennost'ax sredinnyx govorov udmurtskogo jazyka // Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag = Emlékkönyv Rédei Károly 60. születésnapjára. Wien — Budapest, 1992. S. 251—254.}

Тараканов 1998 — *Тараканов И. В.* Из наблюдений над особенностями среднезападных говоров срединного диалекта удмуртского языка // *Тараканов И. В.* Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск, 1998. С. 95—136. {*Tarakanov I. V.* Iz nabl'udenij nad osobennost'ami srednezapadnyx govorov sredinnogo dialekta udmurtskogo jazyka // *Tarakanov I. V.* Issledovanija i razmyšlenija ob udmurtskom jazyke. Iževsk, 1998. P. 95—136.}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Заметка по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196—223. {*Tepl'ašina T. I.* Zametka po verxnejškim udmurtskim govoram // Voprosy udmurtskogo jazykoznanija. Vol. 2. Iževsk, 1973. P. 196—223.}

Электрокыллюкам — Электрокыллюкам: Удмурт-žуч кыллюкам (Удмуртско-русский словарь) // <http://udm2rus.ru/index.htm>, 2008. {*Elektrokyll'ukam: Udmurt-žuč kyll'ukam (Udmurtsko-russkij slovar')* // <http://udm2rus.ru/index.htm>, 2008.}

РЕЗЮМЕ

Представленный словарь собран в ходе полевых исследований 2013 г. в д. Вылынгурт Сюмсинского района Удмуртской Республики. Говор данного населенного пункта входит в состав срединных (прикильмезских) говоров удмуртского языка. В словник вошли слова исконной пермской лексики. В очерке описаны также фонемный состав говора и фонетические особенности, отличающие его от литературного удмуртского языка.

SUMMARY

The vocabulary was collected in Vylyngurt village (Syumsinski district) of the Udmurt Republic (2013). The dialect of this village represents the middle dialects of Udmurt. The glossary includes original Permian vocabulary. The article also describes phonemic system and phonetic features of this dialect.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты, полевые материалы, исконная пермская лексика, фонетические особенности

Keywords: Udmurt, dialects, field materials, original Permian vocabulary, phonetic features

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале строки (абзаца) в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. *Kiefer F.*. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 23—45.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;
- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;
- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ИП Кормушин И.В.,
Москов. фил. ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK»
(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908
(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004
(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКБ «ТАТФONDBANK», г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)
к/с 30101810700000000831, БИК 044583831

Оплата журнала:
«Урало-алтайские исследования»
(наименование платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редактор
М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >